

И. Сотников

Деконструктор

16+

Игорь Сотников

Деконструктор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42655629

SelfPub; 2019

Аннотация

Приглашённый на собеседование для приёма на работу в одну из компаний Детектив, с первых же своих шагов в компании столкнулся с труднообъяснимыми событиями и с не менее фантастичными объяснениями всего здесь происходящего. А вот что на самом деле здесь происходит и придётся выяснить... Но вот только кому?

Глава 1.

Бесцеремонность любые двери открывает.

– Я где-то читал, то ли у писателя с учёной степенью, то ли у учёного с задатками писателя, что человеку, несмотря на всю его глупость и недалёкость, всё же по силе осознать всё это, ну и заодно ответить на все существующие мировые загадки, которые скрывает от него окружающий мир. Что ж, надо отдать ему должное, он зрил в корень. И теперь нам не только известны многие загадки мироздания и причины взрывных возникновений, а также то, за счёт чего происходит движение и не движение частиц и атомов, но мы также и самого человека уже расщепили до последней его микрочастицы. Но вот почему все эти существующие силы и законы работают и действуют именно так – исходя именно из этих правил, и что или кто, в конце концов, стоит за всем этим, то на это нам, так до сих пор и не удалось найти ответ. И вот эта загадка, пожалуй, и есть самая главная загадка мироздания. – Ни у кого не спрашивая разрешения, а в особенности у одиноко сидящего в холле приёмной Детектива, заявил присевший на соседнее кресло однозначно умник, которых как раз за это никто и не любит, а они наоборот, ещё больше умничают и умничают.

И хотя сидящий в приёмной Детектив слышал многое и даже более умного и противного, он всё же из приличия сдержался, продолжая свои наблюдения за своими новыми

туфлями, которые, когда они только что куплены, то требуют для себя особенного внимания.

«А тут дело такое, не успеешь оглянуться, а они не то чтобы уже не новые, а в некотором роде уже все в морщинах или не дай бог, в царапинах», – Детектив со злостью вспомнил того типа в лифте, который так спешил не опоздать в лифт, что наступил ему на ногу. – Я его рожу запомнил на всю его короткую жизнь. – Вспылил про себя Детектив. – И теперь что?

У Детектива от этих воспоминаний в очередной раз разболелась шея, и он, схватив её правой рукой, принялся растирать. После чего Детектив с горечью посмотрел на небольшой след, оставленный на туфле, который он прямо сейчас устранил бы лежащей у него наготове в кармане салфеткой, да появление этого болтуна сорвали все эти его грандиозные планы. Оттого, наверное, Детектив вдвойне озлился на этого говоруна, на чью рожу он бы и век не смотрел, но тот всё же вынудил, и Детектив решил-таки взглянуть.

И, конечно, Детектив, раз его вынудили, не собирался одаривать этого умника просто невозмутимым взглядом (нет уж, не дождёшься от него такой милости). А он, не только вложил в свой взгляд всю степень презрения к этому громкоговорителю, но и приготовил для него два очень похожих, как близнецы слова, которые и говорить не надо, а одного брошенного взгляда хватит, чтобы понять их всю глубинную суть.

И вот Детектив очень медленно, как будто он своей головой натягивает струну, приподымает её навстречу этому умнику и уже готов презрительно окинуть того взглядом, присовокупив эти два слова: «Ну-ну», – как вдруг обнаруживает, что этот умник, не просто тот ещё тип, а очень даже предусмотрительный тип. И если посмотреть ему в его глаза, то тут же увидишь, что на тебя смотрит уж больно самоуверенная и наглючая рожа. А уж таких Детектив повидал немало, и он ни с кем их не перепутает, даже с первого короткого взгляда в эти зеркальные очки, которые так предусмотрительно надел на себя этот умник.

И, конечно, Детектив, как натура суровая, а не как та девочка, которой дай только повод посмотреться в зеркало, не собирается снова любоваться собой в отражение этих очков – ему и одного раза в сутки – с утра в ванной, когда чистишь зубы, хватает, чтобы посмотреть на себя в зеркало (запомнил и хватит). Да к тому же этот, однозначно, всё это заранее спланировавший умник, скрывая свои глаза за очками, сам в тоже время сможет заметить появившееся сомнение в глазах Детектива, которому ничего не остаётся делать, как также быстро отвести свой взгляд в сторону. Что подделаешь, раз вчера хорошо и главное допоздна посидели, и скорей всего из-за этого глаза у Детектива до сих пор красные.

– Да, понимаю ваше желание видеть на моём месте совсем не меня, а хотя бы милостивую и главное, молчаливую красотку. Но такова жизнь, мы всегда ждём того, что нам не

предоставляет судьба. – Как будто насмехаясь над Детективом, вдруг заявляет этот умник. И хотя умник сказал в самую точку, ведь как раз его рожу, Детективу хотелось видеть в последнюю очередь, всё же, даже такие точные попадания не спасают эти рожи от точного удара кулаком в нос.

– Но тогда почему бы тебе не выполнить половину из заявленных, заметь, тобою условий. И не заткнуться. – Зло проговорил Детектив, почувствовав, что его шея теперь уже болит от разговора с этим умником.

– Эти условия озвучил может быть и я, но желания их иметь, всё же предположительно исходило от вас. – Следует предерзкий ответ умника. И видимо этот умник хочет Детектива довести до чего-то такого неразумного, или же просто свести его с ума, что, в общем-то, всё одно, раз ведёт к одному итоговому результату. Где Детектив, схватив умника поперёк его худосочного тела, разбивает это тело об огромное витражное стекло, которое хотелось бы думать, что установлено для ограждения улицы от внутренних помещений этого небоскрёба, но судя по всему – от этих надоедливых умников, которых, если бы не эти укреплённые стёкла, то их уже давно бы всех перекидали на улицу. Но не успел Детектив и повести головой, как этот умник, как будто бы умеет читать его мысли, со всей прямотой заявляет:

– Что? Появилось нестерпимое желание выбросить меня в окно. – Что заставляет Детектива уже с удивлением посмотреть на своё отражение в этих зеркалах на носу умника.

– Это что, какой-то тест на сообразительность? – всё-таки Детектив не такой простак и умеет нащупать то, что просто так не лежит на поверхности.

– Вы сообразили. Но это не так. – Заразительно засмеялся умник, заставив Детектива смазать свои гримасы в подобие улыбки. – Да, кстати, а почему вы не обратили внимание на присутствие второй половины из озвученных мною ваших условий. – Умник в подтверждении своих слов, перенаправил свою голову в сторону стоящей у окна длинноногой секретарши. В свою очередь Детектив, не смотря на своё нежелание потворствовать этому умнику, всё же соблазнённый любопытством, переводит свой взгляд на секретаршу, где и задерживает его на ней.

Правда, он её уже видел и даже перекинулся пару слов, когда пришёл сюда. Ведь, в конце концов, не по собственной же инициативе Детектив с утра, в свой выходной день, притащился сюда на чёртовы кулички, почти на самый высокий этаж, куда он со своей высотобией, ни за что бы по доброй воле в жизни не забрался. Ну а когда забрался, то он, про себя знающий, что для него ждать нет ничего хуже на свете, наверное бы, сразу же прошёл в эти главные двери, судя по всему, хозяйина этого и ещё парочки таких же небоскрёбов. Но ему вход перегородила эта секретарша, стоящая у окна, в этой притягивающей взгляды позе.

«Умеют же преграждать путь», – при одном взгляде на сногшибательную секретаршу (что она будет такой, было

ожидаемо, но к таким вещам сколько не готовься, всё равно почему-то оказывается, что ты к ним всегда не готов), не удержав челюсть, которая смачно отвалилась от своего привычного места прижатости к верхней части, подумал Детектив, решив не игнорировать этот шлагбаум и узнать, чего бы она хотела.

– По-до-ждать. – Её ответ, в один вздох, грудным голосом, подломил колени и усадил Детектива на стоящий прямо напротив её административного места диван, где Детектив и принялся ожидающе сидеть и наблюдать. Но резкий наклон вниз и боль в шее сделали своё отвлекающее дело, и Детектив, взглянув на свои туфли, был вынужден отложить на время лицезрение секретарши.

– Впрочем, я вас понимаю. Ничего особенного. Обыкновенный, наполненный совершенными формами стандарт красоты природного качества. – Пропуская сквозь свой наждачный рот такие оскорбительные для любого зависящего от природы, грубого по жизни мужика, этот умник определённо хотел похвастаться перед Детективом своим, непонятно что за положением. И хотя Детектив печёнками ощущал всю хвастливость заявлений этого умника, которого такая девчонка и на шаг к себе не поступит («Если он, конечно, не местный мажор», – Детектив бросил косой взгляд на внешнюю оболочку умника, которая, пожалуй, вполне могла носиться мажором), ему всё-таки почему-то стало обидно за эту симпатичную секретаршу.

Хотя, как не Детективу не знать, насколько обманчива вся эта внешность и где под красотой подчас скрывается малопривлекательная, полногрешная изнанка. Но Детектив в таких вещах на слово никому и даже природе не верит. И уж только после того, как красота в очередной раз его поставит перед фактом своего холодного блеска или же оглушит своим меркантильным поступком, то лишь только после этого и многодневного запоя, Детектив может вынуждено согласиться со своими зрячими друзьями, утверждавшими, что он в очередной раз ослеп.

Но пока он ещё не настолько ослеп, Детектив не собирается, вот так просто, пропускать эти, что за слова умника, больше относящиеся к физике, нежели к совершенству творческого гения природы.

– Я не знаю, о чём вы таком говорите, но секретарша определённо красива и даже слегка дух захватывает. – Заявил Детектив.

– Это она умеет. – Так мерзко засмеялся этот умник, что Детективу вновь нестерпимо захотелось заткнуть его рот кулаком. Но умник, явно читая мысли Детектива, быстро пресекает свой смех и, придав себе серьёзное выражение лица, быстро поправляет себя:

– Я может быть, не так выразился. Но я ни в коем случае не хотел оскорбить, ни нашу любимицу Алису, ни тем более в вашем лице, всю ту грубую силу, которая только и живёт ради покорения этой проходящей красоты. А то глядишь, вы

мне прямо сейчас рот кулаком и заткнёте. – Всё же этот умник насколько переполнен язвительности, что, не смотря на опасность остаться без зубов, не может не съязвить.

– Что, трудно смолчать? – На этот раз Детектив решил проявить проницательность и вопросительно с иронизировать.

– И не говори. – А вот это на «ты» обращение умника, определённо удивляет Детектива.

– Но я не о том говорил. – Не замечая за собой отступлений от правил этикета, продолжает говорить умник. – А о том, что вот, к примеру, ты. Где тебя, допустим, сегодня приглашают на собеседование в этот огромный, почти как город, административный центр. И ни куда-нибудь в подсобку, к старшему распорядителю местных охранников-полотёров, чья зарплата всё же на порядок выше твоей, а на самый верхний этаж к самому! И ты, конечно, предполагаешь, что тебя здесь встретит шик и блеск и много чего фантастически-удивительного, и оно, в общем-то, так и есть. И твои, даже самые, за гранью представления о том, что тебя может здесь ждать, можно сказать реализуются нами в полной мере. Отчего у меня даже промелькнула в голове мысль, а не для тебя ли здесь всё так построено и обустроено, чтобы ты, придя сюда, так сказать, не разочаровался в нас. Ха-ха. – Искренне засмеялся умник, что на этот раз вызвало искреннюю улыбку у Детектива.

– Вот я и задумался над этой мыслью и так сказать, начал

наше с вами знакомство с такого длинного предисловия. – Сказал умник, снимая свои очки, из под которых на Детектива посмотрели обыкновенные глаза самого обычного, даже кажется, что где-то видел человека, и даже нисколько непохожего на того умника, которого представлял для себя под ними Детектив.

– А вот здесь я вас разочаровал. И говорите правду, я ведь немножко по глазам читаю. – Добродушно улыбнулся умник на умник, а теперь и непонятно кто.

– В хорошую сторону, не называется разочарованием. – Ответил, улыбаясь Детектив.

– Ну тогда давайте знакомиться. Я Реконструктор или если вам будет сложно выговаривать две буквы «р», то тогда просто Рекс. – Представился этот удивительный, что за человек.

– А я знаете, почему-то и не удивлён, и даже, если бы вы так не представились, то, наверное, задумался бы над тем, что, что-то здесь не так. – Держа протянутую Реконструктором руку, сказал Детектив.

– А я о чём. И я даже уже практически уверен в том, что вся та идея или первомысль, создавшая всё вокруг и в том числе меня, трудилась лишь ради одного – именно ради вас. – Рассмеялся Реконструктор, затем серьёзно посмотрел на Детектива, как бы ища в нём задатки, конечно, бога, который под видом простого человека пришёл сюда с аудиторской проверкой. Да и не просто пришёл, а сделал так, что-

бы его ещё и самого позвали. Ну а как только Реконструктор уловил во взгляде Детектива божественную мысль, которая скорей всего, незримо наложила печать молчания на его сердце, то он вернулся к незаконченному разговору.

– А что, имя как имя. Да и вообще, все эти наши местечковые именованья для современного глобального мира, совершенно малосущественны. Они лишь для того и придуманы нами, чтобы нам было удобно общаться между собой. Так что в этом «Вначале было слово», всё-таки что-то есть. А так, назови себя хоть детективом, что от этого изменится, кроме разве что твоего субъективного мироощущения. – Неожиданно осёкся Реконструктор, заметив, как его собеседник вдруг передёрнулся при упоминании слова детектив.

– Я что-то не подумавши ляпнул или угадал? – всматриваясь в удивлённое лицо Детектива, спросил его Реконструктор.

– Но как? – спросил, не скрывая своего удивления Детектив.

– А знаете, мне кажется, что вот тут-то для вас и прозвучал свой звоночек. Ну, тот самый, который и звучит лишь после того, когда вы за секунду до него просыпаетесь или же оказываетесь в нужное время и месте, где вас и настигает тревога или звонок вызова телефона. – И стоило только Реконструктору это сказать, как в этот момент из глубины его внутреннего кармана доносится мелодия звонка телефона, и Реконструктор усмехнувшись, со словами: «Примерно

так», – кивнув Детективу, лезет за телефоном. После чего достаёт его и как видит Детектив, выключает на нём, установленный на это время звуковой сигнал оповещения.

– Это я, так сказать, для наглядности продемонстрировал, как это бывает на практике. – Подмигнул Детективу Реконструктор. – А так, в общем-то, память ни к чёрту. Вот и приходится постоянно ставить себе этот звуковой нагоняй. – После чего Реконструктор делает какие-то там установки на телефоне и как только всё сделано и убрано, возвращается к незаконченному разговору.

– И вот тут-то начинаешь задумываться. Почему так происходит? Может это предчувствие, а может, какая-то из ячеек памяти о прошлых жизнях, дала о себе знать. И если в первом случае, это есть действие неких охранительных законов, требующих немедленных действий – проснуться, чтобы услышать звонок, то со вторым случаем, дело обстоит гораздо сложнее, и мы пока что только работаем над этим. Ведь, если допустить этот вариант, то получается, что наше существование течёт в некоторой субстанции приближающейся к вечности. А одно только упоминание вечности, уже будоражит ум и сознание. – Реконструктор деланно передёрнулся и откинулся на спинку кресла.

Детектив же счёл, что правило вежливости требует от него не молчания, а хоть каких-то слов (тот, вон уже, сколько наговорил), ну а так рассказывать о себе Детектив не любил и не собирался, то он решил спросить:

– А почему Реконструктор?

Ну а тому только дай повод сказать слово и, Реконструктор достав из кармана другие – строгие очки, приобретая с помощью их вид учёного человека, а не умника, снова взялся за своё – говорильню.

– Я так сказать, создаю или вернее сказать, моделирую жизненные ситуации. Ведь всё в мире действует и работает по установленным природой законам. Вот, к примеру, этот офис. Здесь, несмотря на весь этот хай-тек, всё стандартно и все присутствующие компоненты и приложения, строго ответственны и занимают свои установленные места. При этом, на всё это действует основополагающий закон – закон всемирного тяготения. Это, конечно, если не смотреть на всё со стороны уже уставшего ждать посетителя. Где на него действует свой закон бессмыслицы, где он только и успевает себе задавать вопрос: «А какого, я здесь ещё сижу?», – засмеялся Реконструктор.

– Хотя, какой бессмыслицы. И я бы его назвал тем же законом тяготения, только под номером два, который не менее сильно тяготит и нервирует нас (он действует в психологической сфере). – Реконструктор приподнялся со своего кресла и, приблизившись к Детективу, заговорщицки направил свой взгляд на соседнее с ним место на диване. Детектив же на этот раз сумел прочитать просьбу Реконструктора – занять рядом с ним место на диване и в качестве ответа, пододвинулся чуть в сторону, чтобы дать тому больше места

для простора сидения. Реконструктор же своим ответным кивком отдаёт должное учтивости Детектива и со всей своей одури валится на диван. И Детективу даже кажется, что он даже слегка от амортизировал, поднявшись чуть вверх.

– А теперь, внимание. – Уставившись на секретаршу, тихо, сквозь зубы проговорил Реконструктор, заставив Детектива озаботиться своим вниманием к этим двум объектам, где первый объект – секретарша отвечала за зрительную константу, тогда как второй – сидящий вплотную к нему Реконструктор, взял за комментирование всего им видимого.

– Видишь её? – зачем-то спросил эту очевидность Реконструктор.

– Ну? – кратко ответил Детектив.

– Она у нас здесь, специально такая... – Детектив прямо-таки почувствовал, что этот Реконструктор облизнулся, что было до чего противно, но ещё противнее было то, что он и сам вслед за ним тоже облизнулся. – И хотя всё это (вкуснотень или закон вкуса) по большей части, субъективный закон, всё же он в данном случае ничтожен и мало влияет на объективные законы нашего видения Алисы. А ведь мы может посмотреть на неё и по-другому... – Реконструктор вдруг повернулся к Детективу и внимательно на него посмотрев, спросил:

– У вас головокружения от успехов не бывает? Или другими словами, кровь в голову не сильно бьёт?

– Я ...это, не понимаю. – Спросил удивлённый Детектив.

– Ну да ладно, это мы отложим до следующего раза. – Как-то даже, нетерпеливо, махнул рукой Реконструктор. – В следующий раз сделаем перевороты и посмотрим на неё верх тормашками. Правда, не смотря на простоту такого подхода, всё же неудобно, когда твои глаза заливают текущие слюни. А вот другой подход, где мы, включив воображение, можем на всё это посмотреть с другой, верх тормашками стороны, как раз нам сейчас подойдёт. Тем более, такого рода действия куда практичнее и рациональнее. – И Детектив даже не успел сообразить, как перед его глазами появились, как оказывается, весьма длиннющие руки Реконструктора. И Реконструктор, заговаривая ему уши всеми этими выше приведёнными словами, ловко манипулируя пространством, которое лежало в области объёмного зрения Детектива, начал, как показалось (другой более уточняющей точки зрения, на тот момент у Детектива не было) ему, преобразать эту находящуюся перед ним видимость, где центральным персонажем была стоящая в центре секретарша Алиса.

Так Реконструктор втиснул всю эту видимость в некие рамки или рамку, которую он очертил перед Детективом с помощью своих, таких загребущих рук. Ну а когда всё внутрь вошедшее, в некоторой степени было закреплено на своих местах памятливым воображением Детектива, то Реконструктор, как само собой разумеющееся, взял и перевернул эту рамку вверх тормашками. И теперь перед глазами Детектива, в один поворот всё это предстало в перевёрнутом ви-

де. И главное то, что Детектив в этот момент не мог понять, что сейчас происходило, то ли это была манипуляция его сознанием, где Реконструктор зафиксировав его воображение в одной точке, перевернул его, или же на самом деле секретарша и вся та часть офиса, где она находилась, перевернувшись, изменило своё положение в пространстве (хотя может быть, он сам перевернулся, но нет, вроде бы всё на месте).

– Но тогда почему она не падает? – решив нащупать, что к чему, спросил Детектив Реконструктора.

– На неё, в отличие от нас, кроме закона всемирного тяготения, также действует выведенный нами закон тяготения №2. И если первый, держа её на ногах, не позволяет ей упасть, то наш второй закон позволяет нам совершать это. – Расплывшись в улыбке, Реконструктор уставился на Алису. И хотя Детективу со своей стороны было предпочтительней взирать на Алису, нежели говорить с Реконструктором, он всё же не любил всякие не договорённости и поэтому не стерпел, и спросил того, о чём это он.

– Эта моя из любимых картин, под названием ручка-перевёртыш. – Не сводя своего взгляда с Алисы, проговорил Реконструктор.

– Как-как? – на автомате спросил Детектив, памятно вспомнив о существовании таких, с плавающим элементом ручках, которая при перевороте меняет картинку, либо же, как в данном случае... Но на этом мысль Детектива, уперевшись в представшую перед его лицом картинку, закончилась

сама собой.

А ведь сам вид стоящей верх ногами Алисы, действительно впечатлял. Так всё вокруг неё, как будто бы плавало в невидимом эфире, где свет от лампы, исходя снизу, упирался в тесноту тяжёлого воздуха и, не имея возможности пробиться дальше, не то что бы падал, а как будто бы хлопьями осыпался. Где всё это создавало впечатление осеннего листопада, где вместо листьев осыпались лучики света. Правда снизу или сверху, эти лучики света встречал рычащий вентилятор, который нещадно расщеплял на части все эти упавшие на него лучики света, которые, блеснув рябью, тут же испарялись. Отчего получалась некая световая иллюзия, где внутренняя атмосфера этого картинного офиса начала воздушной рябью переливаться, выделяя из своего пространства чётко очерченную Алису, которая, как казалось, теперь плавает в этом воздушно-эфирном пространстве.

К чему присоединялись лежащие на столе офисные бумаги, оказавшиеся в двояком положении, где на них, уже не в столь сильной мере действовал закон всемирного тяготения (возможно воображение, несколько выборочно действовало и оттого, не всегда всё могло удержать и учесть. В общем, отвлекалось на Алису), и они, оторвавшись от своего места лежания, попытались устремиться в свободный полёт. Но всё же такого рода действия не предполагались и скорей всего воображение, спохватившись, тут же давало командный импульс, который и возвращал эти бумаги на место, где они

вновь лежали до тех пор, пока о них опять не забывали. Ну и как только воображаемые связи ослабевали, то бумаги вновь брались за своё и поднимались вверх или вниз, что уже и не разберёшь.

Но всё это было всего лишь обрамление центрального объекта наблюдения – Алисы, которая привлекала взгляды, и чего только не несла в себе. И вот тут-то, сразу же при первом взгляде на неё и стало понятно, насколько всё-таки противоречивы к себе и окружающим, эти женского образа молодые особы.

– Наверное, ищут себя. – Детектив был вынужден согласиться с этим замечанием Реконструкта, очень точно охарактеризовавшего всю эту видимую противоречивость женской природы, которую и выказала им Алиса. Так Алиса, крепко стоя на своих высоченных каблуках, тем самым выказывала свою крепкую позицию – стоять здесь до конца, тогда как другие её части тела, в частности волосы, имея свою независимую от Алисы распутную позицию, принялись вести себя так, как им заблагорассудится. Ну а сама Алиса, скорей всего была не довольна такой позицией своих волос, на которые он сурово смотрела, приподняв вверх свои большие глаза. И как дальше выясняется, Алиса к тому же не обладает экстрасенсорными способностями и не может одной силой мысли заставить их, хотя бы уложиться на голову, а не в модную причёску. Что заставляет её, нахмутив свой лоб и, скрестив руки крест-накрест, предаться размышлениями на

такой данностью её жизни.

Но пока она таким наглядным способом предаётся своим размышлениям, в свои права вступает субъективная реальность, рождённая скорей всего взглядом Реконструктора, и, присутствующие на Алисе в виде обрамления её статности и длины ног короткие виды одежды, начинают тяготиться таким своим зависимым положением. Так её юбка, которую уже давно достали все эти трения с Алисиными ногами, почувствовав поддержку во внешнем давлении на себя, начала постепенно закатываться в противоположную от Алисиных ног сторону.

Что, по всей видимости, замечается Алисой и она, оставив в покое свои волосы, пускает в ход свои руки, которые скорей всего, должны остановить эту задиристость своей юбки. Но если юбку Алисе удаётся удержать в рамках приличий, то вырвавшаяся из под пояса юбки блузка, с первых своих прорывных шагов, берёт и раскрывает маленький висящий в виде серёжки на её пупке секрет. Правда, это такой секрет, который хочется, чтобы он не был секретом. И Алиса не слишком, в отличие от этих наблюдателей напротив, взволнована раскрытием этого секрета, который так притягательно сверкает своим камушком в этой звёздочке. Между тем дальнейшее движение блузки, уже грозит ей прикрытием своего лица. Что, конечно, недопустимо и Алиса, освободив одну руку, берётся ею за эту строптивую блузку. Ну а она, скотина такая, проявляя недовольство, принялась отрывать от себя

пуговицы и кидать их прямо в лицо Алисы, пытаюсь таким способом разориентировать её, и пока Алиса щурится, попытаюсь вырваться на свободу.

И вот уже кажется, что противостояние Алисы с субъективными, действующими на неё силами, которые несёт в себе взгляд Реконструктора, подходит к своему логическому финалу – проигрышу Алисы, как вдруг она резко оставляет себя в покое и полным страдания взглядом смотрит на Реконструктора. Реконструктор же в свою очередь не выдерживает этого направленного на него взгляда, и со словами: « Это запрещённый приём», – отворачивается от неё к Детективу. На что Детектив вынужден реагировать и отвлечься на повернувшегося к нему Реконструктора. Где тот к его удивлению чуть ли не смеётся.

– Она опять меня перехитрила. – Говорит Реконструктор Детективу и, не дожидаясь ответной реакции, вновь возвращается на свою прежнюю наблюдательную позицию. Правда, стоило им только повернуться обратно, то, как видит Детектив и скорей всего и Реконструктор, перед ними предстаёт прежняя, не перевёрнутая картина. Где всё вновь находится на своих местах, и только Алиса, как кажется Детективу, уголками глаз хитро улыбается им.

– На этом демонстрационном примере, ты мог, так сказать, увидеть принцип действия направленных в одну точку суммарных векторных сил, состоящих из объективной реальности и второй, тобою направленной на эту реальность

субъективной силы (максимы). Которые сойдясь в этой точке приложения векторных сил, и образовали ситуационную модель необъективной реальности. – Взяв слово, Реконструктор принялся объяснять Детективу то, что, по его мнению, сейчас произошло.

– Объективная реальность, создавая себя, всё вокруг себя подчиняет действию закона всемирного тяготения, ты же, как субъект своего права, со своей точкой зрения отталкиваясь на свои чувства, в зависимости от той или иной ситуации, прикладываешь к этой реальности свой вектор сил. Ну а от всего этого приложения и получается та или иная картинка видимости тобою жизни. Так в нашем случае, твоё и так уж и быть, моё – нетерпение и создало подобную фантазию с Алисой. – Резюмировал Реконструктор.

– Так это мне всё привиделось. – С нотками разочарования проговорил Детектив.

– Я бы не спешил с выводами. Да и не хочу повторяться, заявляя вслед за всеми столь умными киногогероями, это извечное, уже набившее оскомину, не пойми что за доказательство: кто знает, где грань между реальностью и фантазией. Так что, когда сам разберёшься в этом (а я вот, до сих пор нахожусь на грани), то тогда будешь делать выводы. – Как-то даже зло переговорил Детектива Реконструктор. Но видимо Реконструктор всего лишь только вспыльчивый человек и он тут же улыбается, и уже вполне себе мирно возвращается к не законченному разговору.

– Ну так что, какой из всего этого можно сделать дальновидный, а не сумрачный вывод? – риторически спросил Реконструктор. – А такой. Если нашу максимум-субъективность изменить (что всё же до конца – до отсутствия чувств, невозможно сделать), или хотя бы сместить акценты на отстранённость и применить другие подходы к окружающему миру, то и сам мир будет виден нами по другому и с иных точек зрения. Что же касается самих наших чувств, то это такие ничтожки, дёргая за которые можно легко управлять нами. Что, между прочим, есть большой секрет. – Нагнувшись к уху Детектива, прошептал ему Реконструктор.

– И узнай о том, что мы об этом уже догадались, то незримый кукловод ещё сильнее натянет свои нити и будет склонять нас к безумству. – А вот это откровение Реконструктора, уже прозвучало как-то даже зловеще, и Детективу даже на одно мгновение показалось, что в очках Реконструктора промелькнула тёмная тень, однозначно принадлежащая этому кукловоду.

– Но, подождите. – Всё же любопытство и страсть к знаниям в Детективе настолько сильно, что он пропускает мимо все эти зловещие слова Реконструктора и даже не стремясь заглянуть себе за спину, чтобы посмотреть на того, кто так загадочно отразился в очках Реконструктора, задаётся вопросом. – А как на счёт третьего вектора?

– Какого? – задавая свой вопрос, Реконструктор даже не скрывает своего показного удивления.

– Который несёт в себе силу её противодействия. Ведь Алиса со своей стороны, однозначно обладает силой и тогда почему бы ей не противодействовать нам. – Не обращая внимание на такие хитрые виды Реконструктора, Детектив даже несколько разгорячился.

– А она разве не противостояла? – Реконструктор в ответ продолжает строить из себя недотёпу. – Ты же видел, как она руками придерживала себя. – И хотя Реконструктор определённо заслуживал головомойки, Детектив, как человек пыливый, испытывая большое желание досконально во всём разобраться, не спешит хватать того за голову, для того чтобы притащив его в туалет, засунуть её в один из полных всего понемногу унитазов (хотя, если он пыливый, то и этот способ не нужно списывать со счетов), а продолжает вести диалог.

– Да я не о том. – Махнув разочаровано рукой, нетерпеливо ответил Детектив.

– Ах, о том. – Реконструктор ответил так, как будто бы только сейчас пришёл к пониманию того, о чём ему говорил Детектив. – Ну тогда, посмотри на свои брюки. – Ну а это заявление Реконструктора, уже удивило Детектива, сразу же и сообразившего, как ему отвечать и реагировать в ответ на это. Ведь за время своего краткого знакомства с Реконструктором, Детектив усвоил главное – от него чего угодно можно было ожидать. И кто знает, не решил ли он таким детским образом пошутить и, сказав, что у него ширинка расстёгнута,

добиться отвлечения на эту забывчивость Детектива, после чего можно будет неожиданно схватить его за нос. Правда, Детектив хорошо помнил, что он сегодня в брюках не посещал туалет и значит, этот вариант можно не рассматривать.

Ну а раз так, то Детектив, всё же краем глаз поглядывая на Реконструктора, опускает свой взгляд на свои брюки, где своему изумлению видит, нет, не расстёгнутый замок, а то, что его ремень на брюках, не просто расстёгнут, а даже слегка вытасчен из шлёвок брюк.

– Как это? – Детективу и говорить не надо, за него спрашивает его удивлённый взгляд, с которым он смотрит на Реконструктора.

– Это её вектор противодействия, с которым она пыталась противостоять нам и в частности тебе. – Ухмыльнулся в ответ Реконструктор.

– И выходит, что каждый способен на это... Даже и не знаю, как лучше назвать? – спросил Детектив, застёгивая свой ремень.

– Да. – Как само собой разумеющееся, не детализируя ответил Реконструктор. – Да вот только тебя, наверное, интересует, почему ты об этом раньше не знал и почему все эти желания, так сказать, могут мгновенно воплощаться в жизнь.

– Да. – Только и ответил Детектив.

– Ну, я бы не сказал, что всё так легко. Ведь, если бы всё так легко было, а это буквально означает – отсутствие сил сопротивления и трения, то чтобы тогда стало с нашим объ-

ективным миром. Который и есть таков, лишь благодаря балансу всех присутствующих и занимающих строго свои места сил и элементов. Но, как говорится, без своего «но», мир не будет полон. И это «но», как обязательный элемент, как часть общей системы, на которой зиждиться этот мир, существует и занимает свои строго обозначенные системой области жизни. – Реконструктор сделал паузу, чтобы перевести дух, чем тут же воспользовался Детектив, вставив своё слово.

– Я, как понимаю, что все эти области, и есть наше воображение. – На этот раз с умничал Детектив.

– Воображение. М-да. – Задумчиво ответил Реконструктор. – А знаешь, в чём заключается наше главное заблуждение, когда мы упоминаем воображение. – Вопрос был скорее риторическим, и Реконструктор, не дожидаясь ответа, продолжил. – Так это в том, что мы считает воображение неким мыслительным процессом, где главную скрипку играет наша фантазия. Когда как на самом деле, наше воображение есть некая область разумения или так сказать, сфера существования наших идей и мысленностей. Ну а внешние обстоятельства, действуя на передаточное звено – наши чувства и заставляют их искать в этой сфере мысленностей, подходящую для себя при сложившихся обстоятельствах мысль, которая должна точно отражать запрос внешней среды. И вот это соответствие внешнего запроса к тому, что ответно может предложить область разумения человека – воображение

и определяет степень реалистичности выдвинутого им предложения.

Но мы то знаем, что мир зачастую преподносит нам такие невообразимые сюрпризы, отчего наши чувства встают в позу, называемую состоянием аффекта и в соответствии с этим состоянием, и рождаются или лучше сказать, из этой сферы отбираются уже существующие, так подходящие к этому моменту, ответные мыслимости, которые для обычного человеческого состояния будут казаться безумными, но в случае экстренных ситуаций, наоборот покажутся наиболее реалистичными.

И, возможно, что существование этой далёкой от нормального состояния внешней среды не нереальность, а есть некая необходимость, за время существования которой, приводится в порядок, и подтягиваются все ослабевшие мировые связи. Ну а после устранения всех этих недочётов, существующий мир уже может дальше спокойно продолжать своё существование. При этом, надо понимать, что в областях разумения человека – воображении, всему этому есть своя, специально для таких случаев предусмотренная тождественность. И сдерживает её, опять же до возникновения этого промежутка времени – необходимости, лишь требования поддержания мирового баланса.

И вот тут-то мы опять возвращаемся к нашему «но» или другими словами, к правилу: нет правил без исключения. И, как исключения подтверждают правила (Как они подтвер-

ждают их? Ну, в нашем случае меняется местами первопричина и воображение берёт или скажем так, возвращает себе функции создавать и в соответствии со своим разумением вносит изменения в окружающий мир), так и кажущиеся нам нереальными происшествия, скорей всего так же необходимы миру и человечеству для сохранения существующего мирового баланса. И соответственно этому, также возможно, что существуют люди, чьё не вписывающееся в обычные человеческие рамки существование и служит для того чтобы через разбалтывание окружающего мира, сохранять баланс этого мира. – Реконструктор замолчал и внимательно посмотрел на Детектива.

– Это что, какой-то намёк? – спросил Детектив.

– Знаете, я не привык ходить вокруг да около и всегда говорю напрямую. – Реконструктор, как Детективу на одно мгновение показалось, даже обиделся на его слова, но дальше сказанное Реконструктором слово, вновь убеждает Детектива в том, что в случае с Реконструктором спешить не нужно.

– Да, возможно. – Усмехнулся Реконструктор.

– Ну тогда, скажу – не верю. Хотя всё же, это не отменяет вопроса: почему я? – спросил Детектив.

– Странно, а почему не ты. Да и вообще, почему ты Детектив или же почему ты человек, а не та же муха на столе. Интересно. – Несколько возмущённый Реконструктор, уже сильнее не смог возмутиться, потому что решил подумать, и

к тому же действительно увидел на столе образную муху, которая своей нападкой на стол, а вслед и хождением по нему, овладела вниманием, как Реконструктора, так и Детектива. Где каждый из них в ней представил, нет, не себя, а соседа, которого бы он безжалостно прихлопнул. Хотя Реконструктор, явно обладая большим воображением, запросто мог бы оторвать крылья у мухи и всё лишь для того чтобы она не жужжала.

– Впрочем, мы отвлеклись. – Переведя свой взгляд с мухи на Детектива, вернул себя и его к действительности Реконструктор. – Может быть, как раз наш выбор и есть тот сам за себя ответ, который позволяет понять, не почему я, а то, что ты и есть это самое я. Ну и на всё это влияют внешние факторы, как блат – выбор тебя тем, кто за всем этим стоит, а также твои способности – единство материальных и духовных составляющих тебя факторов. – И не успел Реконструктор или вернее сказать, успел он только поставить точку в своём разговоре, как Алиса со вздохом, в который вкладывается слово: «Всё», – чуть ли не роняет себя на рядом с ней и со столом стоящий стул.

Что, в свою очередь привлекает к ней всеобщее внимание, и Реконструктор с Детективом, забыв о присутствии друг друга, одновременно поворачиваются в её сторону. Правда, не успевают взгляд Реконструктора сфокусироваться на видах Алисы, а сама Алиса нащупать самые мягкие места на стуле и на той части себя, которая соприкасается с поверх-

ностью стула, как раздавшийся звуковой сигнал лежащего в кармане Реконструктора телефона, в свою очередь привлекает внимание к себе.

И если Алисе и Детективу, не имеющих близких и частных-собственнических связей с этим телефоном, остаётся одно – слушать эту отражающую противный вкус Реконструктора мелодию, и ждать когда он заткнёт рот поющему в рингтоне Вите (когда же эта сволочь уйдёт), то Реконструктор, имея все выше перечисленные связи и значит преимущество, издевательски для чужих ушей наслаждался своей неторопливостью, с которой он и доставал свой телефон.

«Достал уже», – что есть силы стиснул зубы Детектив, чтобы дать себе возможность воздержаться от того, чтобы не сказать то, что он сейчас думал.

– Да всё, достал уже. – Реконструктор же само собой не преминул продемонстрировать свои навыки чтения мыслей Детектива, с чем он, достав телефон, и выключил этот сигнал оповещения. После чего подмигнул удивлённому такому его нервному тикку Детективу и, посмотрев на Алису, заявил:

– Что ж, твоя интуиция не подвела тебя, и ты сумела вовремя среагировать на свой звоночек.

И как глядя на Алису, увидел Детектив, то она даже слегка зарделась краской признательности к Реконструктору, который, как оказывается, для каждого держит при себе свой звоночек. А по-другому Детектив и не мог подумать, раз этот Реконструктор уже всех здесь присутствующих поймал

на этот свой звонок. Правда, Реконструктор своим вниманием обошёл себя, в чём Детектив видел не нежелание Реконструктора не выделяться, а как раз желание выделяться. Да-да, всё верно и эти однокоренные, до последней буквы похожие слова, употреблены очень верно и в нужном месте, неся в себе одно и то же. Ну а тогда спрашивается, зачем тогда повторяться. На что есть такой же простой ответ – достал он всех и не один раз, а уже дважды. С чем и обращается к нему, всё с тем же пытливым умом Детектив:

– А для себя, у тебя заведён такой же звоночек?

– А чем я хуже других. И для меня, у кого-то... (Реконструктор внимательно посмотрел на Детектива), может даже у тебя, стоит свой звоночек. – Серьёзно ответил Реконструктор и, наверное, Детектив, даже не сумел бы в ответ ему пошутить (так серьёзен он был), если бы появление в приёмной нового лица, не привлекло к себе их внимание.

– Так вот вы где. – После того, как приёмную огласил шум, вызванный захлопнувшей дверью, до Реконструктора и Детектива долетело это радостное приветствие, благодушно и презентабельно выглядевшего, скорей всего, хозяина этой захлопнувшей двери, и всего того шума, который несёт с собой эта дверь. И не успел Детектив, как следует рассмотреть это направляющееся к ним благодушие, которое к тому же не умолкало, как оно уже, тут как тут и рядом стоит.

– А я всё жду-жду, а вас всё нет и нет. И я, конечно, уже начинаю себе места не находить, кружа по кабинету. – Че-

редуя сказанные слова с улыбкой, благодушный хозяин заявленных слов и того кабинета, о котором он завёл речь, продолжал давить сверху на Детектива своим таким же благодушным весом, которого, как говорят, такие как он – не должно быть мало. Что, без словесных подсказок, вынуждает Детектива, хотя бы ради безопасности своих ног (а здесь, как уже заметил Детектив, не любят замечать чужие ноги), подняться на них.

– Ну, так что, ты нашёл его? – не неожиданно для всех, задался не совсем ясным вопросом Реконструктор.

– Ты это о чём? – в свою очередь спросил Реконструктор хозяин своих слов и кабинета.

– Ну, ты сказал, что искал себе место. Вот я и решил поинтересоваться. Нашёл ты его или нет. – С простодушием простака ответил Реконструктор, чьё глупое выражение лица, уже не может ввести в заблуждение Детектива, ну а благодушного хозяина и подавно.

– Если бы я искал, то тогда бы ты мог меня об этом спросить. Я же как раз занимался обратным процессом – не нахождением его или другими словами, бездельем. Понял. – К удивлению Детектива, этот дородный хозяин кабинета подмигнул ему. Видимо, решил, что ему всё можно, когда он так умело поймав на противоречии Реконструктора, поддел его.

– Теперь, я понимаю, какой ты лентяй и бездельник. Только мне не понятно, зачем об этом на весь мир трубить, тем более жёлтые уши журналистов есть везде. – Реконструктор

без труда срезал, уже не столь благодушного, но ставшего несколько более дородным – хозяина кабинета. Впрочем, хозяин кабинета, имея за своею спиною такой шикарный кабинет, где ему, только по одному его желанию приносит то, что он закажет и даже кофе, такая красивая Алиса, как говорится, есть на что опереться, и при этом он даже не имеет права унывать, что он и делает, вновь озарившись улыбкой. А если он себе это позволит (он, конечно, всё может себе позволить, но только не уныние. Читай, что мелким шрифтом написано в договоре с дьяволом), то о чём подумают те, кто тоже желает иметь такой же кабинет. Ведь тогда их поразят сомнения, а стоит ли закладывать душу дьяволу, чтобы иметь возможность получить такой кабинет. А там глядишь, кризис ликвидности, где предложений будет столько, что никого спросу не хватит и, в общем, его и не будет. И в результате всего, нет Алисы и всего того, что она вместе с собою несёт, и где итог всему – смерть на рабочем месте обладателя огромного кабинета, так и не дождавшегося для себя кофе.

– Ну, давайте знакомиться. – Протянув руку Детективу, пригласил его к рукопожатию благодушный хозяин кабинета. – Я, Директор. – Представился благодушный хозяин кабинета, крепко, до хруста костяшек пальцев сжав руку Детективу. И хотя Детектив не привык знакомиться таким странным образом – через относительность к своей профессии, всё же он, уже начинает постепенно проникаться всеми творящимися здесь странностями и, вооружившись по-

словицей, говорящей – со своим уставом, лучше не лезть в чужой монастырь, – соответственно представляется: «Я, Детектив», – и отжимает тому руку.

– А у вас хватка, что надо. – Слегка покраснев от напряжения, глядя на Детектива, заявляет Директор.

– Взаимно. – Сдержанно отвечает Детектив, чьей руке тоже приходится несладко.

– Приходится демонстрировать себя, чтобы вы не сомневались в том, что перед вами стоит человек, а не голограмма. В целях безопасности, конечно. – Усмехнулся Директор так, что Детектив тут же подумал обратное, что перед ним стоит точно голограмма. Правда Директор, считал иначе, что он и попытался убедительно доказать.

– Вот, многие думают, что использование голограммы, позволяет более надёжно обеспечить безопасность её пользователя. А я вот с этим категорически не согласен. В наш век вирусов и троянов, директор всегда должен быть сам собою и в себе. Ха-ха. А то глядишь, не доглядишь, и кто-нибудь воспользуется тобой и спишет все твои акции на благотворительные цели. И тогда кем я буду? Уж точно не Директором, а вот голограммой, пожалуй. – На серьёзной ноте закончил говорить Директор, как бы показывая присутствующим, как ему важно быть директором. Но Директор видимо совершенно не любит себя огорчать всякой серьёзностью, и он быстро переключается на другую тему.

– Ну и как вам у нас. Что-нибудь особенное пригляну-

лось? – спросил Детектива Директор.

– Не смотря на то, что ваш вопрос подталкивает меня на положительный ответ, я всё же соглашусь с вами и скажу: здесь фантастично. – Ответил Детектив, своим ответом, вызвав новый всплеск добродушия у Директора.

– Ну, это необходимость. Мы ведь передовая во всех областях жизни мировая компания, и должны держать марку и так сказать, с порога дать почувствовать зашедшему гостю, как здесь всё высокотехнологично и необыкновенно. – Заявил Директор.

– Ну, нашему гостю больше пришлось по вкусу приземлённые вещи – как наша Алиса. – Не удержался и вставил своё слово Реконструктор.

– Что ж, я его понимаю. – Директор бросил свой взгляд на Алису, чтобы в очередной – миллионный раз убедиться в том, что его выбор насчёт неё был верен. – Умеют же сукины дети, рисовать картинки. – А вот это высказывание Директора неприятно удивило Детектива, который уже на основании сказанного Директором принялся приглядываться к Алисе. И точно, появление на долю мгновения, световых, плавающих по её телу перекатов, подтверждало высказанное Директором утверждение, что Алиса, как оказывается, не столь реальна, а есть всего лишь голографическая проекция. Правда, не успел Детектив в очередной раз заклеить себя за свою слепоту и заодно обрушиться с критикой на технический прогресс, как не упускающий ничего из виду Рекон-

структор, наклонившись к его к уху, прошептал:

– Не верь ему, он врёт. А Алиса, настоящая.

На что Детектив, ограничился многозначительным взглядом, в котором явно читался вопрос: «Но, зачем?».

– Сквалыга и собственник. Вот и боится, чтобы кто-нибудь не засмотрелся на неё и не увёл. – Тихо и простодушно, проговорил Реконструктор. Что, скорей всего, частично было услышано Директором, который повернувшись обратно, изучающее посмотрел на Детектива и почему-то спросил его:

– И о чём мы шепчемся?

– Ну ты, прямо-таки удивляешь. – Заявил и впрямь удивлённый Реконструктор, вызвав своим панибратским, на грани нарушения субординации, отношением к Директору, уже удивление у Детектива, с самого начала общения с Директором заметившего, непонятно на чём основанное, такое дерзкое поведение Реконструктора (он, или совладелец бизнеса, или же какой-нибудь беспутный родственник).

– Если люди решили пошептаться, то это значит лишь одно – что это тебя, как не участника разговора, не касается, а как объект, как раз касается. – Продолжил дерзить Реконструктор. – Ну а если ты настолько любопытен и нетерпелив, то я так уж и быть, скажу. Мы, тебя обсуждали.

– Вот как. – Живо среагировал Директор.

– Ага, вот так. – Усмехнулся Реконструктор.

– И что он про меня наплёл? – обратившись к Детективу, спросил его Директор. Ну а Детектив само собой, ни сном,

ни духом, да и вообще, понимает лишь одно, что Реконструктор решил, используя его, свести какие-то свои тайные счёты с Директором. Что тут же не замедлил продемонстрировать, заговоривший Реконструктор.

– Да вот, говорю насколько весь твой внешний образ идеально соответствует представлениям об этой касте избранных капиталом – директорах. Отчего даже складывается впечатление, что на твоём примере, мир, придя к некоему внутреннему консенсусу, решил создать эталонный образ директора. – А вот это заявление Реконструктора вызвало у Директора замешательство, даже и не знающего, как на него реагировать. И он смущённый тем, что растерялся, только и спросил:

– Так я что-то не пойму. Это хорошо или плохо?

– Эталонно. – Ответ Реконструктора не только не внёс ясности, а ещё больше напустил тумана.

– Ты, как всегда в своём репертуаре. И я снова ничего не понял. – Сказал Директор.

– Я бы сказал, на своей волне. А ты, как всегда всё понял, но сделал вид, что это не так. Но на то ты и директор, чтобы уметь сглаживать острые углы. – Ответил Реконструктор, чей ответ на этот раз понравился Директору.

– А вот это уже ближе к истине. – Сказал довольный Директор.

– А я о чём говорю. Если не языком, так своей отъевшейся харей сгладишь, которая, как и у всех директоров на-

прашивается, заметь, на хороший, а не плохой удар кулаком. – Усмехнулся Реконструктор. В свою очередь Директор, от такой неожиданности даже онемел и покрылся стыдливой краской, отчего в свою очередь, стало очень неудобно, не знающему куда девать свои глаза Детективу. И даже если этот Директор был подлецом из подлецов, заслуживающим не только бранных слов, но и самих таких обличительных действий, всё же Детектив, как новое лицо, не имея об этом никакой достоверной информации и, не бравший на себя роль судьи (это поверхностные отговорки, когда на самом деле такие вещи сами по себе неприятны), почему-то застыдился и в первую очередь за себя, а уж затем за Реконструктора, который, чего опять же Детектив не знал, возможно, на основании своей информированности имел полное право так говорить.

И Детектив уже было хотел, даже плюнув на ботинок этому Реконструктору, таким прощальным образом покинуть эту вызывающую неприятные чувства компанию, как вдруг Реконструктор и вместе с ним Директор, в одно мгновение расплываются в улыбках и начинают смеяться.

– Что, стыдно за нас стало. Ха-ха. – Сквозь смех, вновь проявил свою насчёт Детектива проницательность Реконструктор. – А за кого больше? Хотя, можешь не отвечать, ведь я по твоим глазам вижу, что за себя.

– Ну а меня подонка, хоть немного было жаль? – А вот за такое поддакивание Директора Реконструктору, Детекти-

ву нестерпимо захотелось тому дать того, о чём напрашивалась его физиономия. Но разве такое останется незамеченным Реконструктором, и он на это раз берёт на себя функции защитника и осаживает Директора.

– Давай потише, а то наш гость, как натура чувствительная и по морде дать может. – Реконструктор заставляет Директора вслед за собой успокоиться и уже серьёзно обращается к Детективу:

– Ты, я надеюсь, понял, что мы не ради желания посмеяться, посмеялись сейчас.

– Спасибо, что в первый раз спросили моё мнение. А оно, как и у любого человека таково – я не люблю, когда меня экзаменуют или тестируют. – Жёстко ответил Детектив.

– Я бы ответил, что таковы правила приёма к нам на работу, где, прежде чем принять нового соискателя, мы должны, как убедиться в том, что он нам подходит, так и его убедить в том же. – Опять туманно и запутанно сказал Реконструктор.

– Я предпочитаю сам убеждаться. Ну а пока вы добились обратного результата. – Решив не вдаваться в подробности, ответил Детектив.

– Но постойте. А что вы собственно ожидали увидеть, направляясь сюда? – На этот раз Реконструктор взялся за резкие слова, обращаясь в сторону Детектива. К чему, видимо, Детектив не был готов и он, растерянно пожав плечами, ответил:

– Да я даже и не знаю.

– А другими словами, вы ожидали увидеть и услышать некую, не детализированную неожиданность. – Реконструктор принялся подталкивать Детектива к некоему итогу дискуссии, который устроил бы всех их.

– Возможно. – Детектив вынужден согласиться с Реконструктором.

– Ну а то, на что вы натолкнулись здесь, разве не отвечает понятию неожиданность? – Реконструктор продолжает давить Детектива, которому даже кажется, что Реконструктор постепенно приближается к нему, с целью отдавить ему ноги. «Если не согласишься со мной, то непременно отдавлю», – в глазах Реконструктора прямо-таки читается эта угроза тупфлям Детектива, принявшегося даже поглядывать вниз.

– Отвечает. – Смотря на этот напор на себя, вновь согласился Детектив.

– А это о чём говорит? – задался вопросом Реконструктор и, обведя своих слушателей взглядом полного торжества, сам и ответил на свой вопрос. – А говорит о том, что мы как минимум, уже не разочаровали вас, в ваших, хоть и неопределённых, но всё же ожиданиях. И это всё вместе, также говорит о том, что мы не только умеем прогнозировать будущее, но и корректировать его под его основную составляющую – человека.

– Но ты уж так сильно не дави на нашего гостя. Тем более, как мне кажется, он всё же заинтересовался. – Вступился за Детектива Директор. – Впрочем, последнее слово всегда за

вами (Директор обратился к Детективу). Ну а пока, чтобы вы не делали поспешных выводов, Реконструктор или как я его называю, но не зову, потому что он сам приходит без зова – Рекс, организует для вас небольшую экскурсию по нашему внутреннему пространству компании. – Директор улыбнулся и, не дожидаясь ответной реакции Детектива, развернулся и направился в сторону своего кабинета. Когда же он подошёл к двери, то видимо, пока он шёл до него, то чего-то для себя надумал, с чем он и решил поделиться, со стоящими и несводящими с него своего взгляда, Детективом и Реконструктором.

– Советую вам начать своё знакомство с компанией, со столовой. – Сказал Директор и тут же скрылся за дверьми. Ну а как только за ним захлопнулась дверь, то лишь тогда, наблюдавшие за его исходом Детектив и Реконструктор, чувствуя некоторый дискомфорт, вызванный последним разговором, решились посмотреть друг на друга.

– Чего-то у меня уже мысли застоялись на месте. Я думаю, что нам бы не помешало прислушаться к этому совету и пойти чего-нибудь перекусить. – Выразил согласие с предложением Директора Реконструктор.

– Перекусить, я бы не отказался. – Согласился Детектив и Реконструктор, обнаружив взаимопонимание, даже как-то сильно обрадовался этому и, указав Детективу на выход, подвинул его на ход туда.

Глава 2

Пищеварение и другие ознакомительные моменты.

– Наша компания в основном специализируется на IT-технологиях и в частности на разработке игровых программ. Ну а эта такая область жизни, где все, в том числе и разработчики программ, виртуально и буквально живут в будущем или лучше сказать, находятся в вероятном жизненном цикле, что и накладывает на них и на саму их жизнь свой вероятностный отпечаток. – Реконструктор, заняв по отношению к Детективу более высокую позицию – на передней ступеньке движущегося вверх эскалатора (Детектив не сомневался, что когда они будут возвращаться, то Реконструктор займёт точно такую же – возвышенную над ним позицию), принялся, пока они не добрались до местной столовой, посвящать его во внутреннюю кухню компании (о чём думаешь, о том извращённо и говоришь).

– Ну а когда творятся такие высокотехнологичные и зачастую прорывные дела, в которые постоянно хотят засунуть свой нос конкуренты, то тут волей неволей задумаешься над необходимостью обеспечения повышенной безопасности. И не простой безопасностью, а со своей спецификой на выпускаемый компанией продукт. – Сделал паузу Реконструктор, ожидая от Детектива наводящих на приготовленные им ответы вопросов. Ну а Детектив не смог уклониться и спросил.

– Вы, скорей всего обманываетесь на счёт меня (тогда ваша служба безопасности некомпетентна, раз собрала недостоверные факты) или же очень льстите мне, если, как я ду-

маю, решили предложить мне поучаствовать в обеспечении этой безопасности. Хотя, рассуждая логически, она всё-таки требует усиления. – Ответил Детектив.

– А я о чём говорю. Вам даже поверхностного взгляда хватило, чтобы понять, что безопасность у нас хромает. – Реконструктор так обрадовался, что Детектив даже на одно мгновение поверил в его веру в себя. Но всё же это была мгновенная человеческая слабость, которая так падка на сладкие слова, и Детектив, не смотря на огромное желание считать себя проницательным человеком, всё же был не такой прыга, и поэтому решил возразить.

– Но вы же понимаете, что я не о том говорил. – Сказал Детектив.

– Ну и я о том же. – Ответил Реконструктор, которого как оказывается, с места и не сдвинуть, и если он чего-то задумал, то он до конца будет гнуть свою линию и точка (просто Реконструктор был в душе геометр. Ну а таких субъектов циркуля и карандаша, без теоремы Пифагора ни в чём не переубедишь). – Технически подготовленных спецов у нас полный штат и маленькая тележка. Но в том-то и дело, что нам нужен, неотягощённый всеми этими материальными знаниями спец, а просто обычный с чувствами человек, который находясь, как бы со стороны, имея на плечах свежую голову, мог бы не заиклено посмотреть на происходящее у нас в системе и увидеть то, что не доступно заикленному на безопасности спецу. – Сказал Реконструктор.

На что Детектив, на автомате было хотел повториться: «А почему именно я?», – но, вспомнив, что он на него уже получил исчерпывающий ответ, решил не задавать его, а подумать, чего бы такого спросить. И хотя всё вроде бы звучало логично, всё же Детективу казалось, что ему чего-то не договаривают. И, конечно, Реконструктор опять подловил его на этих думах.

– Это, конечно напрягает, но меня ещё больше напрягает моя болтливость и она заставляет меня не молчать, а предположить, что вам кажется, что я чего-то недоговариваю. – Реконструктор в очередной раз угадал, что хочет спросить Детектив, который действительно стал напрягаться при виде такой пронизательности Реконструктора. «Надо будет с ним за его счёт (ему же оказывают услугу, значит и платить ему) посидеть в баре и помочь ему в этом, однозначно портящим ему и другим жизнь затруднении, вызванным этим даром – умении читать чужие мысли. А такие посиделки, всегда эффективно, если что с помощью бутылки по голове, выветривают все эти экстрасенсорные способности». – Детектив подумав, решил-таки дать шанс на исправление Реконструктору.

Но пока Реконструктор слыхом не слыхивал о таком щедром предложении Детектива, то вынужден потворствовать своему дару и, резюмировав считанные данные из головы Детектива, отвечать на интересующий Детектива вопрос. И как только эскалатор довёз их до промежуточной площадки,

Реконструктор, прежде чем идти к следующему эскалатору, остановил Детектива и, отойдя с ним в сторону, конфиденциально, то есть тихо, заявил:

– Дело в том, что у нас внутри компании тоже нет единства видения её будущего развития. И это, как говорится, многому способствует. Ну а тут и гадать не надо, к чему всё это ведёт. И я думаю, что вскоре здесь обязательно случится преступление. – Тревожно проговорил, побледневший Реконструктор.

– Основываясь только на одних противоречиях, я бы не был столь большим оптимистом, говоря о таких преступных ожиданиях. – В Детективе выиграла его профессиональная жилка, где он традиционно привык работать с фактами, а не с предположениями. Но, как кажется, Реконструктор его не слышит, продолжая воображать себе что-то своё, только ему видимое.

– А всё потому, что мы уже настолько сжились с нашими игровыми разработками, что забыли о существовании нравственных законов. А природа не терпит не только пустоты, но и пробелов, и всегда жёстко наказывает за это. – Как сомнамбула устремив свой взгляд куда-то внутрь себя, проговорил Реконструктор, заставив Детектива учащённо моргать и лучше, конечно, молча. Правда, это длилось только мгновение и Реконструктор, очнувшись, непонимающе переводит этот туманный взгляд изнутри себя во внешний мир и в частности на Детектива. Ну а выразительное лицо Детекти-

ва говорит о многом, заставляя Реконструктора смущённо улыбнуться и в своё оправдание заявить, что он, кажется, заговорился. Правда Детектив не больно ему верит, ведь тогда зачем Реконструктор так внимательно в него вглядывается, пытаясь по внешним признакам различить, а не сболтнул ли он чего-нибудь лишнего; а это заставляет задуматься.

– Бывает. – Не дожидаясь пока Реконструктор насладится его видами, ответил ему Детектив, после чего они двинулись дальше, к следующему эскалатору, на котором они уже молча, и доехали наверх, где их и ожидала столовая.

Что же касается столовой, то она как можно подумать из предварительного рассказа, всё-таки находилась не на самом верху здания, а как здесь полагается – в соседнем здании, и гораздо ниже, нежели находился кабинет Директора. Просто они, прежде чем начать подниматься на эскалаторах вверх, спустились в самый низ на лифте, затем преодолели множество контрольно-пропускных пунктов, после чего попали во внутренний переход между зданиями и, пройдя его, оказались в так называемой закрытой производственной зоне, где уже и принялись подниматься вверх, чтобы достичь эту столовую.

Правда, не смотря на притягивающие вкусные запахи, исходящие из этой корпоративной столовой и даже уже разыгравшийся аппетит, они всё же не сразу направились туда, а были вынуждены задержаться, натолкнувшись на шумное поведение очень широкоплечего и рослого типа в броско-до-

рогом kostюме. И хотя рослый тип вёл себя шумно, всего лишь стоя в стороне от лестницы, что происходило не на пути сошедших с эскалатора Детектива и Реконструктора, а чуть сбоку от них, всё же его выразительно импульсивное поведение по отношению к стоящему напротив него в положении провинившегося, скорее всего полотёра (у него в руках наблюдался технический инструмент типа швабры), не могло не привлечь к себе их внимание и не остановить их.

– Ну что, утёрся? – требовательно вопрошал рослый тип, схватив за грудки и, вытрясывая из штанов полотёра, по чьёму недоумённому лицу стекало что-то смачно-слюнявое. От чего можно было предположить, что этот агрессивный тип в дорогом kostюме, прежде чем начать этот обстоятельный разговор, предварил его хорошим плевком в лицо полотёра. И если полотёр, чья голова и внутренняя сущность стрясывалась жёстким напором рослого типа, находясь в таком подвешенном положении, естественно сразу и не мог найти, что ответить, то оказавшийся невольным свидетелем Детектив, сразу же понял, в какую затруднительную и возможно безвыходную ситуацию попал полотёр с этим вопросом.

Ведь, судя по обтекающему виду полотёра, он скорее всего, даже и не успел приступить к этим действиям предполагающим утирание, что (этот обтекающий вид) в свою очередь как раз отвечает той цели, которую поставил себе этот рослый тип, смазав лицо полотёра плевком. И если в этом случае полотёр, заявив: «Так мне и надо», – согласится с рос-

лым типом, всё же это не отменяет того, что агрессивный тип, посмотрев в мокрое лицо полотёра, не усомниться в его искренности и не заявит, что тот, оборзевшая рожа, ему ещё прямо в лицо врёт и не краснеет. После чего, пожалуй, рослый тип станет ещё агрессивней и полотёр уже одними трясками не отделается.

С другом же случае, полотёр может, выкатив глаза из орбит, что он уже сделал, после того как рослый тип сдавил ему горло, прямо в лицо этому типу заявить:

– А ты чего, ослеп уже, и не видишь! – Отчего, скорей всего рослый тип на мгновение оторопееет и если успеть воспользоваться этим моментом, то, пожалуй, можно и убежать. Но видимо полотёр выбрал для себя третий путь, где он молча глазел на этого типа (хотя всё же он иногда бросал трагичные взгляды по сторонам, скорее всего в поиске возможных недочётов в своей работе, которые так расстроили этого рослого типа; что говорит о большой дисциплинированности и ответственности полотёра. Тогда не совсем понятно, к чему привязался этот тип) и, краснея от недостатка поступления кислорода, выжидал, когда уже можно будет непритворяться мёртвым, а им быть.

– Ну, что молчишь? – недождавшись ответа на свой первый вопрос, рослый тип хорошенько потрянул полотёра, видимо, с помощью наводящих вопросов собираясь приблизить того к правильному ответу или к развязке этого, скорее монолога, нежели диалога. При этом рослый тип, скорей

всего решил просто сорвать своё плохое настроение на этом мелком служащем, раз всем и ему скорей всего, понятно, почему полотёр молчит. О чём видимо и захотел напомнить рослому типу Детектив, всем своим видом показывая, что он терпеть больше не будет и сейчас же вмешается в ход этой дискуссии.

Правда Детектив, как человек здесь новый, ещё не знает всех местных правил, где может быть руководящее звено компании, прежде чем сесть за обеденный стол, таким демонстративным образом вытирает свои руки об полотёров, в чьи обязанности, как раз входит не пол вытирать, а собой утирать руки и нервы руководителей. И тогда становится понятным, почему полотёр молчал в ответ на эти прямые и простые вопросы рослого типа, который забыв, что общается с человеком, а не с автоматом, и вёл себя по отношению к нему, так вопросительно простодушно. Ну а раз так, то получается, что полотёр, игнорируя простой ответ рослого типа, который всего лишь поинтересовался у него, а вытер ли он свои руки об него, определённо не справляется со своими обязанностями и заслуживает наказания. К чему и приступил рослый тип, схватив полотёра за уши, с помощью которых он решил, по всей видимости, показать тому Москву-сити (пусть скажет спасибо, что ещё не Майами).

Но всё это тоже один из вероятностных вариантов, который имеет всего лишь право существовать. Ну а пока это не выяснилось, Детектив обращается за прояснениями к Ре-

конструктору, который к удивлению Детектива, не проявляет большой заинтересованности и лишь выказывает равнодушие:

– А мы то кто такие, чтобы лезть в чужие дела. Каждый из нас индивидуальность, с правом на неприкосновенность частной жизни и значит, это не наше дело.

– Но он же его бьёт? – спросил озадаченный Детектив.

– Кто знает, может он поделом его дисциплинирует. Да и вмешавшись, мы, пожалуй, скорее навредим полотёру, чем поможем. Сам подумай. Ведь этот тип, явно находится на другой, более высокой ступеньке служебной лестницы и любое стороннее вмешательство, им будет воспринято, как подрыв его авторитета. После чего, пожалуй, полотёру, не тереть здесь больше полы. Так что, прежде чем вмешиваться, подумай, нужна ли даже такая работа полотёру, если ему другой не найти. – Реконструктор сумел-таки убедить Детектива и он, бросив прощальный свой взгляд на стоящего на носочках полотёра (всё же ему пришлось достояться до Майами), проследовал вслед за Реконструктором.

Ну а там им долго уже не пришлось идти, и как только они свернули в первый же встречный коридор, то тут же наткнулись на дверь, табличка на которой говорила о том, что они пришли к цели. Но Реконструктор, хоть и взялся за ручку двери, вновь не спешит её раскрыть, а изучающе посмотрев на Детектива, к удивлению последнего, задался не относящимся к месту и цели прихода вопросом:

– А вот скажи мне, какое ты любишь кино? – Ну а когда спрашивают о чём-то не относящемся к делу, хотя и дел особенных не было, но так, с бухты барахты, то в первую очередь уже сам задаёшься вопросом, а к чему бы это он об этом спросил. Когда можно было, к примеру, спросить: «А какую ты кухню любишь?», – что было бы понятно, к месту и по делу. А тут его кино интересует. Или может быть, у них там, в зале, всё поделено на специальные зоны, где в одной, у экрана телевизора размещаются любители боевиков и острой пищи, в другой – любители гангстерских фильмов и значит спагетти, далее фанаты ужастиков – вегетарианцы, ну и так далее.

И Детектив, наверное, спросил бы Реконструктора обо всём этом, но он не спросил. А уже зная, что в данном случае нормального ответа не дожидаться и будет лучше – сказать первое, что на ум придёт.

– Про супергероев. – Ответил Детектив, вспомнив разговор с Реконструктором о нечто таком похожем.

– Понятно. – Коротко, с задумчивым видом ответил Реконструктор. «И что теперь?», – спрашивая про себя, ожидая, уставился на Реконструктора Детектив. Но Реконструктор ничего не ответил, а открыв дверь, пригласил Детектива пройти внутрь. Что Детектив и проделывает, внимательно смотря по сторонам и под ноги. Ведь когда о чём-то спрашивают перед входом в незнакомое помещение, то одно уже это обязывает быть осторожным и готовым к тому, о чём тебя

спрашивают.

Ну а раз речь велась о кино, то вполне вероятно, что тебя там внутри и в частности на кухне, будут ждать знатоки кунг-фу, которым только дай повод – твоя недовольная физиономия или игнорирование тобою дежурного блюда, то они все вместе, тут, как и вокруг тут, и готовы уже продемонстрировать тебе знание своих приёмов и, не сходя с места доказать, что их школа кунг-фу самая лучшая.

– Значит, игнорируешь нас? – в фартуке перепачканном кровью, воткнув в стол огромный нож, по которому ещё стекает чья-то, бывшего живого кровь, вежливо задаётся вопросом, судя по чёрному поясу, всего лишь су-шеф.

– Но я на диете. – Не сводя своего взгляда с этого, скорее мачете, нежели ножа, истекая потом, пытается аргументировать свой заход сюда и столь малый заказ посетитель.

– А ведь об этом ещё не знает сам шеф-повар. А он у нас натура настолько чувствительная, что мы и не знаем, кто из вас выживёт, если он об этом узнает. – Лицо сушефа становится настолько грустным, что у посетителя уже нет сомнений насчёт того, кто не переживёт, узнай об этом его скудном поведении шеф-повар.

– А зачем ему вообще жить, раз невозможно пользоваться жизненными благами в полной мере?! – доставая не меньший тесак, чем у су-шефа, вынес приговор посетителю шеф-повар, как только услышал эту его диетическую аргументированность.

– Но судя по его, даже по сравнению с вами мастер (Су-шеф делает наклон в знак уважения к мастеру) избыточному виду, то жизненные блага уже достаточно переполнили его. – Су-шеф всё же решил вступить за клиента, обещавшего ему хорошие чаевые. Но разве это может служить аргументом для мастера, который слышит в словах су-шефа вызов себе, от этого, чёрт знает кого, даже не знакомого с кунг-фу и посмевшегося быть в чём-то величье, чем он.

– Ну тогда он, точно напросился. – Шеф-повар – мастер Чен, схватив тесак, не смотря на свой за сто килограммов вес, легко перемахнул через раздаточную, и в одно мгновение оказался перед фактом трусости клиента, который бросив всё, улизнул от расплаты. Что, конечно, возмутительно видеть мастеру Чену, который всю душу вложил в своё дежурное блюдо. После чего он, не смотря на всё своё мастерство, слегка переполняется гневом и решает, что первый кто сейчас зайдёт сюда, под своды его столовой, отведаёт на вкус его тесак. Ну а тут как раз и заходит, ничего о таком и не помышляющие, Реконструктор и Детектив, которые само собой попадают под раздачу и падают жертвой несвоевременного захода в столовую.

И так, наверное, и произошло бы, если бы Детектив не был собою предупреждён и не задумался бы о возможности такого варианта развития событий. Ну, а кто предупреждён, то тот, как говорится, вооружён. И стоило им зайти внутрь столовой, как мастер Чен, однозначно испугавшись грозного

вида Детектива и, увидев в нём представителя более сильной школы кунг-фу: «Пистолет ТТ», в один момент переместился обратно, и даже не на кухню, а за кассу, чтобы там перевоплотившись в противную тётку с бородавкой на носу, незримо присутствуя в ней, вести наблюдение за пришедшими.

Что же касается Детектива, то он, не смотря на то, что не обнаружил ярко-выраженной опасности (точно затаились где-то), всё же решил быть начеку и поэтому ни на шаг не отступал от Реконструктора, который зайдя внутрь, сразу же напрямиком направился к раздаче. Хотя нет и прежде чем устремиться к месту выбора блюд, Реконструктор сделал остановку на входе, для того чтобы Детектив смог бы визуалью ознакомиться с видами этого помещения.

Впрочем, на этот раз Детектив ничего нового для себя не увидел и вынужден был признать, что в вопросе питания, эта передовая компания не столь уж передовая, и здесь ничего столь прорывного и нового не наблюдалось. И как в любой столовой, на своих, чётко обозначенных местах, находились столы и сама кухня. При этом в зале для принятия пищи находилась более многочисленная масса одетых в форменную одежду сотрудников компании, ну а со стороны кухни им противостояла гораздо менее малочисленная группа – работников кухни, которые имели на себе другую отличительную форму одежды.

Ну, а Детектив, до сих пор мысленно находясь под давлением заданного ему Реконструктором вопроса про ки-

но, вновь ассоциативно, с ранее увиденным в кино, увидел во всём этом скрытый подтекст. Так, на месте этой многочисленной массы сотрудников одетых в синюю форменную одежду, ему представились представители местной школы кунг-фу «Чоцзяоцюань» (кулак втыкающихся стоп) или по другому (по форме) школы «Голубого дракона», которые делают основной упор на умении настоять на своём. Что, как оказывается и здесь востребовано, при наличии не малой очереди к секционной раздаче.

– Ос! – глубоко вздыхают при виде этой очереди подошедшие, ещё безусые и не слишком терпеливые ученики, начиная комплекс дыхания, релаксирующего состояние напряжения организма и нервов.

– Таков наш Дао. – Более чем красноречив взгляд непроницательных и мало чем проймёшь, невозмутимых лиц мастеров кунг-фу, чьи золотые часы на руках, одним своим стоящим много чего видом, показывают молодёжи, что всему своё время. И что они всегда выбирая золотую середину, в конце концов, смогут достигнуть нирваны и сумеют стать обладателями своего золотого времени.

Между тем на пути учеников школы «Чоцзяоцюань» встает не только сама природа очереди, частью которой являются и они сами, что ими терпимо, но вот что нестерпимо, так это влияние на её скорость движения, как будто специально (специально) для этого сюда для её торможения поставленных, их конкурентов – учеников школы «Пигуацюань» (Ку-

лак рубок и подвешиваний). А уж этого, молча и не дёрнувшись, стерпеть можно лишь имея только чёрный пояс или звание мастера кунг-фу.

И хотя представителей школы «Пигуацюань» или «Огненного дракона», раз, два и обчёлся, всё же по наглости и хамству им ровни нет, и они, используя своё близкое к холодному оружию положение, задирают не только свой нос вверх, но всех тех, кто приближается к раздаче.

– Ну чё, глазами хлопаешь и рот раззявил. Давай, поторапливайся делать выбор. – Как специально, подобранным мерзким голосом, сбивает с толку и не даёт опомниться подошедшим к горячим блюдам ученикам школы «Голубого дракона», натянувшая на глаза свой колпак, скрывающаяся под видом мощной поварихи, мастерша «Чёрная вдова» (говорят, что она свои смертельные удары – скалкой или половником по голове – отрабатывает на своих, вдвойне неосмотрительных мужьях; и не все головы, как оказывается, столь крепки).

– Я это... – и не успеваает растерявшийся ученик озвучить свой заказ, как «Чёрная вдова» уже накладывает ему то, что ей на глаз попало.

– На, держи. – «Чёрная вдова» бесцеремонно протягивает исполненный заказ растерянному ученику, обалдевшему от такого представшего перед ним блюда – парящему паром гороху.

– Но я... – вновь не успеваает возразить ученик школы «Го-

лубого дракона», как «Чёрная вдова» затыкает ему рот своим полным ненависти взглядом и предупредительным словом: «Я знаю, что тебе для демонстрации своей внутренней силы этого блюда не надо. Но знают ли об этом твои товарищи по работе». После чего, подобным образом зааргументированному ученику, ничего не остаётся делать и он, уже молча продвигается вперёд к кассе.

Ну а на кассе всех встречает своим носом с бородавкой, с редкими усиками и бородкой, основатель школы «Кулака рубок и подвешиваний» известный мастер Ушу Чен, который перевоплотившись в настырную, внушающих ужас габаритов тётку, не даёт ни одного шанса представителям конкурирующей школы «Голубого дракона», не рассчитавшись пройти мимо неё. И хотя жуткий вид мастера Чена, мало даёт повода усомниться в том, что он спокойно потерпит сомнения на счёт его предъявляемого к оплате счёта, всё же находились безголовые недоросли, которые полагаясь на свою неопытность, пытались оспорить у мастера Чена свои счета.

– Чего-чего ты сказал? – мастер Чен до степени расшатывания под собою стула и кассы, потрясён такой наивностью стоящего сопляка напротив, который вслух усомнился в его знании математических основ и верности ударов пальцев руки по цифрам клавиатуры. После чего следует взгляд смерти, отчего ноги сопляка начинают постепенно подгибаться, а сам сопляк, этот ученик школы «Голубого дракона», начинает переливаться красками всех цветов радуги.

Ну, а когда соплик уже сто раз подверг себя самобичеванию за такую свою не выдержку, которая не пристала ученику школы «Голубого дракона», и готов, не вдаваясь в детали, а в частности в чек, покинуть своё место-стояние у кассы, мастер Чен, почувствовав слабость противника, прибегает к контрольному удару. И он, используя свой нос или то, что на нём находится – огромную бородавку, лезет ею в этот злополучный чек. Где теперь этому сопливому ученику кажется, что близорукий мастер Чен водит своим носом не по цифрам стоящим напротив блюд, а натурально по самим этим блюдам. Отчего ученику становится до тошноты плохо и он, потеряв невозмутимость и контроль над собой, хватая свой разнос и пошатываяющимся шагом устремляется вначале к столу, чтобы, бросив на него разнос, затем убежать в туалет, чтобы уже там выбросить из себя всё накопившееся.

Ну а мастеру Чену уже нет до него дела, когда он уже слышит, как «Чёрная вдова» разделявает под орех следующего клиента, и значит, и ему нужно быть готовым выставить свой следующий счёт.

И кто знает, сколько бы ещё продолжалось это доминирование школы «Кулака рубок и подвешиваний» или «Огненного дракона», если бы именно сегодня, буквально за пять минут до прихода в столовую Детектива, сюда не нагрянул представитель школы «Кулака вечной весны» «Защитник», или другими словами Алексисос, или ещё более доступными словами – просто Лёха. При этом школа «Кулака вечной вес-

ны» имела дружественные отношения со школой «Голубого дракона», а сам Лёха, немного недружественное отношение с одной из её учениц – прекрасной Ксиеронг, что означает изящное самообладание. Чего (самообладания) видимо и не хватало этому просто Лёхе (чем и обусловлена его тяга к прекрасной Ксиеронг или просто Ксюше).

И если он при подходе к раздаче, поначалу стерпел броский вызов «Чёрной вдовы» ему на тарелку жаркого, которое забрызгало ему рубашку (он не хотел привлекать внимание к не слишком чистой рубашке), то вот дерзости мастера Чена на кассе, он естественно стерпеть не смог (у него всё посчитано и денег в самый раз). И, конечно, не просто спросил, а к не срываемому удивлению мастера Чена, потребовал объяснить эти, не сходящиеся с меню цифры.

– Не морочьте мне голову, молодой человек. – Мастер Чен сразу же выставил блок и нанёс этот, с намёком на его молодость удар под дых, молодому, но уже мастеру Лёхе. Молодой?! А это значит, что он застал ЕГЭ, а это говорит о его так себе грамотности. Но Лёха на то уже и мастер, что проведя нимало спорных боёв, своей непробиваемостью умеет увернуться от таких мелочных ударов и в ответ разит фактическими, с ссылками на чек ударами. Что, естественно, округляет глаза мастера Чена, как выясняется, не ожидавшего такой прыти от своих пальцев, забежавших так далеко вперёд. И в результате чего, он уклончиво вынужден признать, что в этом единичном случае он допустил маленькую не точность.

– Но ты же не будешь показывать себя таким придирчивым привередой перед девушкой. – Но мастер Чен не успокаивается и наносит боковой удар по мастеру Лёхе, вынуждая его ограничиться этим малым подсчётом и покинуть пределы кассы. Но мастер Лёха, не только представитель школы «Кулака вечной весны», требующей от него повышенной внимательности к распускающимся весенним цветам, но он также ярый приверженец стиля «принципа», который (а также денег впритык) не даёт ему отступить, не решив до конца вопрос с мастером Ченом.

Ну а мастер Чен и так уже на взводе, а тут ещё всякая мелочь что-то требует, и он, конечно, оскорблён этим, не просто недоверием, а определённо вызовом ему и в его лице всей школе «Огненного дракона». И мастер Чен, раскалившись до красна, подрывается с места и взывает к помощи своих учеников:

– Да вы только посмотрите на этого умника! Молоко на губах ещё не обсохло, а он уже берётся учить, в матери (мастер Чен находится под защитой женской оболочки и поэтому в своей защите использует матерные слова) ему годятся, людей. – На что с кухни, сюда тут же сбегаются любопытные лица кухонных работников, в числе которых даже замечена морда кота Васьки – талисмана школы «Огненного дракона». Но мастер Лёха крепкий орешек и он, не краснея, ответно в упор смотрит на все эти раскрасневшие от запахов и тепла печей на кухне лица подмастерьев, которые, используя зага-

дочный приём под названием «пересмотреть взглядом», пытаются уронить мастера Лёху в своих глазах. Что у них не выходит и тогда мастер Чен, бросив свой взгляд на спутницу мастера Лёхи Ксиеронг, вновь пускает вход свои подлые приёмы.

– Постеснялся бы своей девушки, так себя вести. Хотя, чего ему её стесняться, раз по всему видно, что он обормот. – Заявляет мастер Чен. Что на этот раз цепляет мастера Лёху, который хоть и не питает на свой счёт иллюзий и, пожалуй, даже обормот, но об этом говорить разрешается только Ксиеронг, а не какому-то мастеру Чену.

– Я только один раз попрошу. – Сдвинув в напряжении брови, строго проговорил мастер Лёха. На что, конечно, мастер Чен ожидаемо ответил: «А что, иначе?». – И неожиданно, издевательски добавил:

– А иначе, или я, или она. – Что не только для мастера Лёхи, но и для всех их окружающих учеников обеих школ удивительно было слышать. И все без исключения, взглядом анализирующим сходства, которых нет, и различия, из которых они состоят, начинают внимательно сравнивать мастера Чена – тётку с бородавкой на носу, и саму весну – Ксиеронг. И если в вопросе предпочтений двух мнений быть не может, то вот почему на поверхность всплыл сам этот вопрос выбора, то вот это заставляло крепко задуматься о неисповедимости бытия человека, которого в своём неразумении (выпивши был), чёрт знает, куда только не занесёт.

«Неужели, между ними что-то было?», – больше, конечно, не веря своим глазам, чем веря, задавались вопросом поглядывающие на мастера Чена ученики обеих школ, где представители школы «Голубого дракона» больше склонялись к версии: «Не может такого быть», тогда как последователи мастера Чена, покачивая головами, пребывали в уверенности в том, что в нашей жизни всё может быть.

И, наверное, мастер Лёха пал бы жертвой всех этих тайных ударов, включавших в себя взгляды и пересуды, если бы к нему на помощь не пришла Ксиеронг, и не взяла всё дело в свои тоненькие ручки; а именно крепко схватив руку мастера Лёхи. Ну а Лёха получив такую, ни с чем несравнимую поддержку, вдохновился и, не желая тратить больше слова на все эти пересуды, свободной рукой, к ужасу противной стороны, схватил вилку и на глазах той же стороны, воткнул её в лежащую на своей тарелке котлету. Далее следует напряжённая пауза, где все взгляды обращены на эту котлету, чья судьба находится в руках мастера Лёхи.

«Что он хочет сделать? Что он хочет этим показать? Неужели, прямо сейчас целиком съест? А сможет ли?», – новые вопросы потрясли умы наблюдателей, где все без исключения, удивились своему желанию отведать такую же сочную котлету. Но следующий ход мастера Лёхи, своей неожиданностью вызвал у кого умственное, а у кого и физическое потрясение.

Так его точный бросок прямо в бородавку мастера Че-

на, сокрушимо для него подкашивает его ноги, и грохотливо звучно, роняет на стоящего чуть сзади хлипкого подмастерья, хороня его под собой. Что, в свою очередь вызывает панику в рядах школы «Огненного дракона», которые тут же пороняли вниз свои руки и половники с ножами, где один нож даже пригвоздил на месте своего обладателя, который решил так поспешно избавиться от него. Ну а паника в рядах противника, должна быть закреплена и ученики школы «Голубого дракона», обретя уверенность в своих силах, взяв пример с мастера Лёхи, похватили со своих тарелок и даже с раздачи, всё, что плохо лежит и хорошо летит, и обрушили всё это на головы учеников школы «Огненного дракона». И, конечно, говорить не надо о том, что основной удар пришёлся по голове «Чёрной вдовы», которая тут же чуть не стала самовдовой. И только крышка массивного холодильника спасла её от летящих ей в голову, прямо в стакане компотов.

И, конечно, ко всему происходящему захотели присоединиться и другие очередники, которые, невзирая на рядом стоящие лица, используя свои острые локти и руки, принялись проталкиваться вперёд. Что, не прошло мимо Детектива, и он задетый чей-то рукой, хотел было возмутиться, но обращённый на него взгляд Реконструктора, привёл его в чувства и вывел из этой спровоцированной самим же Реконструктором фантазии. После чего Детектив смотрит в сторону кассы и, обнаружив на ней всё же (ничем Детектива не переубедить) мастера Чена, делает благоприятный для свое-

го желудка вывод – всё-таки поедим. Что, вновь его возвращает к анализу того, что его может ждать не на кухне, а напрямую – в блюдах.

И ведь точно, и возможно весь самый сок, как раз спрятан в блюдах, которые, кто знает, может полностью состояли из новых нано-технологий. Что уже страшно, и Детектив уже на счёт себя знает, что он так уж и быть, один раз попробовать готов это чудо диетической мысли, но постоянно жрать из тюбиков низкокалорийную, витаминизированную массу, он не то что не сможет, а у него, пожалуй, уже выработалась на это аллергическая несовместимость организма, предпочитающего жирные и горячие блюда.

Но нет, и всё здесь, как оказывается традиционно и даже толерантно. И наравне с едой для сухостоев, имеется своя раздвигающая сознание и стенки желудка и тела, пища для ума и для того же тела. Правда, мы опять забежали вперёд и без очереди, которая во время обеденного перерыва, а он, почему-то (не почему-то, а по распорядку трудового дня), наступил прямо сейчас, просто обязана присутствовать здесь, а не в каком-нибудь другом месте.

Ну и, конечно, Реконструктор, сделав рожу кирпичом, используя свои локти и возмущающие слух и нервы окружающих очередников бранные слова, взял и всех растолкав, без очереди приблизил вперёд свою, больше всех надо персону. Но такие предположения Детектива остались на его совести, тогда как они с Реконструктором заняв очередь за двумя, да-

же в форменных халатах видно, что очень привлекательными молодыми особами, принялись, наблюдая за впереди стоящими, не торопить очередь. «Если бы не это впереди стоящее очарование, то Реконструктор однозначно бы всех растолкал и полез без очереди», – Детектива всё равно не провести, и он не может отказаться от первой, собою же и выдуманной версии поведения Реконструктора.

Ну а Реконструктор между тем многозначительно улыбается, поглядывая, то на Детектива, а то на впереди стоящих сотрудниц, и дабы поддеть и разозлить Детектива, ведёт себя не в свойственной себе манере – издевательски молчит. Что, конечно, выводит из себя Детектива, заставляя его искать выход своей энергии на стороне, куда он и бросает свои взгляды.

Тем временем очередь продвигается и Детектив, на которого уже разок и ещё разок посмотрели впереди стоящие молодые особы, где одна из них темненькая, была вообще, а её чуть посветлее подруга и того краше, решив сконцентрировать на них всё своё внимание, следовал за ними по пятам. Но, видимо, не только он один такой наблюдательный и примечательный, и как оказывается, есть и более напористые типы, как тот, который, явно не желая плестись в конце очереди, взял и, используя поверхностное знакомство с этими молодыми особами, пристроился к ним и, заговаривая им уши и глаза Детективу, неплохо там устроился.

И, как заметил Детектив, то этот тип, влезший вперёд

на правах, не понятно, что за знакомства, начал уж слишком вольно и вызывающе себя вести, рассказывая девушкам столь весёлые анекдоты, отчего они не могли удержаться и прыскали со смеху, при этом вопросительно поглядывая на Детектива. И, конечно, Детектив без труда прочёл этот их взгляд, где спрашивалось: ну а ты-то, умеешь развеселить девушек? «Да легко», – кипел от злости на этого типа Детектив, которому почему-то было сейчас не до веселья.

Правда, весёлому типу недолго пришлось веселиться и как только Реконструктор обнаружил это недоразумение (он был временно отвлечен разговором с каким-то явно профессором, в таких же, как и он, очках) перед собой, то он выразительно подёргал бровью и, не задумываясь схватил этого весельчака за шкуру, после чего развернул его лицом к себе и многозначительно посмотрел на него.

Ну а весельчаку ничего не оставалось делать, как убедиться в том, что ему говорил этот многозначительный взгляд Реконструктора, и в ответ виновато сказать, что он и подошёл лишь для того, чтобы пока не забыл, рассказать анекдот и что на этом всё.

– Ну тогда, всё. – Категорично ответил Реконструктор.

– Тогда, всё. – Ответил этот уже не весельчак и вернулся в конец очереди. Правда, как показалось Детективу, то этот тип, уходя, не только пробурчал: «Не всё», – но, сверкнув глазами в сторону Реконструктора, оскалил свои острые зубы. В чём, в общем-то, не было ничего необычного и каж-

дый вправе по своему выражать своё недовольство, но как на одно мгновение показалось Детективу, то этот не весельчак, как оказывается, имеет у себя во рту ни один острый и не по человечески длинный зуб на Реконструктора. И, пожалуй, не только на него одного. Что вызвало у Детектива некоторую оторопь, чему он сам удивился, а ведь он в кино и даже в жизни видел и куда по страшнее и необычнее вещи. И всё это, немедленно требовало объяснений, с чем он и обратился к Реконструктору.

– Что это было? – несколько туманно спросил Реконструктора Детектив. Ну а когда так не определённо спрашиваешь, то и ответ само собой будет соответственным.

– Обычное хамло. – Так, за между прочим, отвечает Реконструктор, который мог бы удивиться таким пропускам Детектива в познании этой категории людей, но не стал.

– Да я о другом. – Детектив, боясь, что его за это поднимут на смех, а не так, как он хотел, рассказывая весёлый анекдот про такого рода типов, использует косвенные вопросы.

– Не знаю, кого ты другого увидел, но я видел только одного этого Беса. – Реконструктор однозначно специально проявляет такую недалёковидность, чтобы на этом примере показать Детективу, что его прежняя, на счёт него проницательность, не так уж плоха.

– Ладно, проехали. – Поняв, что без прямых вопросов никакого толка не будет, махнул рукой Детектив. И, конечно, Реконструктор в тот же момент обо всём догадался и загово-

рил о том, чего хотел услышать Детектив.

– Что же на счёт этого Беса (так мы ему зовём между собой), то он у нас трудится на ниве разработок вампирских саг. Вот он и вживается в роль своих героев, чтобы прочувствовать их на своей шкуре. Ну и видимо забывается и, чувствуя себя бессмертным, зачастую лезет вперёд без очереди. – Усмехается Реконструктор.

– А он, ещё тут никого не укусил? – засмеялся в ответ Детектив, поглядывая на злобно смотрящего на них Беса.

– Тут, ещё нет. А вот за пределами компании, даже и не знаю. – Засмеялся в ответ Реконструктор. Но подвигающаяся очередь к раздатке не дала времени на большее веселье, и Реконструктор и Детектив, забыв обо всём том, что стояло сзади, устремились вслед за предложениями блюд.

И вот, когда они уже приблизились к раздатке, где можно было со своими внутренними требованиями и желаниями выбрать для себя в основном чего желудок пожелает, то, как почувствовал Детектив, то впереди идущие девушки, неожиданно для себя столкнулись с дилеммой выбора. Где они, не зная, что выбрать, принялись перебирать всё подряд, пока не пришли к единому выбору, ничего кроме стакана сока и листика салата не брать.

В чём Детектив сразу же усмотрел себя, и своё чудодейственное влияние на желание молодых дам, сегодня выглядеть подтянутыми и более голодными, чем обычно (неужели он, всё-таки обладает сверхъестественной силой).

– Заставляешь девушек голодать. – Явно завидуя, язвительно прошептал Детективу на ухо Реконструктор. На что Детектив ничего не отвечает, а лишь довольно улыбается, ведь как не ему не знать, что избыток желчи вызывает изжогу (пусть этот завистник помучается). Что и ждёт Реконструктора, с его такими завистливыми взглядами на него. Но Реконструктор на этом не успокаивается и вновь шепчет Детективу на ухо:

– Смотри, они никогда не прощают того, кто за зря заставляет их голодать.

– За меня можешь не беспокоиться. – Только усмехается Детектив, наполняя свою тарелку двойной порцией жаркого. Ну а после того как разнос заполнен обедом, остаётся лишь одно – миновать расчётную кассу, откуда на тебя очень внимательно и оценивающе смотрит мастер Чен.

Что и говорить, а мастер Чен очень расчётлив и определённо с дальним прицелом занял для себя эту позицию на кассе, где он может постоянно повышать уровень своего самосознания при наблюдении за соответствием того, что из себя представляет посетитель, и того, что он берёт себе на обед. При этом мастер Чен может узреть те внешние изменения, которые постигли регулярно питающегося в столовой сотрудника компании и сделать для себя соответствующие выводы – так жрать нельзя. Правда, судя по внушительному виду мастера Чена, то он скорее игнорирует всё им увиденное, нежели мотает всё на ус (у него не было больших усов,

а так всего лишь усики и оттого он, наверное, не делал для себя корректирующих его фигуру выводов).

– Так, что тут у нас. – Мастер Чен зорко следит за всем, что заполнило разнос Детектива и чётко оцифровывает его сегодняшней обед. Ну а Детективу есть над чем подумать, пока он следует к свободному столику после оплаты обеда.

– Наличие постного выражения лица перед обедом, вполне логично, но не слишком способствует пищеварению. – Сдвинул с застоявшейся мысли Детектива, подошедший вслед за ним к столу Реконструктор.

– Вот так мы по маленькому шагу и приближаем себя к цифре. – Не меняя своего задумчивого выражения лица, ответил ему Детектив.

– Что ж, на это ничего не могу возразить, а скажу лишь, что человек не любит любой счёт. Ну а насчёт шагов, то... – Но Реконструктору не удалось закончить свою мысль, что было объяснимо, когда помещение оглашает, впрочем, не слишком громко, такая шаговая поступь, которая гадать не надо, а предвещает собой появление того, на кого, если у вас, конечно, не слабое сердце, стоит посмотреть. Что и сделали одновременно Реконструктор с Детективом и ещё несколько десятков глаз, оторвав свой взгляд от обеда и, посмотрев туда, откуда донёсся лёгкий перестук каблучков. Ну а они несли на себе, с одной стороны – обычную, как все здесь одетую в форменный халат сотрудницу, но с другой стороны – необычную тем, что чем-то неувловимым притягивала к себе

взгляды, по большей части хмурых людей, которые тут же забывали про свою хмурость и озарялись улыбками.

Что, не смогли проигнорировать и Детектив с Реконструктором, улыбнувшись, глядя на это олицетворение беззаботности и беспечности. Где она, казалось не чувствуя особой связи с окружающим миром, с его законами всемирного тяготения, на которых, ощущая их на себе, субъективно настаивал Реконструктор, пропорхала мимо них и чуть не пролетев мимо очереди, уткнулась в широкую спину того, кто собой ограничивал эту очередь к кассе. Ну а пока обладатель широкой спины (его почему-то, сразу же невзлюбил Детектив) расплывшись в улыбке, ответно расшаркивал свои ноги, перекидываясь взглядами и репликами с этой нарушительницей его и ещё многих сердец покоя, Реконструктор решил выпендриться перед Детективом, заявив, что он тоже её знает. Что, в общем, неудивительно, если ты работаешь под одной крышей и скорей всего, краем ухом слышал, как её и даже того с широкой спиной зовут.

– Это, наша стрекоза – Мила. – Явно не подумавши заявил Реконструктор, находясь в полной невнимательности к своему мало обрадовавшемуся этим его словам собеседнику. Где его молчаливый собеседник – Детектив, сразу же счёл такие частнособственнические заявления Реконструктора неуместными. «Ещё только, попробуй, скажи, что моя. Сразу же рожа треснет», – Детектив предупреждающе сурово посмотрел на боковой профиль отвлечённого видами Ми-

лы Реконструктора, увидевшего в этих его заявленных словах хищный оскал капитализма.

– А почему, стрекоза? – спросил Реконструктор Детектив, решив с помощью наводящих вопросов узнать на каком основании Реконструктор несёт эту отсебятину и имеет ли он право называть её уменьшительно-ласкательными прозвищами.

– А разве непонятно, видишь, как порхает. – Ответное выразительное удивление Реконструктора смирило Детектива, и он, так уж, и быть, до поры до времени, решил позволить Реконструктору немного позабываться на счёт себя.

После чего они, почувствовав давление на себя аппетита, наконец-то, берутся за столовые приборы и отдают должное своему обеду. Хотя это, конечно, странно слышать, что они отдают, а не берут всё то, что перед ними лежит. И как бы даже получается, что окажись перед ними пустой стол, то они бы и не подумали приступить к еде (что логично), ну а так, раз стол оказался не пуст, то делать нечего, и приходится рефлексировать. Что и говорить, а человек в таких вещах очень скромн на счёт себя и пока не записался в вегетарианцы, постоянно комплексует.

– Ну и как тебе здесь. Есть замечания? – после того, как наступило первое насыщение, Реконструктор решил разбавить поглощаемые блюда разговором. Ну а что ему может ответить Детектив, в свете тепла наполненного желудка, конечно, только одно положительное:

– Нормально. – Что, видимо, не убедило Реконструктора или он, рассчитывая на более обстоятельный разговор, ожидал пространного ответа, но так или иначе, Реконструктор определённо по себе зная, как трудно расшевелить насытившегося человека, прибегает к хитрости и, прищурив глаза, туманно заявляет:

– А я, наверное, так бы как ты не смог. – И хотя Детективу с одной стороны приятно слышать это косвенное признание его совершенств перед Реконструктором, всё же конкретики, не помешало бы, и Детектив ответно интересуется, а в чём он собственно столь силен. На что Реконструктор делает заговорщицкий вид и, придвинувшись поближе к Детективу, сообщает это.

– Так спокойно есть, когда ты находишься в центре всеобщего внимания. – Сообщив эту секретную информацию Детективу, Реконструктор с чувством выполненного долга, возвращается обратно к своему независимому положению – к спинке своего стула и оттуда, чуть ли не зевая, принимается бросать поверхностные взгляды по сторонам. Что же касается Детектива, то он, услышав эту новость, в одно мгновение, одновременно чуть не поперхнулся и застыл на месте, как бы пытаясь ощутить всем своим лицом, что несёт это внимание к нему. И хотя вот так сразу сложно понять разницу между двумя разными состояниями, когда на тебя смотрят и когда игнорируют, всё же покрасневшие уши Детектива, первыми напомнили ему, что за невнимательность

к окужающим, всегда должно быть стыдно.

И хотя Детектив категорически был не согласен со своими, может от волнения красными ушами, ему всё-таки в ответ требовалось предпринять хоть какие-то действия – ведь не всё же время держать у рта вилку с куском мяса. Что ж, Детектив собирает всю силу воли в свою держащую вилку руку и, не смотря по сторонам, и даже на это, возможно, уже не прикрытое приличием наблюдение за собой, с видимым удовольствием чуть ли не слизывает с вилки мясо. После чего зажмурившись начинает долго и усиленно прожёвывать мясо, как бы показывая всем этим наблюдателям, что его никаким завистливым взглядом не сбить с нормального пережёвывания пищи и пищеварения.

Правда Детектив зажмурившись, преследовал ещё одну тайную цель – через полуоткрытые глаза попытаться обнаружить того, кто там чересчур глазеет на него. Что, тут же и выяснилось, и как увидел Детектив, то сидящие за своими столами и казалось погружённые в свои блюда и разговоры сотрудники, раз за разом, иногда под прикрытием случайного поворота головы, а чаще и без этого прикрытия, бросают в его стороны, то косые, а то и откровенно прямые взгляды. При этом, как показалось Детективу, их глаза каким-то фантастическим образом расширялись (если им ничего не мешало, и они смотрели на прямую) или же выпучивались и вылезали из своих орбит, чтобы не используя шею своего носителя, самим выглянуть из орбит и посмотреть в его сто-

рону. Ну а когда на вас так смотрят такие преображённые глазами расширениями лица, уже и непонятно человекам ли, то это заставляет вздрогнуть и уже со своей стороны перестать жмуриться и широко раскрыть глаза.

Ну а такой скорый или лучше сказать скоропалительный переход к полноценному зрению, казалось бы не даёт возможности окружающему миру остаться незамеченным для Детектива и он определённо ожидает более сфокусировано увидеть то, что здесь на самом деле творится. Но Детективу вновь приходится удивиться, на этот раз уже своей разыгравшейся фантазии, которой только дай повод – чуть прикрыть глаза, так ей ещё не то привидится. А стоит только взглянуть на окружающий мир без всех фантазийных фильтров, то сразу всё как на ладони видно, где у каждого из сидящих, такие простые, как у обычного человека не глаза, а продольные щелки (что поделать, когда столько вокруг опасностей, и чтобы быть не прочитанным, и приходится, таким образом, себя защищать от чужих взглядов).

А ведь, возможно, Детектив вновь пал жертвой своей профессиональной мнительности, на которую воздействовал Реконструктор, вот он и наувидел себе всякого. Но, кажется, всё-таки нет и Детектив, опустив голову к тарелке, из такого неудобного положения бросив взгляд по сторонам, вновь видит столь обширное внимание к себе.

И если такое внимание со стороны противоположного женского пола было вполне объяснимо их природными фак-

торами и было даже приятно новому лицу здесь – Детективу, то вот зачем на него пялится мужская часть коллектива, было хоть и объяснимо (увидели конкурента), но не слишком понятно (а смысл). Впрочем, взявший слово Реконструктор, всё расставил по своим местам.

– Можешь так не беспокоиться. Ведь здесь все друг друга знают, ну а ты, как человек новый, естественно не можешь не привлечь к себе общее внимание. И каждый, вне зависимости от своей заинтересованности тобой, сам того нехотя, а спросит себя: «А это ещё кто такой?». Ну а, задав себе вопрос, уже можно и не отвечать, а дальше продолжать есть свой суп. И только те, кто увидит в тебе незримый интерес, то он, используя свою интуицию, постарается угадать ответ на этот вопрос. – Сложив крест-накрест руки на груди, Реконструктор вновь решил поумничать.

– Ну раз так, то тогда я могу быть спокоен. – Съязвил Детектив, принявшись за своё блюдо. И хотя Реконструктор не был знаком с Детективом настолько близко, чтобы иметь право заглядывать ему в рот, что дозволяется делать только самым близким родственникам и проверенным друзьям, он, тем не менее, сидел и заглядывал. Что, не остаётся незамеченным Детективом, знающим о вреде такого приглядного поведения, ведущего к изжоге и он, дабы Реконструктор с первого раза понял, как он неприлично себя ведёт, сквозь прожёвываемый кусок мяса, с брызгами изо рта, интересуется у Реконструктора, а чего он такого замечательного увидел.

Ну а Реконструктор не сдаётся и, вытерев со щеки, попавшие на них брызги, говорит:

– Ну, я не знаю, насколько ты можешь быть спокоен, когда вокруг тебя сидят твои потенциальные враги.

– Не понял? – оторвавшись от пережёвывания, спросил его удивлённый Детектив.

– А что, не понятного-то. Ты для них имеешь одну, но самую важную характеристику – ты для них чужой. А это, не смотря на все другие твои, возможно дружелюбные характеристики, означает врага. Что уж поделать, раз наша природа на генетическом уровне заложила в нас такую защитную функцию. Где мы вначале, на физическом уровне не принимаем чужака и лишь после, используя заложенный в нас интеллект и разум, придя к пониманию (только чего?), принимаем его. – Реконструктор, сделав паузу, посмотрел в зал на сидящих за своими столами сотрудников.

– Ну это, я думаю, что переживу. – Уже спокойно ответил Детектив, сам себе удившись, почему он так заволновался.

– Считаешь, что у тебя для этого есть время. – Реконструктор вновь пододвинулся к столу и, не сводя своего взгляда с Детектива, затаённым голосом проговорил ему. И хотя всё это выглядело какой-то безумной шуткой, но как уже знал Детектив Реконструктора, то он был способен не только на слова, но и на воплощение самых безумных своих идей, и именно это его знание и не заставляло смеяться, а как раз относиться ко всему сказанному серьёзно.

– Для чего этого? – сам не зная о чём, спросил Детектив.

– Стать не чужим, а своим. – Как всегда туманно ответил

Реконструктор.

– А что мешает? – Детектив остаётся верен себе, задавая одни вопросы.

– Помнишь, о чём я тебя спросил, при входе сюда? – Реконструктор в свою очередь решил разрушить монополию Детектива на вопросы. И хотя в данный, запутанный всеми эти разговорами момент, Детектив толком уже и не помнил, о чём там его спрашивал Реконструктор, он решил, что будет лучше дать утвердительный ответ. И он дал его, сказав: да.

– Но тогда, ты должен понимать, что выход отсюда... – но не успевает Реконструктор договорить, как за него это проделывает Детектив, который, закричав: «Выход только один!», – в тот же момент со всего размаха втыкает в руку Реконструктора вилку и что удивительно, пригвозждает ею его к столу. Но у Детектива нет времени на все эти соображения, насчёт удивительных свойств столовой вилки, умеющей пройдя мякоть руки Реконструктора, цепляюще заходить в пластиковый стол, и он, вскочив на ноги, приступает к оценке своего незавидного положения – где он чужой, со всех сторон окружён представителями лиги «своих».

И ведь эти «свои», как оказывается, не просто просиживали здесь свои задницы, ковыряясь в тарелках, а они можно сказать, уже были готовы к такому повороту событий. Так ими уже был заблокирован единственный вход в столовую и,

судя по внушительным габаритам блокирующих выход, шансов пробиться у Детектива там не было никаких.

– Что, попал!? – Реконструктор, заметив замешательство Детектива, не смотря на свою болезненную прикованность к столу, начинает издевательски ржать. Что, окружённому со всех сторон Детективу, вокруг которого кольцо из «своих» начинается постепенно сжиматься, совсем не интересно слушать и он, схватив со стола стеклянную перечницу, в один удар попадает и валит Реконструктора с ног.

– Ты, как всегда прав. Я попал. – Детектив посылает вдогонку падающему Реконструктору эту уже никем не оспоримую истину. Ну а когда истина не только звучит, но и подтверждается хлесткими делами, то это заставляет задуматься, и в одно мгновение остановиться, оторопевшую и уже не нападающую сторону. Где впереди стоящие начинают осмысленно понимать, что они, так безрассудно выдвинувшись в самый перед, слишком уж поторопились в своих количественных расчётах насчёт этого типа в меньшинстве, который как оказывается, способен и их оставить не в полном большинстве. И теперь они подталкиваемые сзади, из-за своего положения более смелыми «своими», боковым зрением поглядывали на сбоку стоящих «своих», которые может и на этот раз совершат оплошность и безрассудно выдвинутся вперёд.

Ну а Детектив, скорее всего, подспудно ожидал этого замешательства в стане врагов – «своих» и, поняв, что его

единственный, более-менее успешный выход отсюда, лежит через кухню, обратил свои взоры туда. Ну а там хозяйничает непримиримый враг «своих» – ученики школы «Огненного дракона» под руководством мастера Чена. И хотя мастер Чен и его школа не особо была близка Детективу, всё же у него другого выбора не было и ему оставалось лишь надеяться на то, что пословица «враг моего врага мой друг» не даст сбоев.

Правда, ему ещё нужно было пробиться к кухне, на пути к которой перед Детективом встали две голодные из-за него подружки, от которых не укрылась его заинтересованность Милой, и они, порезавшись заколкой, поклялись кровью, отомстить ему за их поруганную честь; а это очень страшно и больно.

– Ки-я! – обойдя с двух сторон стол, в одно горло продемонстрировали знание стиля кричащего журавля эти подружки. Что, в общем-то, было ожидаемо, ведь никакой другой боевой стиль не может продемонстрировать столько красоты и грации, которую всегда не прочь продемонстрировать любая красотка. А, как говорится, красота есть самая страшная сила, так что, вполне понятно, почему подружки прибегнули именно к этому виду оружия, которое всегда на виду и при себе. Да и к тому же поза журавля формирует правильную осанку и не даёт сутулить плечи, к чему так склонны многие работники умственного труда. Единственное, что трудно выполнимо, так это удержание равновесия, стоя на одной ноге, что в некотором роде отвлекает внимание, чем и реша-

ет воспользоваться Детектив, резко бросившись в открытый проём между ними, тем самым поставив их перед фактом ревностного выбора.

Ну а когда ты поставлен перед фактом такого выбора, где каждая из привлекательных или наоборот, не очень сторон, притягивает к себе всё твоё внимание, то это, конечно же, не больно способствует твоему равновесию. Ну а тут, оказавшийся между ними, в буквальной близости к их ногам Детектив, своим неожиданным появлением поставил этих журавушек перед фактом их обоюдной недоговорённости на счёт взаимодействия друг с другом. Что, само собой сбивает их с уверенности на счёт друг друга, где каждая из них уже даже боится дать себя опередить своей, всё же на счёт парней заклётой подруге. Ну и дальше следует их практически одновременный разворот в сторону проскакивающего между ними Детектива, который, не дожидаясь их, конечно, не может, пролетая мимо женских ног, не оценить их или как в данном случае, ухватить их за лодыжки.

И все эти одновременные, до степени падения действия Детектива, само собой расшатывают этих, уже имеющих все и даже грубые основания для крика – кричащих журавлей. А что они ещё могут сказать, кроме того, как истошно прокричать в ответ, после такого очень большого падения о соседний стол. При этом эти белые журавли, используя свои руки, видимо в попытке взлететь, начали делать интенсивные взмахи, что в данном неподготовленном случае ни к чему не

привело, а вот существенно повредить лица, попавших под эти взмахи «своих», им до степени образования паники, даже очень удалось.

Но у Детектива на все эти наблюдения не запланировано времени и он, пролетев под столом, с другой стороны стола наталкивается на стоящие там стулья. Что только на первый, неподготовленный взгляд есть всего лишь препятствие для его ног. И хотя Детектив не мог похвастаться большими знаниями в области применения не по назначению различных технических устройств, коим и был стул, он каким-то образом (возможно, его мимолётная связь с лодыжками белых журавлей передала ему знания о технике боя журавля: видишь силу – породи силу, видишь силу – измени силу, видишь силу – добудь силу, видишь силу – откажись от силы) сумел догадаться, что ему нужно с ним делать. И Детектив, быстро сообразив, при полёте к стулу резко сгибает одну ногу в колене и к полной неожиданности стоящих дальше на его пути «своих», резко бьёт по стулу.

Ну, а в свою очередь стул, получив такое ускорение, в своём полётном пути мгновенно находит зазевавшиеся лица мало расторопных «своих» (впрочем, у них не было никаких шансов увернуться от этой подачи) и валит их всех в одну потерявшую массу людей. И хотя Детективу нужно поспешать, пока путь на кухню свободен, всё же он не может не запечатлеть в своей памяти этот победный миг, для красоты момента, прочитав над поверженным врагом рубаи Хайяма:

«Мы в этот мир вторично не придём, Своих друзей вторично не найдём. Держись за миг... Ведь он не повторится, Как сам и ты не повторишься в нём!». – Отдав должное мигу, Детектив рванул дальше к раздаточной линии, для чего ему собственно оставалось лишь оббежать перегородку, которая ограждает обеденный зал от самой линии самообслуживания, ну а там, дело техники. И вот Детектив делает рывок и, оказавшись у края этой перегородки, уже готов юркнуть за неё, как вдруг к полной неожиданности для себя, Детектив наталкивается на выходящую оттуда Милу. Хотя он не совсем на неё натывается, ведь впереди неё находится разнос с её обедом. А вот на него, он буквально и наталкивается. Что, в общем-то, для всех них становится неожиданным.

И если Детектив и Мила обмирают на месте от такой незапланированной встречи, то воткнувшийся в живот Детективу пластмассовый разнос, явно не намерен проявлять стойкость. И он, как натура состоящая из различных органических соединений, не любящих любого рода на себя давлений, не выдерживает всего этого и, подогнувшись, начинает ронять на пол всё то, что для себя выбрала Мила. Ну а летящая посуда на непредусматривающий мягкости отношений, своеобразно своему видению мира (а видит он его, с изнанки подошв ботинок) пол и принимается соответственно – вдребезги, с дальним разбросом всего своего содержимого. Где осколки от тарелок больно ранят ноги Мила, а выброшенные из тарелки капли супа и соуса, попав на её ноги и новую,

вчера только купила юбку, ещё более ранят уже её эстетические чувства.

Ну а на это стоило посмотреть, что они одновременно и сделали, изучающе посмотрев друг на друга. Где у каждого в голове, скорей всего и возникли соответствующие вопросы друг к другу, о которых вслух не спрашивают, а вот про себя – сколько угодно. И если на счёт Детектива и так всё ясно понятно и не интересно, то по поводу взглядов на всё это дело Милы, хотелось бы поподробней.

А ведь спрашивается, с какими глазами она должна была посмотреть на этого, летящего сломя голову и не смотрящего перед собой, что за чудака-человека. А с такими, какими она и посмотрела на него, очень пристально-мстительно – глазами полными печали. Отчего Детективу, чьё сердце в один миг разбилось, после этого её, однозначно, специально для него приготовленного взгляда, тут же захотелось провалиться сквозь землю. Что он и сделал, правда, не по своей воле, а после удара возмездия – стулом по голове, который нанёс ему тот знаток весёлых историй, тип с широкой спиной. И хотя резкое потемнение в глазах и нелёгкое головокружение, со слабостью в ногах, Детективом поначалу были приняты за симптомы сердечной болезни, которая, как все знают, наступает вас внезапно и в самый неурочный час, всё же во время своего падения, пока что на пол, а не под землю, он сумел, увидев ухмыляющуюся рожу того весельчака, сделать для себя многозначительный вывод – он однозначно

попал.

Но Детектив, не смотря на такое своё малосознательное положение, не теряется и, немного поразмыслив, делает ещё один из всего этого вывод:

– Это не выход. – И как оказывается, его слышат и даже отвечают в ответ.

– Всё верно и любая задача, как и алгоритм, всегда содержит в себе второе решение или как в нашем случае со столовой, запасной выход. – Прямо в ухо Детективу говорит Реконструктор, заставляя Детектива снять со своих глаз пелену задумчивости и посмотреть на окружающий мир своим прежним взглядом.

– Ну что, пойдём? – приподымаясь со стула, спросил Реконструктор Детектива. На что Детектив, бросив мимолётный взгляд на свободную от вилочных повреждений руку Реконструктора, поднимается вслед за ним и следует к выходу из столовой. Правда, по выходу в коридор, их там случайно ждали любопытные лица сотрудников, в количестве, не считаемой, но очень шумливой массы, которым непременно захотелось поздороваться с Реконструктором и заодно с Детективом. Что, не ввело в заблуждение Детектива, увидевшим во всём этом желание нетерпеливых сотрудников поближе подойти к нему и так сказать, через рукопожатие попытаться понять, что он за человек. При этом все стараются представиться, что в ответ делает и Детектив, который, само собой, тут же, не специально, а по психологическим причинам, всех

их забывает (память ещё не решила для себя, кто ей будет полезен или опасен, и поэтому с первого раза не запоминает имена).

Ну а пока Реконструктор отвечает на вопросы спрашивающих, Детектив, занимая рядом с ним молчаливую позицию, с тем же вниманием смотрит на внимающие ему лица сотрудников, которые только для видимости смотрят на Реконструктора, когда как сами, в пол взгляда изучающе смотрят на него.

«Может их поразить какой-нибудь выходкой», – усмехнулся про себя Детектив, но вспомнив, что знает только одни непристойные, на грани, выходки, решил молча постоять. Ведь после этого, пожалуй, им всем тут будет не очень удобно смотреть в глаза друг другу. Но не успел Детектив таким смешливым образом позабавить себя, как вдруг, он на своих боках почувствовал, что их стоящему здесь полку, очень даже чувствительно прибыло. И хотя Детективу было очень любопытно знать, кто там сзади толкается, всё же он, как лицо здесь новое, для того чтобы заслужить уважение у этого коллектива, должен демонстрировать свою невозмутимость. Что он и принялся проделывать, никак не реагируя на все эти толчки сзади.

Правда, не смотря на то, что его лицо, с выражением независимости и насмешливости, смотрело вперёд вверх голов, всей этой столпившейся вокруг них массы людей, мыслями он всё же обратился назад, пытаясь понять, кто это там та-

кой нетерпеливый. Но, как выяснилось, долго ждать не пришлось и этот возмутитель спокойствия и источник волнения, как только он растолкал впереди себя стоящих, то тут же, чуть ли не вывалившись из людского окружения, предстал перед Реконструктором и Детективом.

И если это явление такого неутомного, нового лица вызвало у Реконструктора улыбку, с которой он и поприветствовал его: «А ты, Стон, как обычно опаздываешь», – то Детектив, совершенно иначе отреагировал, увидев этого Стона. А всё потому, что он узнал в этом Стоне того самого торопыгу из лифта, который, конечно же специально отдал ему ногу. О чём Детектив, так уж и быть, после его слёзных извинений, готов даже забыть, но вот его новый туфель, получивший на всю свою короткую жизнь очень видимую отметку – ссадину, при его небольшой зарплате, однозначно не сможет смириться с этой потерей своего лица.

Отчего Детектива вновь наполняет горькая горечь, и он не выдерживает, и украдкой бросает свой взгляд на свой, уже не такой новый туфель. И, конечно, Детектив понимает, что когда-нибудь настал бы тот миг, когда бы его туфли, со временем начали бы покрываться морщинами или, набираясь опыта, подобного рода ссадинами и срезами, но ведь это было бы, их время и их опыт, а вот какой для себя опыт они могли для себя извлечь из этой встречи с этим Стоном, это совсем не ясно. Хотя, может такой, что надо быть более осмотрительными и не выставлять себя во всей красе и на ширине

плеч своего носителя, для того чтобы стоящие напротив туфельки, могли бы должно их оценить. Нет уж, не дождётесь. И Детектив уже было хотел вскипеть, как вдруг своим взглядом натолкнулся на протянутую ему этим Стоном руку.

«Что это?», – непонимающе глядя на протянутую руку, про себя задался вопросом Детектив. Ну и видимо его соображения на счёт всего этого затянулись, раз в дело пришлось вмешаться Реконструктору, который звучно рассмеялся над таким замешательством Детектива, забывшим, как люди приветствуют друг друга.

«Значит, хочешь поздороваться со мной. Ну тогда, держись», – стиснув зубы, зло посмотрев на улыбающегося Стона, Детектив решительно схватил его руку и начал со всей своей силы сжимать её. Чего (такого напора на руку), видимо не ожидал этот Стон, чья улыбка постепенно сошла на нет, а он сам, с той же постепенностью начался наливаться красной краской.

«Ты у меня на всю жизнь запомнишь это рукопожатие», – накрутивший себя Детектив, чуть ли не ликовал, наблюдая за этим преобразованием Стона, чей красный цвет лица быстро сменился на бледный и, как почувствовал Детектив, он даже уже начал подрагивать. Но Детектив видит во всём этом всего лишь трусливое прикрытие этого Стона, которого он и не отпустит, пока не дождёт до его просительного стенания. Чего, как оказалось, долго не пришлось ждать, и этот Стон застонал, правда, он всё это дело сопровождал неожиданным

и очень вдруг падением с ног. Что, в свою очередь вызвало мгновенную реакцию стоящих вокруг людей, где все, в основном за себя испугавшись, резко одёрнулись назад от упавшего на пол Стона, и тем самым вызвали цепную, с кровавыми последствиями реакцию, разбив своими затылками носы сзади стоящим людям. Ну а те, уже следом реагируют и сводят на бок носы тех, кто стоит сзади них. Ну а всё это вместе приводит к общему шуму и волнительному разброду, со своими бессмысленными шатаниями.

Но всё это остаётся за пределами видимости Детектива, на чьей руке повис стонущий и схвативший своей свободной рукой сердце Стон. При этом застывший на месте Детектив, глядя на этого Стона, не слишком соображает, что ему следует сейчас делать – отпустить руку или продолжать сгибаться под тяжестью этого наполненного излишками веса Стона. Но скользкая рука Стона, выскользнув из руки Детектива, сама решает за него и Стон, получив полную свободу, уже в полном своём составе валится на пол, где для эффективности не забывает звучно треснуться головой об пол. Ну а, судя по еле дышащему телу Стона, то он, скорей всего, таким образом пытается окончательно получить полную свободу от своего, трудно куда вместительного тела.

Ну а дальше всё происходящее видится Детективом, как в тумане, чему, в общем-то, способствует всё это, с выражением ужаса и испуга на лицах, мелькание перед ним различного рода людей. Где одни пытались что-то сделать, тогда

как другие, наоборот, ничего, не только не пытались, но и не хотели делать, держа нос кверху, для того с него ничего не стекало. Что же касается лежащего на полу Стона, то, как запомнил Детектив, то вдруг откуда-то из неизвестности появились люди, уже в медицинских халатах, которые и решили судьбу Стона, погрузив его в носилки и унеся его куда-то вместе с собой.

Ну и как окончание всего этого воспоминания – на переднем плане, невозмутимое лицо, наклонившегося к нему Реконструктора, который, тыкаясь носом ему в щёки, пытается взглянуть в лицо. Ну а как только он улавливает признаки сознания, то Реконструктор произносит обыденную фразу: «Завтра, в это же время ждём здесь вас», – после чего закрывает дверь такси, которое и уносит Детектива туда, куда ему озвучено.

Глава 3

Неусыпность, недосып и их следствия.

Когда поутру просыпаешься не сам, а вынужденно – ну так решил за тебя тобою же заведённый с вечера будильник, то это хоть и малоприятно, но всё же терпимо. Но когда ты, при таких же вынужденных обстоятельствах просыпаешься полностью, как физически, так и морально разбитым, то в этом случае невозможно позавидовать полетевшему в стенку будильнику, которому только и остаётся, как отделаться разлётом в разные стороны своих не собираемых частей. И ведь тут не скажешь, что он попросту под руку попался, тогда

как местоположение будильника, как раз и должно отвечать этому должному – рукой подать, положению. А ведь если бы разбуженному человеку пришлось тянуться за будильником, в желании отключить его, то, пожалуй, будильники в два раза чаще бились бы о стены.

– Вот, чёрт! – несколько запоздало выразил своё сожаление, правда, непонятно чему или кому, чуть приподнявший голову над подушкой, помято выглядящий Детектив. После чего Детектив вновь опускается на подушку и после небольшого раздумья, которому мало способствует лицезрение мира через эту подушку, переворачивается, уже для того чтобы лицезреть потолок своей спальни. Ну а виды этого потолка, который не может быть досконально белым (и на солнце есть пятна), всегда наводит на досужие мысли. Правда, эти мысли уже зародились во время сна и сейчас всего лишь лежали на эту белую палитру потолка, рисуя на нём некие, трудно понять, что за образы.

– Натяжные потолки что ли заказать? – Поразмыслил вслух Детектив, чувствуя, что он действительно вчера вымотался до предела, раз с утра его посещают такие, даже в голове не укладывается (оттого они и лезут на потолок), что за сумасбродные мысли. После чего Детектив, вспомнив судьбу будильника, тянется за лежащим там же, рядом с кроватью на тумбочке телефоном и, убедившись, сколько сейчас время, а также в том, что у него много чего болит, после вчерашней незапланированной им, но предусмотрительно при-

готовленной, жаждущей этой встречи второй неизвестной для него стороной.

А ведь она, эта встреча, скорей всего и не могла не состояться, раз эти типы так настойчиво взялись за него, не дав ему проходу. И стоило только Детективу отпустить такси и сделать пару шагов по направлению к своему дому (он жил в небольшой квартире, в одной из многоэтажек), как... Хотя, как сейчас буквально вспомнил Детектив, всё началось несколько раньше. И если бы он тогда обратил внимание, а он, в общем-то, обратил (помятая голова Детектива не даёт ему должно сосредоточиться), то тогда он, отнёсся бы более серьёзно к замеченной им из такси, едущей за ними по пятам, само собой, в неприметной чёрной машине, и тогда возможно, результат той встречи с пассажирами этого автомобиля был несколько иным.

Правда, Детектив вышел из этой переделки, можно сказать, твёрдо стоя на ногах, а это значит, практически победителем, чего не скажешь об этих двух переростках, решивших резко открыв прямо ему в ноги дверь, поинтересоваться – а как он крепко стоит на ногах. Но это опять же случилось чуть позже, по выходу из такси, а пока он ехал в нём, то его не покидали мысли о том, что он, пожалуй, даже удивился бы, если бы в этой его поездке к дому, в зеркале заднего вида такси не появился подобного вида сопровождающий эскорт. А вот почему такая мысль пришла ему в голову, он так и не смог ответить.

«Ладно, выйду, и если они посчитают нужным подъехать, то обязательно спрошу их об этом», – решил Детектив и, в общем-то, по выходу из такси, так и попытался сделать, когда этот автомобиль типа джипа, чьи боковые окна в виду скромности пассажиров обрамляла тонировка, сбавив скорость до уровня хода Детектива, сравнялся с ним. И только хотел Детектив посигналить рукой, показывая сидящему с его стороны пассажиру, чтобы он опустил окно (Детектив не привык общаться с дверями автомобиля), как вдруг эта дверь, чуть ли не вылетает из скелета авто и бьёт собою Детектива по его вытянутой руке, ну и дальше по тому, до чего она дотянулась.

Ну а внезапность для того и существует, чтобы сбивать собою с ног попавших под её удар нерасторопных людей, в которые, те внутри машины, посчитали нужным сегодня записать и Детектива, с чем он и отлетает в сторону на газон. Ну а пока он, привалившись боком на лужайку, не собрался с мыслями и не дай бог с кулаками, из машины выскакивает парочка недовольного вида типов, которым, судя по их весьма высокому росту (а для их ног, никакой длины машины не хватит, и всё равно их ноги, упрутся во что-нибудь впереди упирающееся), просто захотелось размять ноги, с чем они поспешно и подступили к Детективу.

И, наверное, Детективу, прямо сейчас несдобровать, если бы не понятно с какой стати, ему вдруг вспомнился один барыга, со своим к месту и не к месту высказыванием: «Хо-

чешь жить, умей вертеться». И вот тут-то, к полной неожиданности первого подбежавшего и замахнувшегося в ударе ногой типа, Детектив, так резко завертелся, что этот длинномер и промахнулся. Ну а так как его, о-го-го, что за замаху и рвению, заложенному в этот угловой удар могли бы позавидовать многие высокооплачиваемые футбольные форварды, то, конечно, когда его нога пнула всего лишь воздух, то она на этом не остановилась и её понесло гораздо дальше и выше, нежели запланировал этот – баскетболист-футболист и не разберёшь.

В общем, не успел этот новоиспечённый форвард ухватиться руками хотя бы за воздух, как его нога уже потащила его за собой, где по окончании своего залёта и опрокинула своего хозяина затылком об землю. Ну и не успел он и вдохнуть свежего запаха травы, то тут, как тут, уже летит добивающая нога его командного товарища, который не любя всякую импровизацию, всегда в своих действиях использовал домашние заготовки. Ну а в данной игровой комбинации на добивании, всегда требуется подстраховать своего партнёра. Что он очень точно, прямо в голову и проделал, отправив своего товарища через двойной кувырок, прямо в угол росшего у обочины дороги дерева.

Но не успевает второй форвард обрадоваться такой своей меткости или же огорчиться тем, что насаженная на его ногу голова была слишком нагружена мыслями и оттого стала довольно тяжёлой, как у него, в один удар под дых, пере-

хватывает дыхание. После чего он складывается поперёк себя, для того чтобы попытаться вздохнуть хоть самую малость воздуха, где и получает, отправивший его прямо лбом в землю, удар в затылок от стоящего рядом с ним Детектива. Ну а после того, как предварительное знакомство произошло, и каждая из сторон продемонстрировала то, на что она способна, наступает время для более конструктивного диалога, где Детектив уже может задавать свои вопросы с позиции силы.

Ну а для этого нужно, для начала определить готовность собеседников к разговору, где первый, хоть и готов, но он так готов, что с ним, пожалуй, не найти общих слов. Что же касается второго, то тот, скорей всего, постарается уйти от ответа, притворившись спящим. Ну, а с такими Детектив знает, как поступать, и он, поддав ему пару разков под зад, вынуждает того развернуться к себе лицом. Но стоило только Детективу посмотреть в лицо этому футболисту, как у него тут же вырвалось: «Чёрт, возьми!», – и желание говорить, в один взгляд исчезло.

Правда, зашитый даже не белыми, а чёрными нитками рот этого баскетболиста-футболиста, скорее всего, тоже затруднял его возможности для внятного разговора, так что они, можно сказать, были в расчёте. Так что нечего сразу же всех посылать к чёрту (и почему именно к нему, а не по другому, небесному адресу), когда твои желания не могут осуществиться.

– Что ещё за «Мим»? – ошалевший от всех этих видов

Детектив, сразу же отклассифицировал этого баскетболиста-футболиста. После чего он бросает свой взгляд на лицо другого футболиста, где ему также видятся стягивающие уста чёрные нити и похолодевший Детектив, кинув в пространство: «Что за херня», – полный дум об этих «мимах», не спеша отправляется к себе домой. «А ведь кто-то определённо навёл обо мне справки в небесной канцелярии, раз послали ко мне именно «мимов». Ведь я из всех этих клоунов уличного жанра, больше всех страшусь, как раз мимов», – размышляя таким образом, Детектив добрался до своего подъезда.

Правда, зайдя в подъезд, он не поспешил направиться к лестнице, а прижавшись к окну в подъезде, принялся наблюдать за действиями этих «мимов». «А может они ниндзя? – к не менее шокирующему для себя выводу пришёл Детектив, заметив, как эти, пока что «мимы», через раз падали, в попытке подняться с травы. – А свои рты специально зашили, чтобы не единым звуком не выдать себя, слившись с внешней средой. А я ведь в детстве тоже хотел стать ниндзя. Надо над этим обстоятельно подумать». – Решил, удивлённый столькими совпадениями Детектив, продолжая своё наблюдение.

Ну а те, получив небольшую передышку, собрались с силами и, хватаясь за травмированные части своего тела, двинулись к своей машине, чья дверь со стороны пассажирского сидения, чётко отражала свою придавленность после встре-

чи с Детективом. Но Детектива больше заинтересовало другое, а именно стоящая чуть подали другая, семейного типа машина, из которой определённо тоже вели своё наблюдение за тем, что здесь случилось. Почему Детектив так решил, трудно сказать, но если его предчувствия не подвели один раз с этим чёрным джипом, то почему не быть уверенным и на счёт второго раза.

– Это уже становится интересным. – Как и в тот раз наблюдая из окна, озвучил себя и того из кино героя Детектив, глядя в зеркало и потирая свой, как он считал волевой подбородок. После чего Детектив, прищурившись, ещё раз внимательно посмотрел на себя и, не заметив за собой склонности изменить свою причёску «ёжик», брутально, сквозь зубы сплюнул и выдвинулся на выход, вначале из ванной, а затем уже на улицу. Там же он, выйдя из подъезда, внимательно посмотрев по сторонам и не обнаружив подозрительные лица в машинах и вне машин, потихоньку всматриваясь себе под ноги, направился в сторону вчерашнего места стычки с этими «мимами».

Подойдя же к примерному месту возлежания этих «мимов», Детектив сделал поверхностный осмотр и ничего не обнаружив, присел на корточки, где, используя руки, попытался чего-нибудь нащупать. Но и это ничего не дало, и Детектив, решив не забивать себе голову, оставив, всё как есть, направился в сторону автобусной остановки. Где дождав-шись автобуса, он, с помощью этого общественного транс-

порта и добрался, вначале до метро, ну а затем уже, до той части города, где возвышались все эти небоскрёбы, несущие в себе столько всего довлеющего на человека, что будет лучше об этом не думать, а просто любоваться ими со стороны.

Но всё же одна мысль закралась в голову Детектива и он, глядя на небоскрёб (выходит, что небо настолько материально, что ему требуется, чтобы его время от времени подпирали и подскребывали), сравнив его с Пизанской башней, попытался посчитать, а успеет ли он убежать, если небоскрёб, накренившись в его сторону, начнёт, вырываясь с фундаментом из земли, падать на него.

«Так, если высота самого высокого в России небоскрёба «Триумф-Паллас» равна 264м, а мировой рекорд в спринте – 100м за 10,49с, – ну, ладно, я пробегу за 11секунд, – то для того чтобы избежать этого падения на мою голову, мне потребуется примерно 30 секунд. Хм. Значит, всё зависит от скорости падения небоскрёба», – приближаясь к нужному зданию, одного из небоскрёбов, занимал себя интригующими мыслями Детектив.

Ну а как только он произвёл все эти числовые расчёты, то тут же небоскрёб накренился и попытался проверить правильность математических расчётов Детектива. Небоскрёб, конечно, ещё бы и сто лет так простоял никем не тронутый, но так уж случилось, что он своим высоким шпилем проник сквозь облака, где в неурочный час прохаживался заоблачный житель – творец всего и вся. Ну и он, гуляя по облакам,

само собой рассчитывал на мягкость отношений облаков к его босым ногам, а тут, раз, и острый шпиль втыкается ему в ногу. Что для него неожиданно и даже потрясно больно. Отчего творец, в одно мгновение лишается невозмутимости и, вспомнив такой же случай с Вавилонской башней, насылает на сидящее в небоскрёбе человечество, как он устарело думает, смертельную напасть – языковой барьер.

Но он видимо уже забыл о том, что как раз сидящие в таких небоскрёбах люди, обладают знаниями множества языков. И они, не только в панике бегут к лифтам, а наоборот, до того осмелели, что выходят на находящуюся в самом верху смотровую площадку и, пыхтя сигарами, сбрасывают пепел на головы этой и не разглядеть, что за мелочи внизу, ну а дым пускают прямо в лицо творцу, нагнувшемуся к облакам, чтобы посмотреть вниз и порадоваться за себя. А тут, такой прямо в глаз дымовой выхлоп, отчего творец начинает закашливаться и, уже окончательно потеряв уравновешенность характера, набирает в лёгкие воздух и обрушивает на шпиль небоскрёба ураганный ветер.

Ну а небоскрёб, само собой алчными империалистами уже застрахован на кругленькую сумму и они даже сделали под ним подкоп (вот почему они специально пускали вверх дым из своих сигар) и он не выдерживает этого, никогда такого не было, шквалистого ветра и начинает давать крен, чтобы спустя оторванность от сдерживающего его фундамента, полететь вниз на голову стоящему в самом низу Де-

тективу, который задрал вверх голову пытается осмыслить всё это.

– Что-то я не пойму, что тут происходит. – По мере вглядывания в приближающийся к нему небоскрёб, почёсывая затылок, задался вопросом Детектив. – Это или обман зрения, где я, охватывая зрением здание, физически начинаю приближаться к нему или же сам небоскрёб, по каким-то, независящим от меня причинам, сам решил приблизиться ко мне? – Но Детективу не пришлось долго мучиться над разгадкой этого ребуса, как вдруг вылетевший из накренившегося окна, не заметивший этого крена какой-то не трезвый банкир, очень быстро себя отрезвил и, воткнувшись головой неподалёку от Детектива в асфальт, быстро дал понять Детективу, что у него времени задавать вопросы нет, и нужно скорее бежать отсюда.

И хотя Детектив не обладал большими спринтерскими качествами, он всё же в желании жить, подналёг на свои ноги в этом своём забеге от падающего небоскрёба, с которого, по мере его всё более крутого наклона к земле, всё больше вываливалось людей. И бегущему от небоскрёба Детективу, не имеющему возможности свернуть в сторону из-за ограждений, даже подумалось, что небоскрёб, ощущая свою неуверенность в том, что он его не догонит, в попытке остановить его, принялся закидывать его различными людьми и оргтехникой.

Ну а Детектив тоже не дурак и бежит не по прямой, а пы-

таясь лавировать, раз за разом избегает жёсткой встречи с падающими с неба, не только людьми, но и другими сбивающимися с пути техническими новинками. Так прилетевший и упавший буквально в двух ногах от него холодильник, был использован небоскрёбом в качестве осколочно-фугасного снаряда, который вынес из себя – через вылетевшие двери холодильника, – столько всего майонезно-сливочного, что, пожалуй, если бы холодильник упал чуть дальше, то у Детектива не было никаких шансов продолжить свой забег, поскольку скользясь на этой преграде. Ну а так, Детектив только получил по спине вылетевшими яйцами, что даже придало ему некоторое ускорение.

– Ещё десять секунд и я... – Но не успел Детектив приступить к счёту, как прозвучавший звоночек или сопровождающий прибытие лифта на этаж сигнал, вернул его к действительности – из очередной, всегда сопровождающей его в сложные моменты жизни, не дающей соскучиться фантазии. После чего Детектив, заметив за собой тягу к поручням, за которые он довольно сильно схватился, оставляет всё, как есть и переводит свой взгляд на впереди высоко-стоящие спины людей. «Хм. А я ведь никогда не считал себя маленьким», – заметив такое повышенное количество высоких людей на единицу площади, Детектив, конечно, только подумал, продолжая молча наблюдать за этой аномальной диспропорцией.

Правда, всё же сигнал прибытия не зря прозвучал и эта

впереди стоящая тёмная масса высоких людей, не стала застаиваться и вся вышла из лифта, дав Детективу возможность свободно, во всю грудь вздохнуть. И это ему нужно было делать поскорее, ведь кто знает, кто на их место более рослый придёт. И точно, и Детектив успевает лишь набрать, как следует в лёгкие воздуха, как в лифт заходит тот, при ком уж точно ему теперь спокойно не вздохнуть и не выдохнуть (и что спрашивается теперь делать с набранным под завязку кислородом. Выдохнуть? Издеваетесь, что ли. Вы разве не знаете, что переработанный в себе воздух уже не столь вкусён и пахнущее привлекателен, чем его свободно плавающий в пространстве собрат). Но спрашивается, к чему все эти волнения и затруднения, и неужели для всего этого есть причины? Конечно, и она, сходу войдя в лифт, озвучивает себя, приветствуя Детектива.

– Здравствуйте. – С долей официальности в голосе, здоровается с Детективом вошедшая в лифт Мила. Что требует от Детектива ответной вежливости, но он переполненный набранным воздухом, чувствует, что стоит ему резко открыть рот, то он, как минимум засвистит, а уж о большем и думать не стоит. И Детектив только кивает ей в ответ, продолжая стоять, как надувшийся индюк. Ну а Мила, скорей всего любит всякую такую домашнюю птицу и она решает занять самое удобное для наблюдения место – напротив этого индюка, где остановившись, и начинает не сводить своего взгляда с этого надувшегося индюка.

И в какой другой раз Детективу, а здесь в лифте по совместительству индюку, было бы очень желательно такое внимание к себе со стороны Милы, то вот сейчас её взгляд будоражит и начинает постепенно сводить его с местостояния. Ведь перенасыщенность кислородом также вредна, как и недостаток того же кислорода, да и к тому же, когда ко всему этому добавляется фактор твоего страха высоты, о котором ты не просто знаешь, а ощущаешь его, находясь на этой умопомрачительной высоте, то дайте только время и всё это даст свои плоды (ведь лифт на котором они едут, не так прост, а он движется находясь с внешней стороны здания, откуда через стёкла ограждения лифта открываются столь прекрасные и одновременно умопомрачительные виды вниз).

Ну а пока Детектив, изредка бросая свои взгляды на недипломатично смотрящую на него Милу, наливается краской от переизбытка своей чувствительности, а стоящая в других местах лифта разношёрстная публика, погружена в свои мысли, лифт постепенно приближается к очередной высотной отметке, где вновь звучит очередной звуковой сигнал, обозначающий прибытие. И вот тут, казалось бы можно улучшить момент и, спрятавшись за спину выходящих людей, перевести дух, но как всегда, спешка вносит свои коррективы, и Детектив, решив всё одновременно сделать, конечно, тут же поперхнулся и принялся судорожно закашливаться. Ну а таких как он, кто их знает, может носителей опасного вируса, все опасаются и даже те, кому было нужно ехать выше, то

и те быстро не пришли на помощь Детективу, ломанувшись на выход из лифта.

Но согнувшийся в кашле Детектив, занимаясь собственной прокачкой, никого не замечает вокруг, до тех пор, пока на его спину не сильно ложится чья-то, словно пёрышко рука, которая, не смотря на всю свою лёгкость, одновременно прогибает под собою и сжимает в себя, в один момент замолчавшего Детектива. После чего наступает тихая пауза, где стоящий в согнутом положении Детектив, боясь вздохнуть и поднять голову, смотрит на стоящие перед ним, те самые звучные тувельки, а сама Мила, выглядя, как дрессировщица, которая смогла обуздать этого страшного зверя, слегка поглаживает этому зверю его спину. Ну а когда достигнуто такое взаимопонимание и согласие, которое обоим приносит радость и удовлетворение, то ничего не хочется менять до тех пор, пока не захочется думать.

А вот думать или вернее сказать, задуматься приходится, когда слышишь приближающиеся шаги к лифту, которые в один момент возвращают всё на свои прежние места, где Детектив беззаботно стоит на своём месте, а Мила на своём. И они бы, пожалуй, и дальше продолжили своё знакомство, да вот только вошедший имел на это счёт своё мнение, и стоило ему только войти в лифт, как он тут же воспользовался своим знакомством с Детективом и приветственно полез к нему со своим рукопожатием.

– Это хорошо, что мы здесь встретились. – Потрясывая

руку Детективу, расплылся в улыбке Реконструктор. И хотя Детектив имел на этот счёт противоположное мнение, он всё же ничего не сказал, а бросая через плечо Реконструктора короткие взгляды на улыбающуюся ему Милу, и сам улыбался ей, а не как подумал Реконструктор, что он обрадовался этой встрече с ним. Ну а Реконструктор, конечно, не ограничился одним этим приветствием и, решив развить успех в этом деле, принялся знакомить Детектива с тем человеком, кто стоял за его спиной.

И как только Реконструктор, отойдя в сторону, расширил для Детектива горизонты его видимости, то ему сразу же перехотелось улыбаться, увидев стоящего перед собой того самого, в броско-дорогом костюме агрессивного типа. Который, в свою очередь, и сам не собирался раздаривать кому попало свою радость на лице, на которую он, в общем-то, и не был способен.

– Позвольте вас обоюдно представить. – На этот раз Реконструктор очень вовремя разбавил возникшую паузу в этом оценивающем противостоянии, где стоящим друг напротив друга противникам, и без лишних слов было всё понятно насчёт напротив стоящего лица. Ну а слова, они и не собирались тратить вслух.

– Это наш начальник службы безопасности, мистер Костин. – Указав рукой на этого мистера Костина, Реконструктор сделал полдела, в таком, как оказывается сложном деле, как знакомство. Правда, Реконструктор рано обрадовался и

Детектив своим, с усмешкой вопросом, определённо решил спровоцировать Реконструктора, а может и мистера Костина на невнятный ответ, и тем самым суметь прочесть психологический портрет мистера Костина.

– А почему мистер, а не как у нас сейчас принято, господин? – пропустив мимо глаз лицо Реконструктора, Детектив впился взглядом в непроницаемое лицо мистера Костина, который в одно мгновение перестал жевать виртуальную жвачку, которую он всегда жуёт для того чтобы придать себе значительности и монументальности (возможно за это его жвачное рвение, его и прозвали мистер, что было своего рода прозвище через тире, звучно дополняющее его фамилию). И хотя видимых изменений по лицу мистера Костина не было видно, всё же застывший в самом себе мистер Костин, чьи глаза определённо округлились, своим молчанием, более чем красноречиво показывал всю степень своего недоумения, от такой брошенной ему в лицо дерзости.

Но не успевает Реконструктор найти у себя в заглазнике какую-нибудь отвлекающую шутку, а мистер Костин лопнуть от напряжения, больше мышц лица, чем мыслей, как Детектив, явно решивший продемонстрировать кое-кому на что он способен, не лезет в карман за словом и тут же озвучивает своё предположение:

– Хотя возможно, я оговорился и вы, фрондируя ко всем этим капиталистическим отношениям, в пику им решили, так отстранённо называться. Когда на самом деле, вы това-

рищ Костин. – И чтобы ни у кого и даже у самого мистера Костина не возникло больше сомнений в сказанном, Детектив решил закрепить это своё утверждение, похлопав мистера Костина по плечу. Ну а эта его фамильярность, видимо и была той последней каплей для мистера Костина, привыкшего, когда с него пылинки сдувают, но не терпящего, когда из него таким ручным способом пыль выбивают.

– Ах ты, сука! – Сначала вскипев, о чём говорило резкое изменение цвета лица, а затем, оглушив всех находящихся в лифте этим криком, мистер Костин, в желании задушить Детектива, выставив вперёд свои руки, бросился на него. Ну а Детектив, не желая иметь ничего общего с мистером Костиным и тем более быть им задушенным, быстро и верно оценив свои ограниченные возможности по манёвру в этом ограниченном лифтом пространстве, решил воспользоваться Реконструктором (а чего он ожидал, когда сам вызвался быть мостиком между людьми) и юркнуть за него.

Ну а пока мистер Костин, уткнувшись в стеклянную стенку лифта, цепляет её пальцами рук, Детектив не стоит на месте и, дабы сравнять разницу в росте с высоченным мистером Костиным, решает подогнуть его колени, нанеся ему удар ребром ноги по внутренней части колена.

– Ах, ты! – орёт в ответ, сбитый с толку и присевший на одно колено мистер Костин, у которого, как уже чувствуется – энергетика падает, раз у него слов уже не хватает, а в прижатом к стеклу рту одни лишь слюни, которыми он и ороша-

ет это стекло перед собой. И будь Детектив более любопытным человеком, то он, пожалуй, захотел бы более детально, ударом по почкам, поинтересоваться у мистера Костина, а что он имел в виду, так открыто ему тыкая. Но Детектив не таков, да и прозвучавший сигнал оповещения о прибытии лифта требовал ответных действий. На какие, он и подвиг себя, после того как Реконструктор, можно сказать, вытолкнул его из лифта, сказав, чтобы его ноги здесь больше не было, и чтобы он ждал его в приёмной (Почему Реконструктор смог справиться с этим, с виду и не скажешь, что можно справиться – мистером Костиным? Скорей всего, прозвучавший вместе с сигналом о прибытии лифта сигнал звонка телефона Реконструктора, о котором, видимо, все были наслышаны, и заставил замешкаться этого мистера Костина. Ну, а Реконструктору лишь оставалось, как воспользоваться всем этим замешательством).

После чего слегка возбуждённый Детектив, которому вслед летят слова мистера Костина: «Ему надо рот зашить!», – выходит из лифта в коридор и, не успев проанализировать сказанное, уже там натывается на остановившуюся Милу, чей, не менее, чем у него возбуждённый вид, говорит о том, что она тоже не была безучастным зрителем и возможно, даже переживала. А за кого, то тут и гадать не надо. И от осознания этого, Детективу даже хочется вернуться обратно в лифт и получить по мордасам, чтобы так сказать, выглядеть поживее и пожесточённое. Но видно, что Миле и этого его

бледно-красного вида достаточно, и она, изучающе посмотрев на застывшего на одном месте Детектива, улыбнулась и, сказав: «Мне понравилось находиться рядом с вами. Это будоражит кровь и немало волнует», – бросила на него требующий осмысления взгляд, после чего развернулась и оставила Детектива в одиночестве осмыслять ею сказанное.

Правда, донёсшийся со стороны лифта шум, говорит о том, что ему здесь не дадут спокойно постоять и по раздумывать над словами Милы, и Детектив, бросив свой взгляд в спину удаляющейся, так и ни разу не обернувшейся Миле, решив тоже не оборачиваться, конечно, пару раз не сдержавшись, отправляется в сторону приёмной. По прибытию в которую, он не стал задаваться вопросом: «Почему здесь всё так, как будто он и не уходил?», – и, не спрашивая удивлённую таким его, как у себя дома поведением Алису, с тем же вдохновением, с каким тогда сажился на диван Реконструктор, накрыл собою тот же диван.

После чего Детектив потратил немного времени на прокрутку случившегося в лифте, на что времени было затрачено не больше того, сколько оно было потрачено в реальности, ну, а перейдя к краткому разговору с Милой, здесь он, в общем, и завис. Что, вполне объяснимо, ведь когда имеешь дело с непознанным и загадочным объектом, к которым относится всякая «она» и, конечно, та из них, кто и внушает вам все эти мысли о бесконечности, то и думать о ней, можно ту же бесконечность. Ведь разгадка её, не просто слов,

а определённо скрытых в них символизмов, может помочь вам раскрыть тайну мироздания, позволив тем самым приблизиться к познанию значения самой вечности. Ну а это уж вечная жизнь.

«Я ей определённо нравлюсь», – сделал для себя и для Милы обнадеживающий и ко многому ведущий вывод Детектив, и, вдохновившись собой, полный самодовольства, не только откинулся на спинку дивана, но и вызывающе закинул ногу на ногу. Ну а как только им был принят такой вызывающий вид, он, наконец-то, к нескрываемому Алисиному нетерпению, обратился своим взором к ней.

Трудно сказать, почему Алиса сегодня так невоздержанно себя вела, ведь она к тому же, даже раздражённо пристукнула каблучком ноги об пол, чего, правда, занятый собой Детектив даже не заметил. Хотя, вполне возможно, что от внимания посетителей к ней, зависела её квалификация, а уж от этого уровня квалификации – премиальная прибавка к зарплате. Хотя, всё это лишь приземленные вещи, которые совершенно не стоят той прорезавшей Алисин лоб вертикальной складки, под давлением которой Алиса строго и изучающее посмотрела на Детектива.

– Интересно, что есть в этом мире такого, что может отвлечь твоё внимание от меня? – так и спрашивал этот взгляд Алисы, будоражащий сознание любого попавшего под него человека и значит, и Детектива. Но к Алисиному потрясению, Детектив как ни в чём небывало сидит и даже лыбиться-

ся в ответ. Отчего Алиса, вдруг вспоминает, что у неё есть руки, которые, как оказывается, она и не знает, куда их деть. После чего она начинает хватать на столе всё, что попало, а попала ей ручка, которая тут же и начала вырисовывать на лежащей перед ней бумаге различные невиданных видов каракули.

Но и это ещё не всё, и Алиса, хоть и сидела на этом офисном стуле, упираясь ногами об пол, как вдруг, к всеобщему (её и Детектива) удивлению, она взяла и споткнулась одним каблуком об пол. Ну а такие неприятности, как правило, случаются в моменты наивысшего волнения и никогда не остаются незамеченными всё теми же всеми, которые тут же делают для себя вывод: «Всё это неспроста».

И хотя Детектив смог бы найти ответ на этот вопрос, ответ на который мог бы осчастливить много кого и даже его, но только вчера, но, как говорится, время было упущено и он, находясь в некоторой уверенности насчёт своей полной занятости, уже смотрел на Алису иным, не впечатлённым взглядом. И даже сама Алиса, которая за эти сутки не постарела, а всего лишь только повзрослела и даже стала краше, почему-то не вызывала у Детектива большого желания глазеть на неё. Что, видимо, на интуитивном уровне и было осознанно Алисой, отчего она на мгновение, ревниво забывшись, и потерялась в себе. Правда, появление Реконструктора, внесло свои поправки во все эти думы, переведя все взгляды на него.

– Что, со второго взгляда всё выглядит обыкновенней? – задался вопросом подошедший Реконструктор, чья улыбка до ушей, заставила облегчённо вздохнуть, ожидавшего иного Детектива. И Детектив ответил бы, да неугомонный и не дающий вставить слово Реконструктор, запанибратски похлопав Детектива по плечу, вложив в это своё действие некий одобрительный намёк, как и в прошлый раз, своим падением на диван сбил с него всю пыль и спесь, после чего и заговорил.

– Что сказать. Умеешь ты грамотно обозначить себя. И не тратя время на всякую мелочь, сразу выбираешь для себя самого грозного противника. – Усмехнулся Реконструктор, боковым зрением поглядывая на Детектива. И хотя по большому счёту Детектив даже и не думал над вопросом такого выбора и скорей всего, постарался бы не форсировать свою антипатию к кому бы то ни было, он всё же не стал поправлять Реконструктора, заявляя, что это само собой получилось. Ведь когда дело сделано, то остаётся лишь одно – пожинать плоды или получать свои дивиденды.

– Ты же знаешь, что работа в коллективе всегда приводит к трениям, и не все на тебя будут смотреть, улыбаясь прямо в лицо. И без косых взглядов и перешептываний за спиной, не обойтись. Но теперь, после твоей стычки с мистером Костиным (честно сказать, он уже давно у многих стоит, как кость в горле), все эти мелочи тебя не будут волновать. Да и сами эти мелкие пакостники, не осмелятся пакостить, а постоят в

стороне, ожидая, чья возьмёт. – Очередной раз похлопав Детектива по плечу, рассмеялся Реконструктор, которому показалось всё это смешным, когда как Детективу не очень.

– Но ты, конечно, тоже не подарок. Назвать нашего первого либерала товарищем, это ж надо так постараться. И я, конечно, понимаю, что ты это сделал по незнанию и даже может не специально. Но разве консервативного либерала, который, как женщина может либеральничать только на счёт всех других, но когда дело касается себя лично, то он никаких шуток не потерпит, можно теперь убедить в обратном. В общем, только кровью ты сможешь смыть такое оскорбление. – Серьёзно сказал Реконструктор, повернувшись к Детективу. На что Детектив в ответ уже сжал руки в кулаки и даже уже подобрал соответствующие эпитеты, но Реконструктор расплывается в улыбке и тем самым спасает эту приёмную, от звучания таких скабрёзных слов, которыми больше наполнены различные подворотни.

– Ладно, забудь. И главное не дёргайся, а то он человек нервный, может ответно передёрнуться и спохватиться за шокер. Да, кстати, сегодня полотёрам не поздоровиться и как мне, кажется, мистер Костин после этой встречи с тобой, прямиком направился к ним, чтобы вытереть об них руки и ноги. – Сделал вывод Реконструктор, после чего сделал задумчивую паузу и, придя к некоему решению, меняет тему разговора.

– Ну, так что. Вас больше не страшат препятствия и вы

готовы пойти дальше? – спросил Детектива Реконструктор.

– Пойти, может быть и готов, да вот только заходить далеко, не хотелось бы. – Ответил Детектив.

– Понимаю. – Усмехнулся Реконструктор. – Поспешу вас успокоить. Далеко нам ходить не придётся и всё что нужно, находится здесь, в этом комплексе зданий.

– Ну, что ж. Я готов. – Поднявшись на ноги, сказал Детектив.

– Ну тогда, ничего другого не скажу, как только: пошли. – Поднявшись вслед за Детективом, сказал Реконструктор и направился на выход из этой приёмной, оставив за собой ничего непонимающую Алису, которая вытащив зеркальце из сумочки, принялась тереть своё лицо, в поисках недостатков, поспособствовавших такому их невниманию к ней.

– Надо больше спать. – Сделала вывод Алиса, найдя причину такого малого внимания – чуть красные и заспанные глаза.

Глава 4.

Ознакомительные мероприятия.

– А это наш вход для новичков. – Сказал Реконструктор, остановившись у самой стандартной двери, какими здесь все пользовались и даже, прежде чем оказаться здесь, у этой двери, Реконструктор и Детектив прошли сюда, через точно такую же дверь. Да и к тому же было совершенно затруднительно отличить эту дверь, от буквально в двух шагах справа от неё находящуюся, точно такую же дверь. «Хотя она, всё

же находится справа», – Детектива не так просто ввести в заблуждение и он с одного первого взгляда сумел обнаружить отличие между этими дверьми-близнецами.

– И в чём его особенность? – уже вслух задался вопросом Детектив, явно считая себя переросшим этот эпитет – новичок.

– В том, что он позволяет многое понять и увидеть. А что уж говорить о тех, кто не смог его пройти. – Ответил Реконструктор.

– Вы меня начинаете пугать. – Сказал Детектив.

– Интересно, почему, когда начинаешь говорить о неизвестном, то это всегда вызывает страх? – задумчиво, скорее всего себя, спросил Реконструктор.

– Это всего лишь защитная реакция организма. – Ответил Детектив, заставив внимательно посмотреть на себя Реконструктора.

– Ну раз так, то тогда другое дело. Тем более, там бояться нечего. Ведь самый простой зеркальный лабиринт, разве кого-то может испугать. – Усмехнулся Реконструктор.

– Зеркальный лабиринт? – вопросительно удивился Детектив.

– А что вас так удивляет? – в свою очередь удивился Реконструктор.

– А я знаете, даже и не знаю, что на это ответить. Но если человеку ещё свойственно удивление, то, я думаю, что это не так уж и плохо. – Сказал Детектив.

– Согласен. – Просиял Реконструктор. – Что же касается самого лабиринта, то для проходящего через него он служит неким проходным тестом и в тоже время подсказкой, что тебе в твоих действиях не нужно придавать большого значения лицам и видимости, которые всегда обманчивы. Так и в жизни, чаще приходится полагаться совсем на иной, нежели зрение, функционал. И это не всегда будут чувства, и возможно, интуиция или та же память в том или ином случае, будут гораздо эффективнее для тебя. – Реконструктор взявшись за ручку двери, слегка приоткрыл её, дав возможность Детективу заглянуть в это открывшееся пространство, которое своей неизвестностью притягивало к себе не только его взгляд, но и мысли.

И Детектив, можно сказать не заметил того момента, когда он оказался внутри этого, светящегося красными огнями зеркального помещения. И он, как замороженный, притягиваясь всё ближе и шире-шире, и так до поглощения всего его сознания, открывшейся дверью, так и втянулся весь внутрь лабиринта и возможно даже вовнутрь себя. Что, в этом блеске огней и всё поглощающих зеркальных переливаний, было очень сложно понять. Так, наверное, и мозг, всегда видя со всех сторон отражение своего носителя, а также всегда держа его образ при себе, в целях безопасности вынужден держать себя от него на расстоянии, зная, что полная растворимость себя в этом образе, приведёт лишь к утопическому результату. Где, настигнувший его нарциссизм, через прямую до-

рогу, только так называемых мозговых извилин, прямее которых нет, и приведёт его к своему зеркальному отображению в пруду, куда он утопически и нырнёт, чтобы полностью слиться с собой.

Ну а Детектив, видя со всех зеркальных сторон своё причудливое в этом свете изображение, не стал полагаться на своё зрение, а используя опыт своих первых шагов в этом мире, когда ты всего лишь маленький ребёнок, не осознаёшь себя и не знаешь, что тебя ждёт впереди, двигаешься вперёд, полагаясь только на свою ощупь. И здесь не важно, что время от времени ты будешь утыкаться лбом в препятствия, а при неудачных стечениях обстоятельств, до степени кровоподтёков и носом, ведь это твой первый путь, где именно полученный тобою опыт и является главной целью этого, неважно куда ведущего пути.

И он, в общем-то, и привёл к своему логическому выходу – очень похожую на ту первую, входную дверь. Так что Детектив, прежде чем её открыть, решает, что будет лучше не думать, куда она ведёт, всё равно она ведёт к одному из выходов и, выдохнув, открывает эту дверь, за которой его ожидаемо ждёт с радостным выражением лица Реконструктор. И хотя Детектив знает, что эта радость на лице Реконструктора обманчива, он всё же не задаётся вопросом: «Ну что, как я себя показал?», – а как ни в чём не бывало или вернее, как и должно быть, выразительно посмотрел на Реконструктора, ожидая от него предложения дальше пройти. Что тот и сде-

лал, сначала предложив, а затем, выступив гидом, проведя Детектива по всем новым лабиринтам коридоров, лестниц и проходов, коими так славятся все эти неизвестные многоэтажные здания.

И хотя по пути туда, куда вёл Детектива Реконструктор было много чего интересного, особенно масштабная игровая площадка, в реальности макетирующая одну из многих контр-страйковых игр, и выстроенная на внутреннем свободном, между домовым пространстве, он не то чтобы не обратил на всё это внимание, а просто не успел этого сделать, поспешая вслед, за как оказывается, быстро ходящим Реконструктором.

Но вот они, используя пропуск Реконструктора преодолевают ещё несколько стандартных блокирующихся кодовым замком дверей и оказываются в одном из секторов здания, где, судя по большому скоплению сидящих за своими столами сотрудников, скорей всего и располагается местный аналитический центр.

– Это наша основная рабочая площадка – центр разработок и анализа или другими словами, рукотворный человеческий лабиринт, состоящий из личных и служебных взаимоотношений амбиций сотрудников, а также всего того, что к этому приложится. – А это, было тоже самое, о чём подумал Детектив, но другими словами сказал Реконструктор, остановившись на верхней площадке второго этажа, откуда всё, как на ладони было видно, что там делалось на первом этаже,

где и размещались все эти сотрудники, за своими компьютерами и столами.

И как сразу же без труда заметил Детектив, то у этой суетящейся, из-за присутствия на ней однообразной форменной одежды одноликой массы, есть ещё и другие общие взгляды, с которыми они, стараясь быть незамеченными, делятся с ним, время от времени, бросая их на него. Что, конечно, не остаётся без ответа и со своей стороны, Детектив тоже начинает проявлять внимание ко всему тому, что происходит внизу. Что было не сложно сделать, стоя на этой верхней площадке, которая скорей всего, специально была так обустроена, чтобы руководитель, чей кабинет тоже находился здесь же, далеко не ходил и под чашечку горячего кофе, выйдя на эту смотровую площадку, мог бы должно оценить усидчивость своих работников. И хотя некоторые креативные элементы из числа сотрудников, своими кислыми лицами выражали недовольство такому внешнему давлению на их головы, и значит на их мысль, которая не терпит любых, кроме разве что черепковых ограничений, всё же руководству отсюда видней, чья морда кислей, и значит, знает, у кого работа спорится или стопорится.

К тому же руководство, на то и руководство, что должно не только стоять на более высокой ступеньке карьерной лестнице, чему отвечает эта площадка, но и всем своим видом внушать, способствующие работе подчинённых мысли. Ну а какие эти будут мысли, то здесь всё зависит от креа-

тивности сотрудника, где одним требуются дисциплинирующие его мысли, когда как другим, более сознательных работникам, даже и не надо поднимать своей головы, и они уже своим затылком чувствуют и ощущают всю заботу о них, не смыкающего своего взгляда с них руководства.

Что же касается самого внутреннего помещения этого аналитического центра, то здесь опять же всё было стандартно устроено для подобных, идущих впереди планеты всей центров, где различной оргтехникой и другими воплощениями технической мысли и было всё заставлено, как на столе, так и вокруг каждого из сидящих за своим столом сотрудника. Сами же столы, пока об этом не задумалось креативно мыслящее руководство, располагались традиционно, в несколько рядов друг к другу.

– Ну и как тебе наш «Эдем»? – после небольшой паузы, предоставленной Детективу для своего осмысления увиденного, пространно спросил его непонятно чему радующийся Реконструктор.

– Смотрительно. – В свою очередь Детектив, не удивлённый такому заезженному названию (а ещё считают себя креативной компанией), решил не вдаваться в подробности, коих у него не было, а также неопределённо ответил.

– И верно, с первого взгляда трудно оценить. Да и форменная одежда не способствует наблюдению. – Ответил Реконструктор, после чего достал свой телефон и, сверив по нему время, с тем которое показывали большие настенные

цифровые часы, предложил Детективу спуститься вниз и поближе познакомиться с коллективом. После чего Детектив, согласно кивает и они, спустившись по лестнице вниз, принимаются за обход всех этих столов. Что не совсем согласуется с представлением Детектива, ожидавшего, что Реконструктор, используя своё служебное положение и личное знакомство, сейчас примется собственноручно его знакомить с занимающими свои места людьми.

Хотя, возможно, ничем не примечательные и неотличимые друг от друга, всё больше молодые лица креативщиков и повлияли на такое решение Реконструктора. «Они все на одно лицо, так что нет особого смысла использовать к ним индивидуальный подход, – Реконструктор, как и любой много о себе думающий руководитель, не идеализировал подчинённых, а вот себя, да. – Но таковы они и должны быть. И самые передовые и замечательные идеи, как раз и приходят в головы какой-нибудь неприметливой личности ли, а не холодной рыбе».

Но всё же у Реконструктора был свой особый подход к этому ознакомительному мероприятию, не случайным свидетелем которого и стал Детектив. А ведь Детективу, надо было бы сразу же насторожиться, когда они спустились вниз на этот этаж, и где сразу же наступила настороженная тишина. Ну а когда они начали медленно двигаться между рядами, за спинами сотрудников (ряд состоял из сдвинутых друг к другу столов, где сидящие за столами могли, если что переки-

дываться шутками с сидящим за столом напротив), то те, когда они к ним приближались, как будто бы замирали в ожидании непонятно чего. И если поначалу Детектив списал всё это их замешательство на психологический аспект присутствия строгого начальства, то когда Реконструктор неожиданно остановился у одной из спин, а затем, подойдя к замершему на месте сотруднику, положил ему руку на плечо, то тогда-то, Детектив и начал догадываться, что здесь не всё так просто.

«И ведь скорей всего, этот сотрудник не зря вздрогнул, когда ему на плечо легла рука Реконструктора. И это однозначно что-то значит», – наблюдая за всеми участниками действия, размышлял Детектив. Но к удивлению Детектива это действие не получило продолжения и Реконструктор, убрав руку с плеча сотрудника, бросив короткий взгляд на Детектива, двинулся дальше по, как казалось, оживившемуся ряду. Ну а как только они дошли до конца ряда, то идущий впереди Реконструктор обходит крайний стол и они, оказавшись в соседнем крайнем ряду, начинают свой обратный ход. Где, как замечает Детектив, при их приближении спины сотрудников также застывают в напряжении, а стоит им только пройти мимо, как их плечи с облегчением опускаются.

И вот когда им, для того чтобы закончить свой обход, оставалось пройти два стола, Реконструктор вновь делает резкий поворот и по прежней схеме, награждает своим ручным вниманием сидящего за предпоследним столом, вздрог-

нувшего от этого прикосновения сотрудника. Ну а как только церемония возложения рук подходит к завершению, Реконструктор возвращается в авангард их небольшой с Детективом группы, после чего и заводит себя и своего ведомого, на небольшую, находящуюся в торце зала площадку. Где он, остановившись, обращает своё общее внимание на зал и, хлопав в ладоши, тем самым призывает коллектив к более должному к себе вниманию.

– А теперь, внимание! – звучным голосом огласил зал Реконструктор. – В связи со вчерашним трагическим случаем со Стоном, с этого момента вводится новое правило – категорически отменяются все рукопожатия. – После чего наступает осмысленная тишина, где самые невоздержанные, даже смотрят на свои руки, которым теперь и не видать всех этих человеческих трений. Но на этом, к удивлению Детектива, все прения и дискуссии заканчиваются, правда, только не у него в голове, где возникло уже столько нетерпящих отлагательства вопросов, и которые всё только добавляются, после этих озвученных Реконструктором странных объявлений.

И стоящий за спиной Реконструктора Детектив, не выдерживает и, придвинувшись к нему, шёпотом говорит:

– Так я был лишь поводом.

– А ты умеешь анализировать. – Не изменяя своего положения, усмехнувшись, одними губами отвечает ему Реконструктор. – Ну, а если даже так, то какое для них это имеет значение, раз решение уже принято. – После чего Рекон-

структор, так сказать даёт отмашку, и все лица возвращаются на свои рабочие места – к столам и мониторам, а Реконструктор с Детективом в свою очередь следуют дальше, уже по коридорам этого «Эдема».

Ну а как только они выходят в соединяющую это помещение с проходным коридором дверь, то Детектив не выдерживает и, остановив Реконструктора, спрашивает его:

– И что с ним?

– С кем, с ним? – Реконструктор ожидаемо проявил свою проницательность, завуалированную под его недалёкость.

– Пора бы уже переменить стиль своего общения со мной. – А вот это, с угрожающими нотками заявление Детектива, вызывает заметное оживление у Реконструктора, который после внимательного разглядывания лица Детектива, расплывается в улыбке и, протянув ему руку, заявляет:

– Согласен. – Но Детектив не спешит отвечать ему на это движение его руки и он, посмотрев вначале, в переливающихся светом глаза Реконструктора, а затем на его протянутую руку, спрашивает его:

– А как насчёт только что озвученного правила – отмены всех рукопожатий?

– Ха-ха. И точно, а я и забыл. – Рассмеялся Реконструктор, тем не менее, не убирая свою руку. – А может быть, я хочу тебя проверить на твою способность игнорировать правила. – А вот теперь, ставший серьёзным Реконструктор, определённо задал Детективу, возможно, требующую немедлен-

ного ответа задачку. В свою очередь Детектив не стал ждать, а положившись на инерцию, сразу же схватил эту немаленькую руку Реконструктора. После чего следует обоюдное наблюдение, за этим крепким рукопожатием, где каждая сторона вкладывает в него нечто большее, чем только одну силу.

– Ну так что, будем на ты. – Реконструктор своим запоздалым предложением, в очередной раз удивил Детектива, так и не понявшего, то ли Реконструктор настолько рассеян, раз не помнит, что он уже давно ему тыкает или же он настолько наглый тип, что так уж и быть, разрешает и ему потыкать. Но Детектив понимая, что возможно и сам Реконструктор находится вневедения всего этого, решает не вдаваться во все эти выяснения, и лишь только кивает в ответ. После чего, для закрепления этого решения, следует сдавливание рук и как только эти ручные собеседники приходят к выводу, что всё, на этом достаточно, то только тогда, они разжимают руки.

Ну а когда одна занятость, можно сказать, ликвидирована, то натуры деятельные, тут же находят для себя другую. Так и Детектив, посчитав, что он ответа на свой вопрос так и не получил, снова задался им.

– Что же насчёт этого Стона? – спросил Реконструктора Детектив.

– За него можешь не переживать. Он выкарабкается. – Повернувшись для того чтобы продолжить свой ход, ответил Реконструктор. И хотя Детективу хотелось бы услышать более полный ответ, всё же тон сказанного Реконструктором,

скорее не подразумевал дополнений и Детектив, оставив эту тему на потом, двинулся вслед за ним по этому длинному коридору. Ну а пока никаких препятствий в виде дверей или же лестничных переходов не наблюдалось, Детектив снова решил спросить.

– Ну а там, в Эдеме. Что это всё значило? – спросил Детектив Реконструктора, вынудив его вновь остановиться.

– Я бы назвал это, дать почувствовать отстающему дружескую опору. – Переливающийся блеском света глаза Реконструктора, почему-то не убедили Детектива, видевшего реакцию этих отстающих на эту дружескую опору, в виде опиравшегося на их плечо руки Реконструктора. Что Реконструктор определённо уловил и пока Детектив не успел выразить сомнения, поспешил добавить:

– Конечно, со стороны это может показаться по-другому и даже совсем с другим знаком, по-другому. Но можешь мне поверить – эта поддержка, этих меченых, несомненно мобилизует.

– В этом я, пожалуй, не сомневаюсь. Ну, а на что она и как их мобилизует? – спросил Детектив.

– Не отставать. – Засмеялся Реконструктор. – Ну а если серьёзно, то опять же не отставать. – Уже серьёзно сказал Реконструктор. – Что поделать, когда трудно что-то поделать, вот и приходится, таким отличительным способом подгонять зазевавшихся отстающих. Ну а пока они, так сказать, своим тяжким, отстающим бременем тяготят коллектив, то,

им и выносить, примерно с неделю, на себе все тяготы этого бремени – быть отмеченным. Что же касается конкретики, то их ждёт неделя потеря прав, а вот обязанностей – поспешать всем помогать, как раз добавится.

– И какие же у вас критерии оценки работы, в этом трудно оцениваемом спектре работы? – спросил Детектив.

– Для них неизвестность, а тебе, так уж и скажу – суметь найти достойный ответ на свою отмеченность. – Ответил Реконструктор.

– А как же их коллеги. Ведь каждый из них, в скором времени может оказаться на их месте? – спросил Детектив.

– Ну, здесь как раз всё очень просто. У них слишком короткая память и слишком большая вера в себя. Очень! – усмехнулся Реконструктор и, подойдя к ведущей в следующий сектор двери, вставил в специальное отделение свою пропускную карточку. После чего, присутствующая здесь же лампочка, загоревшись зелёным цветом, знаменует о том, что дверь открыта, и Реконструктор вместе с Детективом проходят в следующий территориальный сектор здания.

– А здесь у нас располагается технический отдел. – Сказал Реконструктор, подходя к очередной двери, ведущей в очередной секционный отдел, на который из-за его названия и не хочется смотреть. Но стоило только Детективу заглянуть внутрь этого, неожиданно оказавшимся огромным помещением отдела, то он передумал так скучно думать. А всё просто, и вместо ожидаемых здесь увидеть каких-нибудь скло-

нившихся над бумагами серых в толстых очках личностей, Детективу представился, правда, с теми же очкастыми серостями и бумагами, которые частично занимали свои места с краю, на стульчиках, целый ряд людей, одетых в причудливую одежду, с увешенными со всех сторон датчиками и лампочками, и всё это на фоне какого-то фантастического пейзажа. И хотя, Детектив уже слышал и даже читал об этих технологиях создания анимационных моделей в игровой и киноиндустрии, всё-таки увидеть в живую сам процесс создания, куда интересней, нежели о нём слышать.

– Ты уже слышал о «Motion capture» – методе анимации персонажей и объектов? – спросил Реконструктор Детектива, который только кивнул в ответ, продолжая своё наблюдение за тем, что творит на сценической площадке. Где один из облачённых в этот костюм из датчиков людей, чья физиономия сильно смахивала на вождя пролетариата – Ленина, на фоне постапокалиптического пейзажа, который как уже понял Детектив, создавался голографической проекцией, демонстрировал различные движения, которые ему показывались через экран телесуфлёра; и всё это фиксировалось различной присутствующей здесь аппаратурой. Реконструктор же, видя заинтересованность Детектива, не стал дожидаться от него ответа, а принялся комментировать то, что им предстало.

– Это, как ты уже, наверное, догадался, маркерная система «motion capture». Здесь всё просто, на человека надева-

ется костюм с датчиками, он производит движения, требуемые по сценарию, встаёт в условленные позы, имитирует действия. Ну а сами данные с датчиков фиксируются камерами и поступают в компьютер, где сводятся в единую трёхмерную модель, точно воспроизводящую движения актёра, на основе которой, позже или как сейчас в режиме реального времени, создаётся анимация персонажа. Таким же методом воспроизводится и мимика актёра (в этом случае на его лице располагаются маркеры, позволяющие фиксировать основные мимические движения). – Наблюдая за действиями этого позиционирующего себя за Ленина персонажа, который, как оказывается, был хорошо знаком с восточными единоборствами, выдал первый блок ознакомительной информации Реконструктор.

– Что, адаптированный под наши реалии, новый «теккен» создаёте? – спросил, улыбаясь Детектив.

– Что-то вроде того. – Усмехнулся Реконструктор.

– Что, революционные идеи опять захватывают массы? – Детектив кивнул в сторону, готовящихся к демонстрации себя, товарищей Ленина по идеологическому оружию – Маркса и Энгельса.

– Что поделать, раз низы опять не хотят жить по старому, а верхи не могут. – Продолжая лыбиться, ответил Реконструктор.

– Так вы, как я слышу, идеологически подкованы и возможно даже мотивированы. – Детектив внимательно посмот-

рел на Реконструктора, пытаясь усмотреть в нём наличие мобилизующих сознание революционных идей. «М-да. Пожалуй, он ближе всего стоит к анархистам», – сделал для себя вывод Детектив, после этого короткого осмотра, что, в общем-то, ожидаемо подтвердил Реконструктор.

– Если меня захватит революционный дух, то я, пожалуй, запишусь в анархисты. – Заявил Реконструктор, чей безумный взгляд из под очков, уже вызывал на счёт него подозрения, а не спрятана ли у него в кармане бомба. Но вроде бы из кармана пиджака ничего не оттопыривается, и Детектив с Реконструктором возвращаются к своему наблюдению за происходящим на этой площадке. Где место Ленина занял Маркс, который в виду сравнительно с Лениным более мощной комплекции, демонстрировал знание другого вида единборств – борьбы и не только классовой.

– Антагонизм классов, неизбежно приводит к социальной революции. Карл Маркс. – Детектив своим замечанием, определённо удивил Реконструктора, который почесал затылок и не найдя, что сказать в ответ, решил, что будет лучше продолжить то, о чём он говорил ранее.

– Что насчёт революций, то безмаркерная технология тоже своего рода прорыв. Что же касается деталей, то безмаркерная технология основана на технологиях компьютерного зрения и распознавания образов. Используя эту технологию, актер может сниматься в обычной одежде, что сильно ускоряет подготовку к съемкам и позволяет снимать сложные

движения без риска повреждения датчиков. – Реконструктора вдруг накрыла задумчивость, с которой он внимательно посмотрел на Детектива. После чего, ни слова не говоря, схватил Детектива под рученьки и, не дав ему спохватиться, спешно повёл дальше в глубину этого немаленького студийного помещения.

Там же они, дойдя до студийной площадки похожей на первую, делают остановку, и пока Детектив пытается осмотреться вокруг, то Реконструктор быстро исчезает, юркнув в какую-то новую глубину. Правда, Реконструктор теряется ненадолго и, спустя совсем скоро, уже в окружении или вернее будет сказать, он, окружив двоих с недовольными лицами типов, появляется обратно здесь на площадке. После чего эти два недовольства напрямик следуют к установленному здесь оборудованию, а довольный чем-то Реконструктор, что уже напрягает, подойдя к Детективу, смотрит на него удивительно радостно; скорей всего радуясь за то, о чём он ему сейчас сообщит. Но к его удивлению, Детектив в ответ не проявляет особенной радости к тому, о чём не знает и о чём Реконструктор не спешит ему сообщить. Что, видимо, осознаётся Реконструктором и он, дабы исправить эту, конечно же, оплошность недогадливого Детектива, берёт его уже за плечи и подводит к центру этой съёмочной площадки, на которую со всех сторон смотрят объективы различных камер и, обведя всё вокруг рукой, говорит:

– А вот сейчас мы на практике и с позиционируем тебя. –

Но видимо Детектив про себя считает, что сам факт его наличия в этом мире, есть уже позиция и ему дополнительная позиционность не слишком нужна, и он полный недоумения, посмотрев на Реконструктора, спрашивает:

– А зачем?

– Пригодится. – Реконструктор, как всегда говорит одни отговорки и не успеваеет Детектив возразить, как Реконструктор его уже покинул и, по всей видимости, специально, чтобы Детектив не убежал, дал команду включить свет, который ударив ему в глаза, заставил его зажмуриться и даже выставить вперёд руку. После чего до Детектива доносятся, другими словами и не сказать, наглые команды Реконструктора: «Да опусти ты руку и будь естественным».

– Чего-чего? – Детектив, звучно возмущившись такой бесцеремонностью, в свою очередь, хоть и убрал руку, но не собирается вести себя естественно, а вот покривляться, скрестив руки на груди и грозно посмотреть куда-то туда, в этот направленный на него свет, он даже очень может. Правда, спустя мгновение, Детектив приходит к пониманию того, что он, пожалуй, в таком виде глупо выглядит. После чего, он распускает свои руки, которые, видимо, боятся яркого света и поэтому сразу падают вниз, прямо в его карманы брюк, где в темноте можно и отлежаться. Чего, опять же не может не заметить Реконструктор, который, тут же поддевает Детектива:

– Да ты, как я посмотрю, деловой человек, раз отдаёшь

предпочтение таким, руки в брюки, демонстрационным позам. – На что Детектив, рефлекторно дёрнув руки, хочет среагировать, но поймав себя на мысли, что тот, таким провокационным способом, пытается им управлять, оставляет всё как есть, и даже к этому добавляет – презрительный взгляд, дерзкую усмешку и такую же вызывающую стойку, где теперь, уже его ноги, становятся крест-накрест. Но разве Реконструктора этим проймёшь, и он и на это находит должный ответ.

– Запомни себя в таком положении, чтобы с таким же выражением лица предстать перед генеральным. А то он, живя в виртуальном мире, среди льстивых улыбок подлиз и подхалимов, уже и забыл, что существуют иные взгляды на них, всех этих генеральных директоров. – Рассмеялся Реконструктор, выходя на свет, к не разделяющему такое довольство Детективу.

– Ну и что всё это было? – грубо спросил Реконструктор Детектив.

– В своё время увидишь. – Вновь увильнул от прямого ответа Реконструктор. И опять же не давая Детективу дальше позадаваться вопросами, выдвинувшись на выход, потянул его за собой.

– И куда мы сейчас? – пока Реконструктор сильно не оторвался вперёд, спросил его вдогонку Детектив.

– Туда, куда после трудового дня никогда не помешает заглянуть. – Неопределённо ответил Реконструктор, минуя

присевших передохнуть на диване трёх вождей пролетариата, которые, закулив сигареты, зорко смотрели на всех проходящих мимо них людей. Ну а так как в данный момент этими людьми были Реконструктор и Детектив, то всё их внимание было поглощено ими.

Правда, проходящий мимо них Детектив, не смог на основе своей исторической памяти устоять и не составить о них свой видимый портрет. И хотя это обоюдное лицемерие длилось всего несколько секунд, этого вполне хватило для того чтобы его мысль сумела создать для себя мыслимую картину беседы этих, как оказывается, вновь ставших актуальными, идеологов всех времён и народов.

– Этот империалистический табак, не табак, а сплошная дрянь. – Возмущённо посмотрев на потухшую сигарету и, презрев её своим взглядом, выразил своё, а значит всеобщее мнение Ленин. После чего он выкидывает эту сигарету в рядом стоящую урну и смотрит на тут же ушедшего вместе с бородой в себя Маркса. Ну а чтобы тот не слишком забывал о том, с кем он рядом сидит, Ленин живо толкает его плечом, отчего тот, с одной стороны, чуть не слетает с лавки, а с другой, всё-таки приходит в себя.

– Что-что случилось? – вытаращив глаза, очень артистично играет непонимание Маркс. Но Ленина, а тем более Энгельса, ему не провести и Ленин, протянув вперед свою руку и, пронзив его взглядом, как всегда тезисно и аргументировано заявляет:

– Не капиталась, дай сигаретку. – На что Маркс хоть и начинает бурчать: «Я не жмотюсь, а просто экономлю», – но всё же лезет в карман за сигаретами. Но вот когда он, уже можно сказать, достал пачку, как вдруг его настигает озарение и он, пробурчав: «А всякая экономия, в конечном счёте, сводится к экономии времени», – зависает на месте. Чем тут же решает воспользоваться Ленин, а вслед за ним Энгельс, вытянув из пачки по горсти сигарет, оставив там только воздух. Что, видимо, начинает ощущаться рукой Маркса, который осознав её лёгкость, непонимающе смотрит на пустую пачку, затем, на морды кирпичом, сидящих и пускающих дым Энгельса и Ленина, и, смяв пачку, со злостью выкидывает её мимо урны. Вслед за этим Маркс, для привлечения к себе общего внимания, ну и заодно, для того чтобы выбить пыль из брюк, хлопает себя по колену и, сдвинув грозно брови, как это он умел лучше всех делать, с дальним прицелом заявляет:

– Присвоение богатства, в его всеобщей форме, обуславливает отречение от богатства в его вещественной реальности. – Но, видимо, Маркс забыл, с кем имеет дело и он этими своими, мозг сломаешь заумностями, людей, знающих, что такое детская болезнь левизны, не только не сможет пронять, а они тебе в ответ ещё в три короба наговорят. И, конечно, первое ответное слово берёт более близкий по длине бороды к Марксу Энгельс, который посмотрел на Маркса, и, с осуждением покачав головой, заявляет:

– Человек перестал быть рабом человека и стал рабом вещи... – Что вызывает у Маркса, во-первых, стойкое (он подскочил на ноги), а во-вторых – агрессивное неприятие всего сказанного, с которым он и бросает тлеющую сигарету в шикарную бороду Энгельса. Ну а точное попадание в бороду, в свою очередь заставляет Энгельса затушеваться на месте, то хватая, а то, начиная бить руками по своей разгорающейся бороде. Ну а пока Энгельс старается потушить себя, а Маркс, наоборот, всем своим видом разжигает, Ленин, как ни в чём не бывало продолжает сидеть на диване и пускать дым в потолок. Правда, он это делает не совсем молчаливо, и тоже вносит свои две копейки в этот пожар.

– Я всегда говорил, что из искры, непременно, возгорится пламя. – Заявляет Ленин, после чего поднимается на ноги и, подойдя к противопожарному щиту, находящемуся сбоку от дивана, снимает оттуда огнетушитель и вернувшись обратно, наводит его... Но куда Ленин навёл этот огнетушитель, Детективу в данный момент, когда он вместе с Реконструктором оказался в следующем секторе здания, не суждено было домыслить. А просто, ударившая в его нос и в голову, не просто свежесть, а материализовавшая мысль, в которой было заложено столько всего расслабляющего, отчего ноги Детектива даже слегка подогнулись в ожидании того, когда воздушный поток их поднимет и отнесёт туда, в этот определённо рай, мгновенно перенастроила Детектива.

«Что это?», – через свои округлившиеся глаза, задался

про себя вопросом Детектив.

– Кто умеет хорошо отдыхать и расслабляться, то тот хорошо и трудится. Ну а здесь, как ты уже чувствуешь, есть для этого всё. – Чувствуя всё тоже самое, ну а также эту вопросительность Детектива, ответил ему, идущий рядом Реконструктор. И, конечно, такой резкий переход из одного состояния в другое, требовал небольшого отдыха, что также предусмотрели разработчики этого центра релаксации – огромной, утопающей в зелени оранжереи, для чего и установили через каждые десять метров беседки, на которых можно было передохнуть.

Ну и Реконструктор с Детективом не проходят мимо такого лестного предложения и приваливаются на первую же по ходу их движения беседку. Дальше следует глубокое наполнение себя свежим воздухом, от чистоты которого, даже начинает слегка кружиться голова и вытягиваются ноги.

– Сейчас бы воды ключевой. – Слишком стереотипно мыслит вздыхающий Детектив. На что Реконструктор, зная все эти человеческие потребности, не удивляется, услышав это очередное, что для счастья надо желание, а нажав на присутствующую на боковой ручке беседки кнопку, продолжает молча вдыхать до тех пор, пока с той стороны, где они ещё не были, до них не доноситься звук катящейся тележки.

– Что-то мне подсказывает, что твоё желание сейчас осуществится. – Как в воду смотрел Реконструктор, говоря всё это. И точно, буквально скоро перед ними предстала не толь-

ко сама тележка, со всякой и не только ключевой водой в бутылках, но и приятное лицо, скорей всего на двух ногах русалки, имеющей своё единоличное право распоряжаться в этом месте водой.

– Что желаете? – мило улыбнувшись Детективу и Реконструктору, спросила на двух ногах русалка.

– Просто воды. – За всех соврал Реконструктор, ограничив свои аппетиты, которые, конечно же, простирались далеко за пределы этого заказа. После чего русалка звучно наполняет одноразовые стаканчики водой, отчего жажда жаждущих, ещё больше усиливается, что, видимо, достигается русалкой с неким умыслом. И как только жаждущие, получив из её рук стаканы с водой, на мгновение забыв обо всём, припадают к воде, то она незаметно для них исчезает.

– А куда... – оторвавшись от стакана и от своей жажды, и не обнаружив перед собой никого, задался вопросом Детектив.

– Использованные стаканы выбрасываются сюда. – Реконструктор ловко перефразировал вопрос Детектива, дав на него свой ответ, с выбросом стаканчика, в стоящий тут же, специальный для этого предназначенный ящик. После чего Детектив, со своим стаканчиком поступает также и они полные сил, и уже другой жажды – отдохнуть, направляются дальше по этому лесному коридору, где установленные на разветвлениях пути указатели служат своему прямому назначению, указывая на то, что тебя ждёт, если ты решишь свер-

нуть с прямого пути.

Но перед Реконструктором не стоит задача провести Детектива по всем этим местам, и они в целях общего ознакомления, идут только прямо, не сворачивая со своего пути. Ну а по мере их дальнейшего хода, вместе со сменой между дверных пространств, также происходила смена климатических поясов, на какие была искусственно разделена эта часть сектора. Так на место умеренности – лесной чащи, пришли различные неумеренные – тропики и субтропики, которые, в конечном счёте, оставили за собой всю растительность и Реконструктор с Детективом окончательно вернулись в свою повседневную действительность – минимализму, со своим индустриальным пейзажем, состоящего из ламината и ещё много чего такого же химического.

– Ну а здесь у нас всё по старинке. Железо и тренажёры для роста физики тела и значит, духа. – Открыв дверь, ведущую в немалых размеров зал, где и вправду, всё мог бы найти для своей души, болеющий за своё физическое здоровье бодибилдер, сказал Реконструктор. Но не успел, не чуждый физических нагрузок Детектив, как следует ознакомиться с тем, что предоставляет этот, практически пустой спортивный зал, как вдруг Реконструктор, заметив единственного посетителя зала, который сидел не на каком-нибудь велотренажёре, а на куда более вещественном и удобном месте – массажном кресле, установленном в специальном отделении зала, – помахал ему рукой и, направившись к нему, заставил

Детектива проследовать за ним.

– Это наш гомеопат, доктор Виннер. – Направляясь к этому странному человеку, Реконструктор по дороге к нему, бросил Детективу это уточняющее портрет доктора замечание. И хотя Детектив не только видел, а можно сказать, повидал неисчислимое количество различных докторов, от встречи с которыми хотелось бы, конечно, уклониться, но что поделать, когда прижмёт, то вот этот доктор Виннер представлял из себя любопытнейший экземпляр, который определённо заслуживал того, чтобы на него обратили должное внимание. Да и как не обратить, при его-то широкоформатных габаритах, что даже было удивительно, как он смог поместиться в этом массажном кресле. При этом доктор Виннер, не просто использовал это кресло на своему назначению, дрожа на нём под воздействием массажных шариков, а так сказать, привнёс в него новых дополнительных неучтённых производителем функций. Для чего, в общем-то, большого ума не надо иметь, а стоило лишь сделать основной упор на основное предназначения кресла, где слово массажное, есть всего лишь его прилагающийся функционал.

Ну а кому, как ни таким габаритным личностям, как доктор Виннер, которым всегда сердечно близка любая поверхность, на которую можно присесть, не вспомнить о том, что кресло прежде всего предназначено для привлечения внимания уставшего человеческого зада, а уж всё остальное приложится. Вот доктор Виннер и, не снимая своего белого халата,

не тратя за зря монеты, и использовал это массажное кресло по его прямому назначению, где так же можно, не сходя с места, перекусить прихваченный с собой двойной бургер. Чем и занимался доктор Виннер, посматривая на экран телевизора, подвешенного на стену напротив него.

И хотя всё выше озвученное, уже само по себе наводило на множество мыслей и вопросов – Доктор Виннер, явно не рядовой сотрудник, раз он в неурочный для отдыха или спортивных занятий час посещает это место. По какой такой методике, он тренируется? Каких, таких наук, он доктор? – всё же самое удивительное ждало Детектива после того как он взглянул на экран телевизора, на который внимательно смотрел доктор Виннер. «Ну, доктор Виннер и что?», – увидев на экране телевизора доктора Виннера, в голове Детектива промелькнула неосознанная мысль, с которой он уже было хотел повернуться к самому сидящему на кресле доктору Виннеру, как вдруг Детектив осознаёт, что он сейчас увидел и тут же останавливается в своём поворотном движении. После чего медленно поворачивает свою голову назад и заново знакомиться с тем, что предстаёт перед ним на экране.

Ну а там доктор Виннер, не просто сидит в какой-то студии и даёт интервью, а нет, он как видится Детективу, находится, скорей всего, в этом же тренажёрном зале, правда уже, не сидя за бургером, а заняв место за одним из силовых тренажёров, изо всех сил обливаясь потом, так сказать, качает железо. Детектив внимательно смотрит на пыхтяще-

го на экране доктора Виннера и, убедившись в том, что это точно тот же человек, который сейчас сидит на массажном кресле и поглощает бургер, со всем своим вниманием теперь смотрит на довольную физиономию доктора Виннера, которая сомкнула свои огромные челюсти над бургером.

– Ну что, как твои дела движутся? – остановившись сбоку от доктора Виннера, глядя на экран телевизора, спросил то ли самого доктора Виннера, то ли его экранное изображение, Реконструктор.

– Я только начал. – Не сводя своего взгляда с экрана телевизора, не переставая жевать, ответил ему доктор Виннер.

– А сил то хватит? – вновь спросил его Реконструктор.

– Ты же знаешь, что я запаслив. – Оставаясь в прежнем положении, доктор Виннер, потянувшись свободной рукой к стоящему сбоку от кресла свёртку, демонстративно приподнял его и вновь положил. Ну а Реконструктор, посчитав нужным объяснить всё происходящее Детективу, уже тихо обратился к нему:

– Доктор Виннер, как и всякий выдающийся, почти что гений учёный, имеет свои причуды и заскоки, отчего мы и прозвали его гомеопатом. Если ты уже заметил, то его внешние данные бесконечно далеки от идеальных пропорций, что его несказанно огорчает. Вот он немного и поднапрягся, и выдвинул свою гипотезу на основе действия плацебо и ещё чего-то психологического, что организм, не всегда нужно нагружать железом, а его можно обхитрить, используя, как на-

пример, эти записи своих тренировок. И мышцы, получив сигналы из мозга, сами, без внешней нагрузки на них, будут напрягаться и расти.

– А бургеры, как я понимаю, способствуют росту мышц. – Почесав свой подбородок, в плане показать, что он всё понимает, сказал Детектив.

– Что-то вроде того. – Согласился не менее серьёзный Реконструктор. И, наверное, Реконструктор и дальше просветил бы Детектива насчёт содержательности бургера, с его килокалориями, углеводами и белками, если бы доктор Виннер не получил небольшую передышку, возникшую во время смены упражнения экранным доктором Виннером. Так экранный доктор Виннер, оставив в покое железную перекладину, с помощью которой он расширял свои «крылья» и, вытирая с себя текущий ручьём пот, направился к скамейке над которой возвышалась штанга. В это же время реальный доктор Виннер, не желая за зря тратить время, достаёт бутылку воды и начинает восполнять потерю своим организмом воды. Которая, скорей всего существенная, и как бы неиронизировал насчёт доктора Виннера Реконструктор, то судя по его промокшему халату, он, вполне вероятно, успешно обманывает свой организм, раз вслед за экранным доктором Виннером, также интенсивно потеет.

– Может, вместе со мной попробуешь? – обратился к Реконструктору с вопросом доктор Виннер.

– Я, к своему сожалению, не столь внушаем. – Реконструк-

тор, как всем показалось, был не до конца честен в своём ответе.

– А, я думаю, что ты просто не умеешь признавать своих ошибок. – По-своему парировал ответ Реконструктора доктор Виннер.

– Каких ещё ошибок? – искренне удивился Реконструктор.

– Давай не будем из себя строить непонимание. Как будто, я не знаю, как вы там за моей спиной смеётесь. – Заявил доктор Виннер, не сводя своего взгляда с Реконструктора, чья смущённая физиономия говорила о том, что он, пожалуй, был застан врасплох этим заявлением доктора Виннера.

– Мы может, и сомневаемся над некоторыми твоими идеями, но не смеёмся над ними. – Спустя паузу, ответил сумевший собраться Реконструктор.

– Тогда докажи и присоединись ко мне. – Похлопав по стоящему рядом, такому же креслу, строго заявил доктор Виннер. Что на этот раз требовало от Реконструктора куда более существенных отговорок, которые он, в общем-то, тоже нашёл.

– И чьими видами я буду мотивироваться? – кивнув в сторону экрана телевизора, многозначительно спросил доктора Реконструктор. Но ответ уже давно заготовлен и находится в руках доктора Виннера, который достаёт телевизионный пульт и с помощью него находит то, против чего, ни у кого, как оказывается, нет возражений, и все про себя и да-

же вслух считают, что это то, что нужно. С чем, скорей всего, согласится и та, лукаво поглядывающая на этих зрителей, спортивного вида и частично в трико красotka, которая мило всем улыбнувшись, тут же уронила Реконструктора в кресло, а сама в волнующем изгибе принялась под свой сладкий лепет притягивать небольшую штангу к себе.

И если Реконструктор, как начинающий бодибилдер, застыв в одной позе наблюдателя, боясь пропустить или не запомнить ни одного движения (он и не запомнил) спортсменки, не смел пошевелиться, то доктор Виннер, как более опытный бодибилдер, не отказывал себе ни в чём и, достав ещё один бургер, принялся его рвать вслед за притягиваниями штанги красоткой.

Что же касается Детектива, то он, как человек из крови и плоти, само собой оценил все достоинства этой спортсменки, на которую посмотреть, конечно, стоило того. Но если одним, для того чтобы запомнить и удовлетвориться взглядом, требуется сравнительно много времени, то Детектив всё схватывает на лету и ему достаточно одного взгляда, для того чтобы понять, что это то или не то. А так просто из эстетических потребностей и соображений, он, как человек рациональный и более чем серьёзный, не приветствует все эти плотоядные взгляды в лицо и тем более в зад. Так что Детектив решил, что ему здесь стало скучно и пока Реконструктор с доктором Виннером так увлечены, было бы неплохо самолично прогуляться и посмотреть, чему здесь ещё можно по-

удивляться.

После принятия этого решения, Детектив ничего никому не говорит, а развернувшись, не создавая лишнего шума, отправляется, вначале побродить по этому залу, и затем, через проход к следующему спортивному залу, в котором в отличие от первого разместились тренажёры другой силовой направленности. Там же Детектив, забравшись на один из велотренажёров, которых здесь, как и беговых дорожек было целый ряд, пару минут попробовал себя в качестве велогонщика. После чего слез и пройдя вдоль беговых дорожек, от делать нечего пересчитал их количество, затем развернулся и пошёл в обратную сторону, где дойдя до первой дорожки, сошёл на мнение, что и при обратном ходе количество дорожек осталось неизменным. Ну а раз здесь во всём присутствует такое скучное постоянство, то здесь делать больше нечего и не помешает выйти в ведущую в коридор дверь и посмотреть на то, что там есть во вне.

Детектив выходит из спортивного зала в коридор, который оказывается совсем не тем коридором, из которого они зашли в тренажёрный зал, чему, впрочем, есть простые объяснения – ведь он вышел из другого зала и в другую дверь, ведущую в другой пространственно находящийся перпендикулярно к тому входному коридор. Правда, если посмотреть по сторонам (а Детектив, как раз посмотрел), то большой разницы не увидишь – и там и там одна проходная пустота, которая там вдалеке заканчивается стандартной дверью. Хо-

тя, стоп и как видит Детектив, то один из коридоров, куда он сейчас смотрит, в шагах пятидесяти от него, незаметно пересекает ещё один. А заметил он это незаметное на первый взгляд пересечение потому, что сквозь коридор прошли двое людей в белых, как у доктора Виннера халатах.

«Так вот где этот Виннер работает». – Детектива озарила догадка, и он вдруг захотел поближе познакомиться с местом работы доктора Виннера, для чего и двинулся вперёд туда, к этому коридорному пересечению. И хотя в этом ознакомительном перемещении Детектива, ничего не было предосудительного и он вроде бы не превышал границы дозволенного, но почему-то, по мере своего приближения к этому коридорному пересечению, Детектив начал подспудно чувствовать себя как-то неуютно, где ему казалось, что он ведёт себя, как человек сующий свой нос туда, куда его не просят. «А попросят сунуть. Что, будешь сувать?», – практически приблизившись к соседнему коридору, где оставалось только выглянуть из-за угла, Детектив таким осмысленным способом быстро отмёл все эти свои нерешительности и сомнения, мешавшие ему не просто идти, а переступить границы.

После чего Детектив, прислушавшись и, не услышав никакого шума шагов, собирается с духом и как будто бы его там, за углом, ждёт противник с оружием на изготовке, втянув в себя нос, чтобы он сильно не выглядывал, начинает незаметно выглядывать из-за этого угла. Ну а сам процесс незаметного выглядывания из-за угла, у всех не сильно раз-

ниться. И вслед за небольшим сектором обзора, как в данном случае – противоположной стенки коридора, сектор обзора, расширяясь, в конце концов, приводит вас к полной видимости того, что вы не видели, но так пристрастно и незаметно для всех, хотели увидеть. Что редко отвечает вашим, всегда большим ожиданием, что случилось и на этот раз, где перед глазами Детектива, в тех же пятидесяти метрах (такие нынче стандартизированные архитекторы и их детища), представала ограничивающая этот коридор дверь. Правда на этот раз дверь была совсем не похожа на те двери, которые встречались на всём пути Детективу. И вот эта её отличительность, и вызвала у него повышенный интерес, с которым он и направился к ней.

И хотя эта отличительность, выполненной из композитных материалов, на основе металлической матрицы двери, состояла всего лишь из имевшейся в наличии, на уровне лица, стеклянного окошка, именно желание заглянуть в него, скорей всего и подвигло Детектива на этот любопытный ход. «Раз есть окошко, то значит, в него можно заглянуть», – логично рассуждал Детектив, приближаясь к двери. Правда, по мере своего приближения к двери, Детектив почему-то начал сбавлять свой ход, стараясь потише вступать. Чему тоже есть своё объяснение, ведь если он стал тише идти, то это само собой подразумевает, что он также тихо стал вступать. Ну а насчёт того, почему он сбавил ход, то скорей всего ему в голову пришла мысль о том, что в окошко могут выглянуть

и с другой стороны, а это при больших скоростях движений, чревато сердечным приступом для обеих сторон.

Раздумья об этом, приводят, уже находящегося в двух шагах от этого дверного окна Детектива к остановке, откуда он и пытается заглянуть в это окно. И если по мере приближения к двери, ему не давало увидеть, что там в нём делается, присутствие светового отблеска, то, как сейчас заметил Детектив, то на окне присутствовала занавеска. И не просто занавеска, а с рисунком пышно цветущего дерева занавеска. «Они что там, издеваются что ли!?!», – Детектив даже слегка обалдел от всего этого нарисованного иносказания.

Ну а это, не дающее заглянуть во внутренние тайны двери препятствие, сразу же всё решает и Детектив, отбросив в сторону всю свою свойственную приличиям деликатность, не собираясь использовать конспиративные методы приближения к дверям (где он, замаскировав рожу под кирпич, отведя её чуть назад, начинает приближаться к цели своим телом, что также начинает приближать к ней и лицо), в один ход форсирует это расстояние и оказывается почти что в упор у этого окна. После чего следует обзорный осмотр, как самого окна, видно, что выполненного не просто из стекла, так и самой занавески на предмет её задиристости или оплошности того работника, который следит за тем, как задвигается эта занавеска. Но Детектив, ничего из собою ожидаемого не обнаруживает, и тогда настаёт время вопросов.

«А зачем она, вообще здесь нужна? – не сводя своего

взгляда с занавески, задаётся первым вопросом Детектив.

«Ну, функционал занавески заключается в том, чтобы прикрыть собою то, что не касается посторонних глаза. – Детектив начал пошагово приближаться к разгадке того, что может находиться там за дверью. – Но тогда зачем здесь оставлять окно, когда можно было бы сделать сплошную дверь? Значит, сюда могут приходить люди не имеющие доступа во внутрь ... Но, тогда зачем? Для того чтобы им показать в окно что-то или кого-то? А смысл. Нет, тут что-то другое. – Задумался Детектив. – А ведь, судя по тому, что сюда прошли люди в белых халатах, то можно предположить, что здесь находится что-то связанное с людьми в белых халатах. И это может быть, не обязательно только медицина. – Детектив сам себе удивляется, до чего он логичен. – Может быть, пропускная система в эту дверь, по бюрократическому недосмотру, так устроена, что пропуск выписывается только на одно лицо. Ну а этим в белых халатах людям, иногда требуется покинуть пределы этого, чёрт знает, что за помещения или лаборатории. Вот, оставшийся внутри, и использует это окно вместо глазка. Да вот и кнопка», – но не успеваает Детектив, заметив кнопку вызова и впрямь присутствующую на том месте, где, как правило, помещаются все эти кнопки, обрадоваться своей догадке, как к его полной неожиданности, занавеска резко отодвигается и из глубины внутреннего пространства в стекло влетает чьё-то лицо, которое столкнувшись с этим препятствием, до потери черт лица, вдавли-

вається в него, на мгноєння замирає, глядя на Детектива, и так же мгноєнно пропадає в глибині внутрішнього пространства, не забув при цьому закрити занавеску за собою.

Ну а обмеревший на місці Детектив, тільки и успеває, що тільки от испуга ёкнути и покритися мурашками, при виді всего этого, длившегося одно мгноєння происшествія. И хотя решающее, первейшее значение на Детектива имело эта неожиданность появления этого непонятно, что за лица, всё же внутреннюю оторопь, которая вслед за всем его помертвением охватила его, была вызвана нечто другим – тем, что ему было суждено, на уровне ассоциаций, увидеть там, в глубине темноты. А может даже не в глубине, а всё, в общем, вместе с этим не ясно, чем поражённым лицом, а по-другому его не мог осознавать Детектив, создавало некую общую картину безысходности, от которой и пошёл у Детектива теперь уже мороз по коже.

Ну а что касается тех глубинных видов, которые промелькнув, отложились в подсознании Детектива, то, как ему показалось, если он, конечно, что-то увидел, то перед его сознанием, а не перед глазами, предстало нечто необъяснимое или другими словами, он достиг ядра сущности откровения, которое собою и перекрыло все понятия о себе и, поглотив саму себя, слившись с Детективом, стёрла все значения и смыслы, оставив у Детектива лишь одну предчувственную неосознанность. Ну, это как, если бы повторять одно слово до бесконечности, то оно постепенно будет терять для тебя

значение и смысл.

Вот и Детектив увидел нечто, достигшее того состояния сущности, где теряются все эти его поверхностные обозначения сущего – понятия и имена. И он, застыв в прострации, стоя на одном месте, не сводя своего взгляда с окна, взирал на это нарисованное, и точно не дерево, а древо, которое, как показалось Детективу, ожило и своей листвой принялось издавать шум, похожий... Похожий, почему-то на шум шаркающих по полу шагов. И не успел Детектив сообразить, почему это так, как сзади до него доносится голос Реконструктора:

– Да тебя, как я погляжу, без присмотра одного оставлять нельзя. Обязательно возьмёшь и куда-нибудь забредёшь. – Детектив видимо сильно увлёкся наблюдением за этим древом, раз не сумел сразу заметить Реконструктора, отражающегося в стекле окна, который, как теперь видел в этом же стеклянном окне Детектив, тоже смотрел на него не на прямую, а через отражение в окне.

– А что здесь? – не поворачивая головы, спросил Детектив Реконструктора. И хотя такая, со спины постановка вопроса Детективом, прозвучала невежливо, всё же Реконструктор не стал придавать большого значения всем этим этикетным правилам, а поглядывая через окно на Детектива, проговорил:

– В каждой уважающей себя компании, уже по факту этого уважения, должен иметься в наличии свой секретный отдел

или комната.

– И туда, как я понимаю, доступ строго ограничен. – Ре-
зюмировал Детектив.

– Что, логично. – Усмехнулся Реконструктор.

– А вы, попадаете под эти ограничения? – повернувшись
к Реконструктору, уперевшись в него взглядом, спросил Де-
тектив. На что Реконструктор, на одно, но всё же улови-
мое Детективом мгновение замешкался, но быстро собрал-
ся и как под диктовку ответил. – Вход сюда заказан только
для Директоров и заведующих отделений, и осуществляется
строго по графику – с понедельника и по пятницу, с часу дня
до трёх.

– А как же доктор Виннер? – продолжая буравить взгля-
дом Реконструктора, спросил его Детектив. И хотя Рекон-
структор не удержался и нервно моргнул глазом, что гово-
рило о его удивлении тому, как это Детектив смог так быст-
ро уловить связь доктора Виннера с этим отделом (хотя и он
бы тоже догадался), он не стал выказывать своё удивление, а
постарался увести Детектива от этой темы и самого места.

– Доктор Виннер другой случай и, пожалуй, он, останется
недовольным, если застанет здесь нас. Так что, давай, пошли
отсюда, пока он не появился здесь. – Сказал Реконструк-
тор и, повернувшись в обратную сторону, побудил Детекти-
ва следовать за ним. После чего они молча достигают входа
в спортивный зал, куда ни у кого уже не возникает желания
зайти, и они следуют дальше, в обход этого зала. Когда же

они сравниваются с тем первым входом, ведущим в первый зал, где занимал своё место доктор Виннер, Детектив не смог удержаться оттого, чтобы не заглянуть в зал и не посмотреть на доктора Виннера.

Правда на этот раз его уже не было на месте и только лежащий сбоку от массажного кресла бумажный пакет говорил о том, что доктор Виннер, всего вероятнее, рассеянный доктор и, пожалуй, будь он хирургом, то его пациентам не мешало бы быть более осмотрительными и даже, если есть терпение, то во время операции отказаться от наркоза. А то, кто его знает, что он там забудет у вас в животе. И ходи потом мучайся до следующей повторной операции, крайне необходимой для того чтобы достать из пациента ключи от квартиры доктора Виннера, который уже которую неделю не может попасть к себе домой и вынужден спать на больничной кушетке.

– Ладно. – Остановившись перед выходом из этого спортивного сектора и перед входом, ведущим их в оранжерею, сказал Реконструктор. – С общими планами мы ознакомились, осталось показаться на глаза высокому начальству.

– А Директор разве не столь высок? – спросил Детектив.

– На каждого директора всегда найдётся свой генеральный директор и даже председатель совета директоров, которым может и не по статусу возиться с такими как ты, но только не в нашем случае. Скажу так, твоя должность одна из ключевых, так что прежде чем тебя утвердить в должности,

на тебя должны посмотреть. – Внимательно наблюдая за реакцией Детектива на сказанное, на конспиративной ноте закончил говорить Реконструктор. Что не могло не заставить Детектива задуматься над тем, а благодаря чему и кому, его так, как даже он сам себя никогда так высоко не оценивал, оценили. А до этого скорее всего, сам не додумаешься, и Детектив ожидаемо, спрашивает об этом Реконструктора:

– Я, как понимаю, то я всё-таки, правда, незаметно для себя, уже прошёл у вас предварительный осмотр? – На что Реконструктор мог бы ответить и напрямую, но он почему-то, предпочёл обобщённый уклончивый ответ, что вызвало у Детектива вопросительное непонимание: а зачем и к чему все эти недоговорки.

– Все мы каждый день и даже каждую минуту, где только можно проходим предварительные осмотры. И, пожалуй, вся наша жизнь состоит из них. Ну а специализированный осмотр в больнице, в специализированных учебных или ведомственных учреждениях, со своими тестами, есть всего лишь одна из составляющих главного предосмотра, готовящего тебя к главному делу твоей жизни. А вот какое это будет дело, то это, как я уже говорил, уже будет зависеть от твоей предначертанности, определяемой чем-то или кем-то, кто там за твоей спиной стоит. – Как-то уж таинственно сказал Реконструктор, и тут же отвлекается от Детектива, внимательно посмотрев поверх его спины куда-то назад.

Ну а Детектив в свою очередь не остаётся в стороне и

сам поворачивается назад, чтобы посмотреть на то, что так живо заинтересовало Реконструктора. Где он видит стоящего вдалеке доктора Виннера, который остановившись на месте, определённо в поисках чего-то, принялся руками перебирать что-то в карманах своего халата. И хотя отсюда, конечно, было не видно, что он там искал, но это был скорее всего воздух. Детектив же, тут же вспоминает о лежащем у массажного кресла бумажном пакете, где возможно, как раз и находятся пару не съеденных доктором Виннером бургеры, о которых он, даже не понято почему, вдруг забыл. Правда, почему он их ищет у себя в карманах, тоже своего рода загадка. Хотя вы же знаете доктора Виннера, и даже если совсем не знаете, то это не важно, когда о нём, не зная его, уже всё знает Детектив, который на основании своих предположений о нём, совершенно не удивлён тому, что доктор Виннер удивлён тому, что вместо бургеров он находит в своих карманах воздух и пустоту.

– И что интересно, так это то, что куда бы я не положил свои бургеры, то, в конце концов, на их месте я всегда нахожу пустоту или воздух. А вот их я никогда не беру и не ложу, ни в карманы, ни в пакет, а они раз за разом всё появляются там. И что за субстанция такая, эта пустота? – рассуждал доктор Виннер, по пятому кругу сжимая руками в карманах такую эластичную пустоту. – И точно! Пакет! – вдруг доктора настигает озарение и он, расплывшись в улыбке, теперь может видеть не только свою заботу, но и по сторонам, где он

и обнаруживает, смотрящих на него Реконструктора и ещё какого-то сурового вида типа, стоящего рядом с ним. После чего доктор Виннер машет им рукой и, не дожидаясь ответа, разворачивается в сторону тренажёрного зала и скорым шагом направляется туда.

Но радость доктора Виннера длится не долго и он, поначалу обрадовавшись при виде лежащего у кресла пакета, даже слегка воспаряет над полом, да вот только, когда он поднимает пакет, который удивительно лёгок на подъём, что уже начинает вызывать подозрения у доктора Виннера, то в нём к не срываемому потрясению и огорчению доктора Виннера, обнаруживается та же вездесущая пустота, что и у него в карманах.

– Да как же это понимать!?! – тренажёрный зал потрясает душевный надрыв доктора Виннера, который и сам не выдерживает ударившую по нему отразившуюся от потолка звуковую волну, источником которой, в общем, он был сам, и под давлением этой тяжести придавливается на колени в пол. Где он оглушённый, опустив голову вниз, с минуту пытается прийти в себя, что, конечно, сложно при таком звуковом оглушении. Но доктор Виннер на то и доктор, что знает, как помочь человеческому организму, и он, зажав свой нос пальцами свободной руки, начинает давить внутренним воздухом на свои ушные перепонки, которые не выдерживают и, вывернувшись обратно, возвращают нормальный слух доктору Виннеру.

После чего доктор Виннер, обретя относительное спокойствие, вновь возвращается к находящемуся в несвободной руке пакету и начинает его зрительно изучать. И точно, со второго внимательного взгляда он обнаруживает ту самую причину, в результате которой он обнаружил в пакете не вкусный бургер, а пустоту. И как уже многие догадались, то это была дырка, через которую и произошёл не устраивающий доктора Виннера обмен.

«А ведь... – доктора Виннера вновь озарила догадка, и он тут же полез в карман своего халата, где, как и ожидалось, им обнаруживается всё та же дырка. – Так вот значит как проникает в карманы и пакеты вся эта пустота». – Доктор Виннер просто потрясён своими умственными способностями, которые умеют извлекать зёрна истины даже из таких трудно представляемых и не классифицируемых вещей. Но доктор Виннер на этом не успокаивается и идёт дальше, строя свою логическую цепочку. «Так вот значит, куда исчезли мои ключи от квартиры. А я, как дурак, второй раз резал по живому того пациента с аппендицитом. – Доктор Виннер даже слегка краснеет, огорчившись за себя и за такую свою недалёкость. Но времени на это огорчение нет, когда новая загадка стучится в голову доктору Виннеру. – Но откуда же берётся эта дырка или портал, по которому происходит этот неравноценный обмен?».

А уж это вопрос из вопросов, на который доктор Виннер и следовавший за ним в своих мыслях Детектив, пока что

ответить не может, так как Реконструктор уже устал ждать, когда Детектив подаст хоть какие-то признаки жизни. И для приведения его в чувства, хлопнув Детектива по плечу, для начала добивается от него осмысленного взгляда, а уж затем, заявив: «Нам пора, а то, генеральные, не ждут», – выдвинулся вперёд.

Глава 5.

Различный официоз и частные мнения.

Если к должности, к званию или более обширнее сказать, именованию, приписывается, дополняется и допроизносится прилагательное, то, как правило, именно из-за этой привязки к этому приложению, само именование теряет своё прежнее значение и приобретает то своё новое звучание, где всё внимание акцентируется на этом прилагательном, отодвинувшим в тень само именование. И теперь, что значат все эти директора, чьё именование и должность, хоть пиши, хоть говори с большой буквы, всё равно она уже видится с маленькой буквы (а писал я между прочим, с большой) когда рядом... нет, не стоит, а позволяет им директорам пристраиваться рядом с ним – парящий в воздухе Генеральный.

Так что вполне понятно, что когда Реконструктор сказал Детективу, что они сейчас пойдут на свои смотрины к Генеральному, то он определённо ожидал от этого визита нечто большего, правда чего, он так и не смог себе сформулировать, пока шёл и даже когда прибыл в приёмную генерального. Впрочем, справедливости ради, которую просто про-

пустил мимо себя Детектив, который, хоть и использовал в своей достижении цели – приёмной Генерального, различные технические средства: лифты и эскалаторы, всё-таки надо заметить, что кабинет Генерального (пишется строго с большой буквы, с чем не дала рука поспорить, не слушая команды мозга, выводя большую букву «Г»; наверное, как того желают самые свободные люди на земле – либералы, ещё не полностью выдавил из себя раба), не в пример кабинетам просто директоров, находился на самом верху самого высокого из высоких зданий.

И, пожалуй, если выйти на ту самую (откуда дымили сигарами, много возомнившие о себе бывшие генеральные) смотровую площадку, куда имеется прямой выход из кабинета Генерального, то если не использовать сигары для раздражения заоблачного, однозначно партнёра (ведь Генеральный имеет при себе не меньше рычагов влияния на судьбы ничтожного человечества), то можно с ним перекинуться несколькими своими мыслишками насчёт этого неблагодарного человечества. Чем, скорее всего, под чашечку кофе, в минуты своей расслабленности и занимаются все генеральные.

– Как ты думаешь (а он с ним, несомненно, на ты), стоит ли человек того, чтобы на него обращать своё внимание. – Размешивая серебряной ложечкой сахар, так за между прочим, задался вопросом Генеральный, посматривая с этой площадки, нет, не вверх на своего партнёра (что поделать,

раз он уже привык смотреть только сверху вниз, вот шея и заостенела в этом положении), а туда, в самый низ, где как муравьи суеилось человечество. Что, видимо, не слишком нравится небесному партнёру и он, конечно, хочет поправить Генерального, что и делает в свойственной себе манере, через притчи, знамения и недоговоры.

– Прежде чем внимать, смири свою гордыню. – Звуком отдалённого грома донёсся ответ небесного партнёра до Генерального. Который, вначале даже удивился, спросив себя: «А причём здесь дыня?», – но потом решил, что во всём виновато пространство, которое искажает точность передачи слов. Что, между тем приводит его к пониманию того прозвучавшего между строк послыла, который и хотел до него донести небесный партнёр и всегда дельный советчик. «Это он мне намекает на то, что нужно инвестировать средства в сотовую связь. – Озаряет мысль Генерального, который достав из кармана в кожаном переплёте блокнот, быстро делает запись, после чего убрав его, делает глоток кофе.

«А что, всё правильно. Человек общаясь друг с другом, не столь обращает друг на друга внимание, если не видит лица своего собеседника. И вообще, чем больше человек отдаляется друг от друга, тем больше он смиряется. Ну а если он будет внимать только экранному изображению, то его со временем, можно будет окончательно примирить с действительностью. – У Генерального, аж, дух захватывает от будущих перспектив и далеко идущих выводов, какие мож-

но сделать из такой многослойной содержательности сказанного ему небесным партнёром. – А это значит, что непременно нужно также вложиться в телекоммуникационные сети», – Генеральный уже не ограничивается одними записями в блокнот, а несётся к своему рабочему столу, чтобы оттуда сразу дать распоряжения – купить и взять под контроль все ведущие телекоммуникационные компании.

После чего с чувством выполненного долга откидывается на своё массивное кресло, переводит дух и, вытянув в стороны свои руки в часах, перстнях и браслетах, скорее риторически, вопрошает небеса:

– И за что мне такое счастье выпало!?

На что в тот же момент, в сопровождении грома и молнии следует ответ:

– Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. – Ну а этот ответ однозначно позавидовавшего такому счастью Генерального небесного партнёра, хоть и заставил Генерального, чисто рефлекторно схватиться за воротник брендовой сорочки, но всё же не может поколебать его уверенности в себе и в том, что его не повесят; а по плаванию у него первый разряд. Но видимо небесный партнёр всё же умелый переговорщик и он за свои советы определённо хочет получить солидные дивиденды. И не успевает Генеральный облегчённо вздохнуть, как небесный партнёр, с помощью залетевшей на площадку и ударившейся в стеклянные, соединяющие площадку с кабинетом двери птицы, доносит до него своё новое

послание:

– Кому много даётся, с того много и спросится. – Ну а в вопросах торга Генеральный с кинопродюсерами, ни одну птицу счастья ощипал и с деловыми корейскими товарищами ни одну собаку съел, и ему тут палец в рот не ложи, он его само собой оближет и все ништяки слижет.

– Смотри, ты сам этого хотел. А я ведь всего лишь спрашивал – стоит ли мне обращать внимание на человека. Ну а раз так, то я на него не просто обращаю свой взгляд, но и как ты посоветовал, спрошу с него. – Ударив, что есть силы по столу мухобойкой, попытался слегка выпустить из себя пар Генеральный. Но небесный партнёр всё не уймётся и своим новым заявлением, где сквозит неприкрытое обобщение, просто ошарашивает Генерального:

– Сколько людей, столько мнений. – Но и этого небесному партнёру кажется мало и он через звуковой сигнал минутной стрелки, пересекающей границу нового часа, намекает Генеральному, что пока заводной ключ от времени находится у него в кармане, то Генеральному лучше помалкивать и не спорить. С чем Генеральный внешне вынужден согласиться («Мне срочно нужен такой же ключ!», – внутри себя истерично орёт Генеральный. И хотя огромные средства, им уже вложены в крионику и разработку машины времени, всё же результаты пока неутешительные) и от нечего сказать в ответ набычиться. После чего он смотрит на селектор, тянет к нему свой палец и, нажав на кнопку вызова, строго говорит:

– Кто там ко мне ещё?

И хотя Генеральный об этом знал, всё же он, как Генеральный, не имел право проявлять свою памятьливость, а вот забывчивость, то это такое качество, которым просто обязан страдать каждый Генеральный. И даже если вас случайно, буквально через пять минут, снова бы представили Генеральному, из памяти которого и не успела улечуться память об этом типе человеческого бытия, который слишком сильно жмёт руку, а тут опять он со своей рукой, то и в этом случае Генеральный сможет лишь себе позволить поморщиться и как в первый раз видит, примется представляться друг другу. Хотя Генеральному всё же нравится представляться, называя себя Генеральным; и это никогда не наскучит.

Ну а знал он то, что у него времени осталось позарез (потому что оно у него сверхдорогое), о чём он, в общем-то, никогда не забывал, ну а также, что там в приёмной торчит с десяток всяких директоров и начальников, которым он нужен позарез. А это не просто интрига, где призом будет служить избранность Генеральным, но и в некотором роде развлечение для Генерального, чья жизнь, если честно сказать, несколько скушна.

– Надо, пожалуй, выйти к ним и подразнить. А когда обстановка накалится и их нервы будут на пределе, то своим неожиданным выбором, всех не просто ошеломить, но и было бы не плохо вызвать сердечный приступ. – Глаза Гене-

рального от всех этих представлений даже на один момент сменили окрас с голубого на чёрный. В чём анималистам и ботаникам, скорее всего увиделась игра света, которым играет за окном ветреная погода, сменившая свою ясность на пасмурность света, тогда как любители пентаграмм и других тайных знаков предположили, что любитель всего приземлённого и бытийного, сумел-таки обратить свой взор на Генерального. Ну а Генеральный и стал Генеральным, лишь после того, как сам обратился и стал последователем того самого любителя всего приземлённого; конечно больше греха.

Между тем прибывшие в приёмную Генерального Реконструктор и Детектив, как и следовало ожидать, натолкнулись на не сиюминутный приём, а на множество озабоченных и не местами покрасневших в нервном ожидании лиц. Что было вполне объяснимо, когда твоя жизнь состоит из того, что всё время тебя ждут, а тут как оказывается, тебе, не смотря указанное время и даже запись, как последнему рабочему, приходится ждать. И хотя это не просто невыносимо, но и уму трудно постижимо, всё же все эти, имеющие ни мало в себе веса директора, сидят и крепятся, ведь им куда хуже будет, если из-за твоей невыдержанности решат, что тебе директором теперь не быть.

Конечно, в этой жизни всякое бывает и директор директору рознь, и вполне вероятно, среди них найдётся и такой, кто о себе больше всех вместе и даже Генерального думает. Ну а такие чрезмерные мысли, если они предназначались

для головы Генерального, вдруг неожиданно приходят в голову просто директора, то это, конечно, не может не привести к хаосу в его голове и сумасбродству в его поступках. Где этот просто директор, после трёх часов ожидания в приёмной, без признаков какого-нибудь исхода, постепенно доходит до точки кипения. И вот когда его в очередной раз игнорируют, вызвав того жирдяя-директора, которого он и так уже ненавидел за свою потливость, а тут жирдяя предпочли ему, то это окончательно выводит просто директора из себя и он в исступлении подскакивает с места и с криками: «А ты, кто такой!?!», – бросается с кулаками на этого жирдяя-директора.

Дальше завязывается схватка между этими директорами, где жирдяй-директор впервые в жизни осознаёт, что он не зря так много жрал, ведь только его массивный вес не дал его сокрушить тому безумцу, который уткнувшись ему в пузо, скорее хочет уснуть, нежели ударить. На что, что удивительно, спокойно реагирует занимающий своё место секретарь Генерального, который, что уже давно не удивительно, представлен молодым с претензиями на что-то большее, с зализанными назад длинными волосами, которые завязаны в сырную (это уже отсебятина воображения Детектива) косичку человеком.

– Господин Макрон, просил приготовиться. Он сейчас выйдет. – Бесцветным голосом и с таким же непроницаемым лицом, огласил эту новость секретарь Генерального, как

узнал Детектив, носящим, явно пришлое имя – Мигель. И не успел голос секретаря достичь глубин мозгового центра принятых решений директоров, как уже их рефлексы и ноги всё за них решили, и все и даже те, кто себе позволил тут тягаться за близость к телу Генерального, и те уже стоят по стойке смирно, ожидая, когда Генеральный директор, господин Макрон, соизволит осчастливить их своим присутствием.

Но Детектив, как человек здесь новый, совершенно ничего не знал о местном этикете и он, как и Реконструктор, который не был никаким там директором, к потрясению и осуждению всех этих директоров, уже решивших их уволить, сидели, как ни в чём не бывало, и удивлялись выбору этого секретаря Генеральным.

– Самое удивительное то, что я этому уже не удивляюсь. – Кратко резюмировал своё видение этого Мигеля Детектив.

– Говорят, чем выше забираешься, тем меньше места для манёвра и свободы. – Ответ Реконструктора подразумевал согласие и даже в некотором роде оправдывал Генерального.

– Может быть. – Согласился с Реконструктором Детектив, который может быть и хотел продолжить разговор, да только появление на входе в приёмную мистера Костина, перебило всё желание говорить. А вот понаблюдать за мистером Костиным, который в свою очередь, заметив их, застопорился на месте, как будто наткнувшись на невидимую стену, было в самый раз. Реконструктор же, заметив эту отвлечённость Детектива, и сам посмотрел туда же и, обнаружив причину

этого его внимания, принялся с любопытством наблюдать за изменениями, которыми стал подвергаться мистер Костин, во время этого его противостояния с сидящим Детективом.

Что и говорить, а правильность выбора своей диспозиции перед любого вида схваткой, во многом определяет дальнейший ход противостояния и часто имеет решающее значение в определении победителя. И хотя стойкость соперников и их мотивацию, с жадной победить, тоже нельзя снимать со счетов, всё же когда к этому прилагаются первоначальные, более удобные условия размещения своих ног и всего остального, что на них крепится, то и побеждать легче. Так в данном случае, где Детектив первоначально заняв сидячую позицию на довольно мягком стуле, где его ноги могли не только находиться в расслабленном положении, но и в провокационных целях – Детектив мог и закинуть ногу на ногу, что он и сделал, прижав заброшенную ногу к себе рукой – определённо говорило о его более выигрышном положении.

В свою очередь мистер Костин, не ожидая здесь встретить этого наглеца, когда увидел Детектива, замер на месте и даже на одно мгновение впал в протрацию, онемев мыслями и телом. Что, наверное, вскоре бы выветрилось из его головы, благо кондиционеры хорошо работают, но ведь этот наглец не только не отводит своего взгляда от него, но и со своей стороны позволяет эти дерзкие выпады ногой в его сторону, что до глубины души потрясает мистера Костина, умеющего ещё не так забрасывать ногу на ногу. Но в его нынешнем

стоящем положении, это невозможно продемонстрировать и это ещё больше выводит из себя мистера Костина, вынужденного отдать должное хитрости этого наглеца.

При этом, как замечает мистер Костин, этот наглец не просто сидит, прижав к себе руками закинутую ногу на ногу, а с явным намерением вывести его из себя, издевательски покручивает носком ботинка и, выводя круги, тем самым завораживающе притягивает его и ещё нескольких увлекшихся этими смотринами директоров взгляды к носку своего ботинка. И теперь все эти наблюдавшие за носком ботинка Детектива люди, ни о чём другом не могли думать, как только об этом ботинке, и вслед за этими его круговыми движениями, впав в транс, сами постепенно начали кружиться, правда, уже в своей голове.

Ну а любое кружение, даже если оно происходит у тебя в голове, всегда действует расшатывающе на организм, после чего закружившийся постепенно теряет равновесие. И если он вовремя не остановится, то это грозит ему, как минимум, незапланированной встречей с землёй. Что, конечно, только касается всяких слабаков, а не таких устойчивых типов, как мистер Костин. И хотя его голова и была полностью разориентирована, всё же мощь его тела и вдавившихся в пол ног, своей монументальностью не давало этой малой помехе расшатать его устои, оставляя мистера Костина стоять на ногах.

Для того же чтобы ему упасть, требовалось, конечно, большего или хотя бы неожиданного появления из резко

открывшейся двери Генерального директора Макрона. Что, тот и сделал, и совершенно к этому неготовый мозговой центр мистера Костина, получив этот дополнительный сигнал, в своём роде попал в некую зону турбулентности, где его внутренняя составляющая головы и её внешняя оболочка, разошлись в приоритетах внимания – внутренняя продолжала кружиться вслед за носком ботинка, а внешняя – рефлекторно повернулась в сторону открывшейся двери. Ну а монументальному мистеру Костину было трудно разорваться от всего происходящего в его помутневшей голове и он, целостно сохранившись, всего лишь потеряв равновесие, упал на колени перед Макроном на пол.

И всё это так удачно совпало с выходом из дверей Макрона, что тот даже онемел, замерев на месте от такого демонстративного проявления верноподданнических чувств к нему. Для понимания же всех дальнейших, не свойственных Генеральным директорам действий Макрона, необходимо дать дополнительную информацию о нём. А дело было в том, что Макрон буквально только недавно стал Генеральным и он, так сказать, ещё не потерял всех связей с человечеством и поэтому не слишком твёрдо стоял на ногах. Ну а для закрепления себя ему было необходимо искать поддержки в рядах руководства, так что этот не предумышленный (но кто об этом знает) ход с падением на колени мистера Костина, не мог не быть должно оценен Макроном, так и директорами, позеленевшими от злости и зависти к этому такому на-

ходчивому мистеру Костину.

«Ах ты, подлец и прохиндей! Знаем мы, на что ты способен ради того, чтобы подлизаться к начальству. – Терзали себя за свою не находчивость директора, которые зная о себе всё и на то что они были способны для того чтобы подлизаться к начальству (зря что ли языки по нескольку раз на день чистят щёткой), глядя на мистера Костина, поражались тому, почему они оказались не столь ловки и на колени не падки. – Одно слово, сволочь и лицемер». – Как всегда не сдержаны на язык и немного даже себе вранливы директора, которые вместо одного слова используют два.

Пока же директора зеленеют и дозревают, Макрон придя в себя, вдруг совершает немыслимое – человеческий поступок, где он бросается к бледному мистеру Костину и, возложив ему свою руку на плечо, вопрошает его:

– С вами всё в порядке? – И как может быть не в порядке, когда об этом спрашивает сам Генеральный, и мистер Костин, воодушевлённый таким вниманием к своей персоне со стороны небопременного, в ответ делает попытку улыбнуться, от которой Макрону становится немного страшно, что он даже одёрнул свою руку от него. После чего мистер Костин поднимается на ноги и всем своим видом показывает, что он в полном порядке. Но Макрона видимо слишком испугала эта улыбочка мистера Костина и он, пятясь назад, таким ходом возвращается к стойке, за которой помещается его секретарь Мигель. Затем обводит лица присут-

ствующих людей своим взглядом и, заметив пренебрежение к условностям со стороны не понятно, что за сидящих на стульях лиц, шепчет что-то на ухо секретарю. После чего Макрон опустив свой взгляд себе под ноги, очень быстро скрывается за массивными дверьми своего кабинета.

Ну а оставшиеся в приёмной люди, хоть все и смотрят на секретаря Мигеля, всё же уже давно подозревают насчёт прошептанного решения Макрона, которое и озвучивается этим Мигелем, которому, что получается, подарки дари, не дари, а он совершенно не содействует принятию Генеральным нужных решений.

– Господа...Э...– Оглашая свой приговор, смотрящий на Реконструктора Мигель, вдруг запинается на месте, что даже вызывает бледность на его загорелом в солярии лице. После чего Мигель принимается для виду ворошить бумаги на столе и щёлкать клавишами на ноутбуке, что, как оказалось, больших результатов не принесло. Что, видимо, и заставляет Мигеля покинуть своё рабочее место и направить свой шаг к улыбающемуся Реконструктору, который с первых заминок действий Мигеля, сразу же всё понял и принялся радоваться, правда, трудно сказать чему.

– Вот как бывает, когда тебя нет в списках, а персонал привык сидеть на заготовках. – Не сводя своего взгляда с Мигеля, Реконструктор тихо прошептал Детективу. Детективу же ответить нечего и он, молча, продолжает наблюдать за всеми действиями Мигеля, который, испытывая огромный

дисконфорт, приблизился к ним, где предлагает им пройти в кабинет Генерального.

– Вот как. А как же те все, кто раньше нас пришёл? – не скрывая своё наигнанное недоумение, громко задался вопросом Реконструктор. Что, конечно, этими всеми было воспринято, как неуважение к принимаемым решениям Генерального, который сам себе голова и ему видней, кого надо первым приглашать, а кого и нет.

– Они подождут. – Неумолимо для всех остальных заявил секретарь Мигель, пропуская вперёд поднявшихся на ноги Реконструктора и Детектива. После чего они, под перекрёстным огнём множества директорских глаз, которые пока решили их не увольнять, а подумать (кто знает, может они, выйдя из кабинета Генерального, уже сами будут иметь право их увольнять), следуют в кабинет Генерального. Правда им ещё нужно пройти мимо мистера Костина, который, как и следовало от него ожидать, не пропустит их, а в особенности Детектива, мимо себя, не одарив их презрительным взглядом и сопроводительным словом.

– Смотри у меня. Теперь ходи и оглядывайся. – Не слишком осмотрительно и как буквально сразу выясняется, запоздало для себя и в частности для своих ног, проскрипел сквозь зубы мистер Костин, на чью ногу тут же не осмотрительно наступает не сводящий своего взгляда с него Детектив. Отчего в одно мгновение побагровевший мистер Костин, от возмущения и невозможности осознать беспре-

дельность вселенной, откуда берутся столь наглые поступки, можно сказать, полностью застревает в самом себе – в своём теле называемым мистером Костиным. Но Детектив, конечно, понимает все эти затруднения мистера Костина, чей язык онемел, а глаза вылезли из орбит, чтобы посмотреть на него с более близкого расстояния. И он, дабы мистер Костин окончательно не впал в детство, напоследок, всем своим весом наваливается на свою и заодно на ногу мистера Костина, и словами: «Ой», – покидает этот островок человеческого бытия, называемым ногой мистера Костина.

Ну а дальше они заходят в эту разделяющие миры дверь и оставляют все мирские заботы там у себя за спиной. И когда дверь захлопывается за Детективом, то им даже кажется, что у них память отшибло, раз всё то, что их волновало до прихода сюда, под своды кабинета этого небожителя, показалось столь мелким и несущественным, что о них, не то что вспоминать было неохота, а они, как было сказано вначале, забыли обо всём. Видимо, также себя чувствует полный рот вопросов человек, оказавшись пред очами того, кто знает все ответы на все существующие вопросы и даже на те, которые ещё не родились. И этот вопросительный человек, всю жизнь, мечтая оказаться пред очами того, кто знает все ответы и задать столь мучающий его, а лучше сначала, самый заковыристый и каверзный вопрос, на который даже нет и ответа, вдруг понимает, что как оказывается, у него больше нет ни одного вопроса и даже на тот самый заковыристый во-

прос, он, посмотрев на себя со стороны, и то уже знает ответ.

– Когда слишком близко приближаешься к высотам, где границы между мирами размыты, отчего даже дух захватывает, то в голову всегда лезут одни только глупые мысли о бренности своего существования. – Реконструктор, выйдя вместе с Детективом на смотровую площадку и оказавшись у ограждения, за которым существовал только низ, не сдержался и своим шептанием на ухо, вцепившемуся в поручень Детективу, решил сбить его с благочестивого настроения. И Детектив ответил бы Реконструктору, что нечего его сбивать с мыслей о возвышенном, если бы ему не было так страшно, находясь здесь, на краю между мирами, где только сил и хватало на то, чтобы себя сдерживать от падения в этот, так притягивающий к себе низ.

Так что любое, в том числе и греховное человеческое падение, вполне себе объяснимо и имеет под собой самые простые физические основания. Где притяжение земли и бытия, на законодательной основе действуя на человека, и склоняют его ко всему своему приземлённому. Ну а если человек, склоняясь ко всему этому бытийному, действует на основании законов притяжения, которым он вынужден подчиняться, то почему его в этом ещё и осуждают, и при этом единолично. А ведь, если он действовал по принуждению своей физики и заодно с самим предметом притяжения, то было бы логично, если бы ответ за эти действия держали все участники процесса, а не он один.

«Человек сам кузнец своего счастья и несчастья», – далёкий раскат грома перебил размышления Детектива, заставив его не согласиться с этим утверждением небесного повелителя грома и молний. «Со счастьем я соглашусь, но вот то, что он куёт себе несчастье, то это, по моему мнению, спорно. И он скорее предастся лени, чем возьмётся за молот», – состроив недовольное выражение лица, Детектив бросил свой посыл этому громовержцу.

«Вот так и куётся несчастье», – резким порывом ветра в лицо Детективу донёс свою точку зрения небесный смотритель. Ну а Детектив и Реконструктор, под воздействием ветра развернув свои лица в сторону кабинета, уже не имели большого желания смотреть туда. А вот спрятаться обратно в кабинет, где им не дал ни секунды постоять, отправив сюда на площадку Макрон, чей важный разговор по телефону требовал уединённости, было бы не плохо. Что, в общем-то, услышано и увидено Макроном, который уже давно переговорил, и теперь стоял в одной позе – манекена, в окружении парочки кружащихся вокруг него, судя по напыженному и по другим таким же отличительным признакам – стилистов.

Ну а Макрон видимо, после этого важного разговора по телефону, вынужден был скорректировать свои планы на вечер (однозначно этот его разговор по телефону состоялся по инициативе какого-нибудь серого кардинала, которые всегда стоят за спинами всех Генеральных. Ну а если серый кардинал проявляет инициативу, то следующий кто обязан её

проявить, то это будет Генеральный). И он их корректирует, начав быстро готовиться к предстоящей встрече, на которой возможно и настаивал серый кардинал, а может и его любовница (Макрона, а не кардинала, у которого кроме желания обогащаться и властвовать, других желаний и нет). Ну а с кем, это нам не дано знать, как и то, с кем эта встреча будет для Макрона важнее.

Сам же Макрон смиренно смотрит в одну точку, пока его ноги зажаты, не только в брюки, но и в крепкие объятия пальцев рук его личного стилиста Раймонда, с пышной, вся в завитушках, шевелюрой, который считает, что только через пальпацию можно как надо подогнать брюки. С чем совершенно не согласен его компаньон и по совместительству второй доверенный стилист Макрона, лысый, как крутое яйцо, Сержио. Что (их разногласия), в общем-то, понятны, ведь разница природных подходов к их растительным возможностям на голове, скорей всего и нанесла на их видение окружающего мира свой отпечаток. И если такой шевелюрный Раймонд, во всём предпочитал мини и узость, то Сержио не терпел никакой ограниченности и фонтанировал идеями на грани разумного.

Но сейчас Раймонд, используя свои физические возможности, можно сказать, отодвинул Сержио от принятия решений по этой самой предпочтительной для любого стилиста, нижней части человека (ведь не зря они говорят, что лицо человека, это не его лицо. А что тогда? И не спрашивайте.

Ясно, что ж...). Ну а раз зад занят, то делать нечего, и так и быть, придётся нагонять своё упущение с помощью расчёсок и ножниц.

«И откуда у меня столько волос, если перед каждым выходом из кабинета он стрижёт меня? – очередной раз удивляется Макрон, глядя на то, как Сержио сверкает ножницами перед его носом. – Что-то у него какой уж день физиономия недовольная. Глядишь, так он вместе с волосами ухо отрежет, а может и горло». – Макрон физически ощутив стальную хватку этих ножниц, сглотнул комок напряжения и, посмотрев в сторону смотровой площадки, увидел задумываемых ветром своих посетителей. И Макрон быстро сообразив, что присутствие лишних людей поубавит решимости отрезать ему голову у Сержио, поднимает руку и зовёт обратно в кабинет Детектива и Реконструктора.

Ну а те только этого и ждали, и не успела рука Макрона опуститься вниз, как они уже закрывают за собой стеклянную дверь и предстают перед ним. После чего следует наблюдательная друг за другом пауза, в течение которой только и слышен, что звук стригущих волосы ножниц и вздохов снизу делающего пальпации Раймонда. При этом Детектив и Реконструктор, не позволяя себе лишнего, не моргая, смотрят прямо в лицо Макрона, тогда как он, на правах хозяина и Генерального, позволяет себе прищур и даже почёсывание своего носа, на который, защекотав его, упал отрезанный волос.

– Ну и что скажешь, если я тебя спрошу, а можно ли тебе доверять? – наконец-то и даже уже поспешно задаётся вопросом Макрон, вдруг почувствовав, что хочет непременно чихнуть, из-за каким-то неведанным способом, попавшего ему в нос волоска.

– Это вопрос не по существу. И в данном контексте существует лишь безвопросный ответ. Нужно, доверять. – Тонем не терпящим возражений, с хрипотцой в голосе, о которой ничего не слышал Реконструктор, заявил Детектив, не сводя своего взгляда с Макрона. Отчего даже возникла новая незапланированная пауза, где верные Макрону стилисты, явно впечатлённые некоторой прозвучавшей дерзостью в ответе самому Генеральному, обладающего притягательной силой, трудно с чем сравнить тембрального голоса Детектива, отстранились от выполнения своих обязанностей и Макрона, и изучающе посмотрели на Детектива.

«Он, конечно, неопрятен, дремуч и очень груб, что, в общем, придаёт ему особую привлекательность, но дайте мне его на день и я с помощью своей расчёски, помад и бигуди, сделаю из него няшку», – облизнувшиеся и воспалившиеся Сержио и Раймонд, на этот раз даже переглянулись, найдя полное взаимопонимание насчёт этого brutального типа, которого им уже захотелось постричь и приодеть, и тем самым обратить в свою толерантную веру. Что, не проходит мимо Макрона, нестерпимо относящемуся ко всякому пренебрежению к выполнению своих обязанностей и предпочтению

себе, и он, зайдясь в себе, к полному замешательству последних, со всех сил громко чихает.

Отчего Раймонд, оказавшись на первой линии атаки чиха, который несёт в себе различные, только личные промоклости, получив их во всё своё лицо, как от удара молотом падает на пол, и там сложившись, с выражением ужаса на лице замирает на месте. В свою очередь Сержио, не ожидая таких резких движений от Макрона, испуганно дёргается. Ну а так как в его руках находится опасный предмет – острые ножницы, то и последствия от неосторожного обращения с холодным оружием выходят гораздо более удручающими. Правда, не для Сержио, а для Макрона, чья шевелюра после того как Сержио рефлекторно сжал ножницы над его головой, тут же потеряла приличный кусок себя. О чём Макрон, пока что находится вне ведения, и он, вытерев свой нос о рубашку Сержио, только улыбается, оттого, что так умело, сумел приструнить оступившихся стилистов.

– Что ж. Пожалуй, я тебе поверю. Да и чихается ведь тоже не зря. Это своего рода мой звоночек. Так ведь? – Макрон внимательно посмотрел на Реконструктора, который только улыбался в ответ. А вот упоминание Макроном звоночка, не могло не удивить Детектива, посмотревшего на Реконструктора, который как оказывается, не так уж и далёк от всех этих высоких кабинетов.

– Ладно, у меня на все эти разговоры времени нет. Нужно готовиться к завтрашней презентации нового продукта.

Вот и вызывают срочно на ужин с заинтересованными лицами. – Макрон, подмигнув Реконструктору, всё больше удивляет Детектива. – А это такие серые лица, которым, не смотря на свою природную серость, хочется, хоть на мгновение, а просветлеть. А для этого надо им всё по полочкам разложить и главное, убедить в том, что их вложения, как всегда принесут прибыль.

– Я, как понимаю. – Реконструктор делает паузу, необходимую для того чтобы Макрон пинком под зад выгнал стилистов на смотровую площадку, там подождать, пока ведутся эти разговоры не касающиеся их ушей. Что, очень не нравится обоим стилистам, в особенности шевелюристу Раймонду, чья причёска тут же вступила в неравный бой с извечным своим врагом – ветром, который между прочим, также считал себя стилистом, готовым бесплатно соорудить на вашей голове, не просто выпендрёжную причёску, а в некотором роде сенсацию. И заметьте, совершенно бесплатно. Отчего, наверное, все эти стилисты от бигуди и массажных расчёсок, и бесятся, когда слышат о ветре, этом их конкуренте, который не даёт им заработать на хлеб с икрой.

Правда на этот раз, лысый, как крутое яйцо Сержио, чувствует себя несравненно лучше шевелюристого Раймонда, и даже позволяет себе смешки в его адрес, глядя на все эти безуспешные попытки Раймонда, удержать свои волосы руками. Но и это ещё не всё, и в один из напряженных моментов ветер, уловившись, взял и крепко закрутил руки Рай-

монда его же волосами в узлы. Отчего Раймонд, через свои волосы вдруг почувствовал крепкую привязанность к своей голове, от которой, благодаря использованию им для блеска некоторых смазочных веществ («Неужели это был контрафакт!», – Раймонд даже оглох от осознания этой истины), он, как теперь осознал, не мог оторвать свои руки. Что заставляет крепко привязанного руками к своей голове Раймонда, в поисках помощи и сочувствия, пустив слезу, жалостливо посмотреть на Сержио.

Но Сержио, сволочь такая, определённо ждёт от него слов раскаяния и даже колена преклонённого покаяния Раймонда перед ним. И Сержио, дабы ещё больше накалить обстановку, вытаскивает из кармана пиджака платочек и, не сводя своего взгляда с Раймонда, демонстративно вытирает платком свою, как бильярдный шар лысину. Что приводит Раймонда в бешенство и он, как в своё время барон Мюнхгаузен, схватив себя ещё крепче за волосы, чуть ли не подымает себя над полом и в таком устрашающем виде несётся на застывшего от страха в одном положении Сержио.

После чего происходит жёсткое столкновение этих таких разных позиций, где подбежавший к Сержио Раймонд, набрав в рот соплей, что было не трудно сделать при его насморке, заработанном при стоянии на этом ветру, в один смачный плевок кучно их кладёт на эту притягивающую, что попало лысину Сержио. И, пожалуй, Сержио даже повезло, что он не смог воочию увидеть, какой новый зелёный конти-

нент образовался у него на голове. Чего не скажешь о самом творце новых континентов Раймонде, который, можно сказать, сам пал жертвой этих своих новых экспериментов.

И хотя Сержио в первый момент этого посылка на его голову не смог должно осознать, что это сейчас было, он всё же почувствовал некоторые мокрые изменения на своей голове, что требовало от него каких-то действий, да вот только Сержио замороженный ошеломляющим сознание видом Раймонда, не мог отвести от него своего взгляда. И если вначале лицо Раймонда светилось торжеством, то по мере его вглядывания в Сержио, Раймонда начала охватывать паника и к горлу поступать тошнота. Ну а когда Сержио удивлённо качнул головой, что вызвало движение зелёного континента с высот головы в сторону лица Сержио, то представление о том, чем это может закончиться, окончательно умопомрачило Раймонда, в одно мгновение рухнувшего к ногам Сержио.

И трудно сказать, сколько находился в бессознательном обмороке Раймонд, но он сумел себя почувствовать и открыть глаза лишь в тот момент, когда почувствовал, что кто-то его теребит рукой за плечо. После чего Раймонд открывает свои глаза и, видя перед собой согнувшееся к нему лицо Сержио, со лба которого на него угрожающе нависает то, что ещё недавно было зелёной частью его Раймонда, мгновенно понимает, что лучше бы он их не открывал.

– Ты, в порядке? – только и успевает услышать от Сержио Раймонд, как оторвавшийся от головы Сержио кусок зелё-

ного континента, всё затмевает, и Раймонд, не дождавшись его падения, поспешно падает в глубины себя. Где его вскоре нагоняет и Сержио, увидевший то, что упало с его головы на лицо Раймонда, отчего он также поспешно теряет сознание и уже своей физиономией размазывает всё лежащее на лице Раймонда.

И когда спустя время о них вспомнит Макрон, то он, зайдя на смотровую площадку, и обнаружив такое, почти что уста в уста соединение стилистов, даже немного позавидует им, имеющим, что сказать друг другу, когда как ему даже не с кем поделиться своими мыслями и поговорить по душам. Но пока они таким образом общаются, Макрон продолжает вести разговор с Реконструктором.

– Что, опять мистер Пфайзер и братья Джадной и ещё раз Джадной, проявляют нетерпение и беспокойство. – Продолжив, усмехнулся Реконструктор.

– На этот раз к ним присоединился и гер Байерр. Видимо наша новая разработка, имеет для него жизненно-важное значение. – Макрон кивнув в сторону смотровой площадки, дал понять Реконструктору, что там хоть и не слышат, но кто их знает, может они умеют читать по устам (как вскоре и выяснится – оказывается, очень даже умеют), и поэтому будет лучше закончить разговор.

– Ну, мы тогда оформляемся? – сделав движение в сторону выхода, спросил Реконструктор.

– Да-да, ты всё сам знаешь. Ну, а завтра, не забудь, пре-

зентация в «Хеви-металл-центре». – Поворачиваясь к ним спиной, бросил на прощание фразу Макрон.

– Все кто должен быть, будут. – Ответил Реконструктор и вместе с Детективом направился на выход из кабинета. Где по выходу, к их приятной неожиданности, в приёмной уже никого не наблюдалось, кроме разве что секретаря Мигеля, который казалось, что их ждал. И как только Реконструктор с Детективом вышли, как Мигель уже тут как тут и протягивает Реконструктору папку с бумагами. Что Реконструктором принимается без лишних вопросов и они, больше нигде не задерживаясь, выдвигаются на выход, вначале к лифту, а затем, выйдя на одном из этажей, решают зайти в ближайшую кофейную точку и за чашкой кофе перевести дух. Что ими, недолго думая и ходя, и проделывается, и вот они уже сидят и дуют на кружки, пытаясь остудить напиток.

– Почему на чай, ещё изредка, да дуют, а вот на кофе, я что-то не замечал? – спросил Детектив Реконструктора, видимо и, дуя на кофе, лишь для того чтобы уравнивать этот возникший дисбаланс.

– Наверное, потому, что кофе позиционируется, как более привилегированный напиток, нежели чай. – Высказал предположение Реконструктор.

– Ну, не знаю. Хотя что-то в этом есть. Ведь, наверное, какие-нибудь правила этикета прописывают у себя – не свистеть дома и не дуть от себя и на кофе. Ведь раньше зубных паст не было, а запах изо рта уже присутствовал, так что

сильно дуть из себя все эти запахи, было не вкусно нюхать. Вот и решили вписать в этикет – ни при каких горячих отношениях не дуть от себя. – С глубокомысленным выражением лица Детектив ещё раз дунул на кофе.

– Что ж, вполне возможно. К тому же я думаю, что причисляющая себя к аристократии человеческая прослойка, в обозначении своей избранности считала необходимым придерживаться некоторым определяющим их аристократичность правилам. И их демонстративная размеренная неторопливость, придающая им важности и значительность их титулам, одна из тех характеристик, которую вместе со спесью должен был унаследовать каждый аристократ. Так что дуть на горячий напиток, тем самым выказывая, что он подвержен спешке, – а это ни что иное как плебейство, – им не предстало. – Сделал вывод Реконструктор.

– Теперь я понял, почему они все такие сухие на лицо и в общении. Языки себе пообжигали горячим чаем, вот и не могут без боли смотреть на такой не приветливый мир и заодно выговаривать полновесно слова. А вот если бы дули на горячий чай, то и радовались бы жизни. – Детектив посмотрел на застывшего в своём к нему внимании Реконструктора и, выждав нужный момент, вместе с ним прыснул от смеха. Ну, а отсмеявшись, сделав глоток уже не столь горячего напитка, Детектив спросил Реконструктора:

– Разговор в кабинете Макрона навёл меня на один вопрос. А какое отношение ваша компания имеет к фармако-

логии?

– О здоровье нужно думать всегда. И если забудешь об этом, то оно всегда тебе напомнит, но будет уже поздно. Ну а так как вопрос здоровья касается каждого человека на земле, то было бы даже удивительно, чтобы имеющие для этого все возможности люди, не занялись этим родом бизнеса. – Реконструктор даже удивлён, почему ему приходится объяснять то, что и так ясно.

– Попутный бизнес? – спросил Детектив.

– Я бы сказал, один из многих. Но мы не занимаемся производством. Мы всего лишь занимаемся точечными исследованиями. – Ответил Реконструктор.

– Ну а доктор Виннер тут причём? – двусмысленно спросил Детектив.

– Может быть. – Уклончиво ответил Реконструктор, и скорей всего, чтобы Детектив его не доставал больше, переключил своё внимание на вытасченный телефон, в который он и принялся названивать, и делать серьёзное лицо при разговоре с очередным абонентом.

– Ну, вроде всё. Все оповещены и нам осталось посмотреть на контракт и в случае удовлетворяющего стороны результата, подписать его. – Завершив разговоры по телефону, обратился к Детективу Реконструктор.

– Я, как понимаю, дело осталось за малым, то есть за мной. – Предположил Детектив.

– Выходит так. – Ответил Реконструктор.

– Выходит, что вас всё устраивает во мне? – спросил Детектив.

– Выходит. – Ответил Реконструктор.

– Хорошо. Только вот есть одна заминка. Я что-то не помню того момента, когда я выказал желание работать у вас. – Прищурившись, посмотрел на Реконструктора Детектив.

– Это потому, что мы мало обращаем внимание на свои поступки, которые, по моему мнению, значимее слов. – Пространно ответил Реконструктор.

– Что это значит? – спросил Детектив.

– Лучше ты ответь сам, что значит твой второй приход сюда, если ты не изъявлял желания. – Сказал Реконструктор и, поднявшись на ноги из-за столика, внимательно посмотрел на Детектива, ожидая от него принятия решения, и значит шагов. На что, в общем, много времени не потребовалось и Детектив, решив, что Реконструктор, как оказывается, более внимателен к его поступкам, чем он сам, приходит к выводу, что раз он подсознательно уже согласился, то почему бы не попробовать.

После чего он вслед за Реконструктором поднимается на ноги, и так уж и быть, улыбнувшись в ответ, следует за ним по новым коридорным разветвлениям, лестницам и закоулкам, и всё для того, чтобы попасть в пустое пространство одного из многих, самых обычных кабинетов, где проводятся небольшие по размерам совещания, самых близких друг к другу и начальнику сотрудников. Ну а раз все так близки и

практически, кроме разве что одного начальствующего отщепенца, находятся на одной служебной «зам» лестнице, то здесь, как и в зале заседания стран членов ООН всё демократично обставлено. Так в середине кабинета установлен один большой стол на всех, где вокруг него установлены ничем не отличимые друг от друга стандартные стулья. Ну и кроме всего этого, на одной из стен висит большой телевизор, на который если что, все скучающие на совещании, а их большинство, могут пялиться и поправлять свои причёски.

Что же касается этого отщепенца – начальствующего лица, то он, конечно, захотел выделиться и дабы подчеркнуть своё более высокое положение, ссылаясь на то, что у него геморрой, взялся приносить на все заседания мягкую подушку. Но разве кого-то в этом зале для заседаний, где каждый через один адвокат или юрист, вот так просто, при наличии всего лишь косвенных подушечных доказательств проведёшь. Нет уж, не на тех напали и пока не будут предоставлены более существенные и лучше, прямые доказательства, то лишь тогда все согласятся с тем, что ношение подушки на заседание, не один лишь выпендрёшь, но и насущная необходимость. Вот только, как после всего того, запавшего в душу, столь незабываемого прямого обозрения, смотреть друг другу в глаза, тоже пока не ясно.

Ведь теперь, все перед собой постоянно видят, не лицо своего – «Подальше сядь, паскуда» – сослуживца, а то самое, что раньше видела одна подушка, а теперь, даже закры-

тыми глазами видят, всё видевшие юристы. Это своего рода наказание, как после просмотра видео в фильме «Звонок». Где посмотревший эту жестокую реальность, теперь каждую неделю, вначале первого рабочего дня слышит рвущий его душу на части звонок будильника, истошно озвучивающего ему, что до конца рабочей недели: «Осталось пять дней». Ну а там, на работе, тебя ждут все они, тоже видевшие(!), которых ты уже и видеть без отвращения не можешь, но ничего поделаться нельзя, если здесь так хорошо платят. При этом посмотревший и сам уже не может спокойно сидеть на стуле, подспудно чувствуя, что у него там, возможно, что-то типа чужого вылазит. И не проходит семи дней, как уже всё видевшие(!), приходят на работу не с пустыми руками, а прихватив с собою небольшую подушку, на которой при их ге-моррое хорошо сидеть.

– Давай, присаживайся. – Войдя в этот кабинет для заседаний или же важных переговоров, указав на все стулья разом, сказал Реконструктор. И пока Детектив изучающее смотрит на стулья, Реконструктор, сославшись на необходимость отлучки, оставляет его одного, для того чтобы не оказывать на него мыслимое давление в плане выбора подходящего для себя стула.

Но вот, после множественных прикидок выбор сделан – зачем далеко ходить, и этот, с краю стул пойдёт. И не успевает Детектив занять первый близко стоящий стул, как входная дверь открывается, и кабинет начинает заполняться здо-

ровающимися с порога людьми, которых, впрочем, было не слишком много – один, трое и ещё трое. Где первым был Реконструктор, ну а первая, вслед за ним зашедшая троица, отличалась от второй, как своим, в основном мужским составом (один из них вызывал подозрения насчёт себя, поэтому категорично нельзя было утверждать утверждаемое), так и более свойским поведением, с которым они заняли для себя места у окна. Из чего Детектив, изучающее посмотрев на них, сделал вывод, что, скорей всего, эти типы представляют интересы (правда какие, трудно сказать) компании, да и тем более, сидящий ближе к нему громила с широкой спиной, ещё со столовой, слишком сильно запечатлелся у него в памяти, чтобы можно было о нём забыть.

Спустя минут пять входит и вторая троица, среди которой была даже женщина. И хотя эта троица и выглядела серее, нежели первая троица, но от неё по крайней мере, не разлило каким-то пренебрежением, которое, как не старайся, не скроешь, а когда не стараешься, а как тот громила и сидящий рядом с ним лицо-рыба тип, то говорить не хочется, а только стаканами в них кидаться. И если насчёт громилы Детектив не питал нейтральных чувств, и в принципе всё было понятно, где скорей всего, громила на уровне подсознания чувствовал, что Детектив не испытывает к нему тёплых чувств и значит надо ему соответствовать, то в случае с человеком рыбой, всё было по-другому. Да, просто человек рыба, слишком вжился в роль независимого и мало подкупно-

го адвоката (его подлые услуги были слишком дороги, чтобы он всем был по карману), что он уже никого в упор не видел и всеми пренебрегал, кроме разве что своей домашней ящерицы, с которой у него всегда было полное взаимопонимание, особенно когда человек-рыба, в очередной раз отрывал у неё хвост.

– Ну что, раз все в сборе, то давайте приступим. – Сказал Реконструктор, после того когда все заняли свои места и он обвёл каждого своим взглядом. После чего Реконструктор, стоя с торцевой стороны кабинета, где за его спиной находился большой экран телевизора, обходит сидящую с противоположной от окна вторую троицу и, подойдя к Детективу, уже обращается только к нему. – В общем, их присутствие всего лишь необходимая формальность, когда все контракты строго регламентированы и сертифицированы, и получаются в два клика. – Сказав, Реконструктор наводит на тёмный экран монитора прихваченный с собою пульт. После чего монитор освещается светом и на экране высвечивается большая рамка с перечнем запрашиваемых госуслуг. Затем ведомая пультом стрелка обозначает требуемое, после чего следует переход в следующее окно, затем следует новый выбор, и перед глазами присутствующих, на экране высвечивается список имеющих сертифицированное право использоваться контрактов.

Реконструктор выбирает подходящий для данных условий контракт и, нажав на выбранный, начинает ждать, когда сто-

ящий снизу от экрана принтер распечатает договор. На что, опять же не тратится слишком много времени и уже через пять минут на стол перед Детективом ложится контракт.

– Приход к одной общей форме, даёт массу преимуществ, не так ли? – Реконструктор почему-то с этим полу вопросом обратился к человеку-рыбе. На что человек-рыба, вначале и не понял, что обращаются именно к нему, а затем, уловив на себе общие взгляды, решил-таки ответить.

– Может и так, но не надо забывать, что в любом вопросе всегда существует две стороны – агента и контрагента. И если для не обладающих юридическими знаниями людей, применение одностипных договоров, несомненно плюс, – им теперь не грозит неверное истолкование того, что они подписывают (о них уже позаботилось государство) и при этом они даже экономят на услугах юристов, – то куда податься юристам, для которых рынок труда с каждым годом всё более сужается. Да и вообще, здесь всего лишь произошло простое перераспределение занятости, а экономии я здесь не вижу. – С горечью в голосе заявил юрист человек-рыба, который до сих пор находился в непонимании того, как юридическое лобби пропустило этот ущемляющий права юристов закон.

– А кто все эти люди? – неожиданно для всех задался вопросом Детектив, который вместо того чтобы увлечься читкой контракта, увлёкся тем, что говорит человек-рыба. И хотя так громко при присутствующих о них спрашивать не

просто неприлично, а даже в некотором роде провокационно для всех, никто не стал указывать Детективу на его неприемлемое в приличных кругах поведение. Правда, возможно, что и сами эти круги были не столь приличными или же всеми двигало нечто, очень связанное с любопытством, но так или иначе, никто не стал возникать, а все ожидающе посмотрели на Реконструктора, которому и держать ответ. Ну а Реконструктор, раз не сумел сразу отговориться, то вынужден отвечать.

– Те, что справа, это представители государственных органов, чьё присутствие при подписании контракта свидетельствует и регистрирует его законность. Так что после твоей подписи, останется лишь отправить договор в регистрационную палату (что поделать, такие нынче подконтрольные налогам времена). – Проговорил Реконструктор, смотря в сторону этой серой тройцы. «Так вот почему у них такие усталые лица, – подумал Детектив. – А разве одного было бы не достаточно? Хотя, наверное, у них кроме этого, есть и другие обязанности, или они... – Охнул про себя от догадки Детектив, – голограммы». – Ну а окна занимают свои места, уже наши юридические лица. – Бросив взгляд в сторону окна, сказал Реконструктор.

– Ну, судя по их рожам, то они ближе к физическим лицам. – Не выдержав вида напряжения на лицах этих юрлиц, своим на грани заявлением, Детектив поставил всех в умственный тупик. И хотя никто из юрлиц вряд ли мог бы оспо-

ритель тот факт, что они не физические лица, всё-таки их первоначальное состояние, так сказать исходность, предполагала это физическое состояние, всё же в этом заявлении Детектива что-то определённо их цепляло и заставляло до глубины своего юридического лица возмутиться.

Что, наверное, объясняется тем, что они уже переступили ту первоначальную стадию эволюционного развития, утверждающего, что именно человек красит место, и находились на той должностной ступеньке, которая как раз и определяла его место, как человека. В общем, не трудно догадаться о том, что было уже написано на их юрлицах – они не намерены терпеть таких юридических неточностей в свой адрес от лица, который даже не юрист. И громила (новый вид юрлиц, однозначно, нотариус), закипев, уже было хотел, ударив кулаком по столу, высказать, что он обо всём этом деле думает, да только грозно зыркнувший на него Реконструктор, видимо, имеющий на него особое влияние, усадил его обратно.

Но Детектив остался вне ведения всего этого и всех этих страстей, которые бушевали в головах юрлиц, после этого его дерзкого заявления в их адрес а, углубившись, больше, конечно, в перелистывание контракта, на время отвлекся от окружающего. Которое, удерживаясь взглядом Реконструктора, тоже внешне утихомирилось и принялось выжидать то время, когда Детектив с сожалением вспомнит об этих своих словах. Пока же это сложное для Детектива время не наступило, он, поверхностно изучив контракт, переворачивает

последнюю страницу и с помощью вздоха, показывает, что он, в общем, ознакомился.

– Ну что, вопросы есть? – для проформы спросил Детектива Реконструктор.

– Ну а где основная часть контракта – его дополнительная часть, где уже детально прописаны особые условия? – спросил Детектив, ещё помнящий времена договоров с уточнениями, написанными мелким шрифтом.

– Один момент. – Живо ответил Реконструктор, доставая телефон. Но он не успевает воспользоваться телефон, так как в дверь заходит тот человек, которого, скорее всего, через телефонный вызов и хотел оповестить Реконструктор. Что и становится понятным по виду Реконструктора, который увидев вошедшего или вернее вошедшую, агакнул: «А вот и она», – и для того чтобы забыть о своём телефоне, убирает его в карман пиджака.

И хотя Детектив сидел спиной к входной двери и зрительно не мог увидеть вошедшего человека, всё же дуновение ветра, вызванное открытием двери, донёсло до него тот самый аромат, который, как оказывается, очень памятно запечатлелся в его сердце, что и дало свою подсказку насчёт личности вошедшего. Отчего Детектив замер на месте и, стараясь не шелохнуться, весь обратился во внимание и слух.

– Вы как раз вовремя. – Обратился к вошедшей Миле (а кто же ещё) Реконструктор, тут же выдвинувшись к ней навстречу. «Не слишком ли много он проявляет инициатив? –

Детектив, ревниво посмотрев на устремившегося встречать Милу Реконструктора, не мог не задаться этим актуальным вопросом. – Правда, она этого заслуживает, да и может Реконструктор, всего лишь только вежливый человек», – Детектив решил немного позаблуждаться насчёт Реконструктора, за кем он ничего из утверждаемого собой не замечал. После же того как Реконструктор скрылся из зоны видимости Детектива, то Детектив, из-за каких-то надуманных причин, не смея повернуться и посмотреть, что там делается за спиной, начал прислушиваться и закипать от того, что ничего не мог понять, что там сейчас происходило.

«Они, что там делают? Неужели, целуются?», – Детектив аж побледнел и осел на стуле от всех этих своих представлений (на которые способны лишь сомневающиеся). Где ему представилось, почти в упор лицо Реконструктора, который однозначно специально, чтобы он видел его, демонстративно чмокнул губами и, распустив их, как бутон цветка, выкатил вперёд, в сторону стоящей рядом с ним, однозначно им загипнотизированной Милы, заморожено ожидающей, когда Реконструктор приступит к своим, глаза бы не видели (смотри!), звучным пригублениям.

– Сейчас так пригублю, что своих не узнаешь. – Схватил за плечи Милу, глазами полными ярости и желания, Реконструктор мысленно озвучивает свои планы по поглощению Милы в себя. А Мила, как беззащитная тростиночка, скованная приворотным заклятием и опоенная пьянящими взгля-

дами Реконструктора, ничего не может поделать, как только трепетать и ждать своей незавидной и глаза бы не смотрели, что за участи.

Ну а дальше, как видит Детектив на основе доносящихся до его слуха звуковых шумов, где ему отчётливо слышится звук переворачиваемой бумаги, Реконструктор, явно решив преступить все рамки приличий, захотел, разложив на полу бумагу, приготовить для себя площадку для претворения в жизнь своих извращённых планов. И как слышит Детектив, чей слух теперь позволял ему услышать самые тишайшие движения, затаённые желания и даже колебания воздуха, то кто-то даже уже облизывается, предвкушая всё это. Отчего его руки сжимаются в кулаки, и он уже готов развернуться и познакомиться с ними Реконструктора, как вдруг натывается на плотоядный взгляд громилы, обращённого на Милу, который, как оказывается и был тем источником пуска слюней и сладострастья.

«Ах ты, гад!», – потряс всего себя изнутри Детектив, гневно посмотрев на этого громилу. Что замечается громилой и он, уловив этот посыл Детектива и то, с чем он был связан, мерзко улыбается в ответ, и для того чтобы подразнить Детектива, одними губами посылает Миле воздушный поцелуй. Ну а воздушный поцелуй такая субстанция, которую пустить легко, а вот перехватить практически невозможно, если, конечно, не вызовется доброволец и своим телом не прикроет того, на чью лицевую личность так дерзко покуси-

лись. И, конечно, Детектив готов был пожертвовать собой ради Милы, на чьё лицо покусился этот сластолюбец, но его сидящее положение не давало ему возможности успеть перекрыть атаку этого воздушного поцелуя, чей полёт Детектив по расслоениям воздуха мог в режиме он-лайн наблюдать.

И вот воздушный поцелуй, а, по мнению Детектива, плевков, рассекая воздушное пространство над столом, можно сказать, уже пересёк разделяющий громилу и Милу стол, и готов достичь своей цели – даже не щёк, а уст Милы, отчего громила уже готов радостно облизаться, а Детектив впасть в отчаяние, как к их обоюдной неожиданности, в ситуацию поспешно вмешивается Реконструктор. И хотя Реконструктор действовал без оглядки на это противостояние Детектива и громилы, всё же за этот его жертвенный поступок, Детектив, забыв обо всём, не может не быть благодарным ему.

А получилось так, что когда уже пересекший границу стола воздушный поцелуй, можно сказать, вышел на финишную прямую, где ему оставалось всего ничего до совершенно неподозревающей Милы, которая находилась в такой немыслимой для своего лица опасности, узнай о которой, она одними покрасневшими щеками не отделалась бы, то в этом момент, очень неожиданно и вдруг, между ними влезает решивший направиться к Детективу Реконструктор, который и разбивает о себя все коварные планы громилы.

– Да что ж такое! – хлопнув себя по щеке, громко возмущается Реконструктор, приняв шлепок этого воздушно-

го поцелуя об его щёку за укус неведомого насекомого. Что вызывает совсем различные чувства у Детектива и громилы, взвизгивающие на итог этого воздушного послания громилы. Где Детектив внутренне покатывается от смеха, а громила, насупив брови, до боли кусает свои губы. И Детектив, воодушевлённый исходом этого противостояния, для того чтобы закрепить свой успех (это была официальная версия), берёт и оборачивается назад, чтобы убедиться в том, что он насчёт Реконструктора лишнего нафантазировал и главное, посмотреть на Милу (а вот это было истинной подоплёкой его поступка).

И, конечно, повернувшийся Детектив натывается на играющий световыми огоньками Милин взгляд, который и вызывает глупую улыбку на лице забывшего обо всём Детектива, чья шея, застыв в переходном и не очень удобном положении, постепенно принялась затекать. И хотя эта парочка ни слова не говорит, а всего лишь не упускает друг дружку из вида, всё это красноречиво о многом и главное, о том самом, недостижимом многими говорит, и вслед, начинает притягивать к себе всеобщее внимание и значит взгляды.

Ну и как всегда бывает, то, кто ближе всех находился к происходящему, то тот и оказался тем, кто последним и заметил, что происходит перед его носом. Ну и естественно, что им оказался Реконструктор, который, положив на стол перед Детективом принесённое Милой дополнение к основному договору, вдруг замечает, что на договор не только ни-

кто не смотрит, а все вокруг сидящие, вообще, в другую сторону смотрят. «Что это значит? – сразу возмущившись про себя, Реконструктор, чья щека, отчего-то раскалилась докрасна, что тоже не может смирить его с действительностью, выпрямляется и переводит свой взгляд на Детектива, а затем туда, куда он смотрит. – Ах, вот оно что всё это значит!», – не удержавшись от улыбки, с долей ревностных ноток во внутреннем голосе, всё-таки обрадовался за Детектива не обрадовавшийся за себя Реконструктор.

«Да так он себе шею свернёт», – всё-таки позавидовав, Реконструктор решил придрасться к Детективу и озвучил эту свою мысль:

– Смотри, шею не сверни. – Похлопав Детектива по плечу, Реконструктор вернул того в действительность, и Детектив, расплывшись в ещё более глупой улыбке, взявшись за шею, которая и вправду вновь разболелась, вернулся обратно к столу. Где на столе его ждало приложение к основному договору, который он уже решил подписать не раздумывая.

И если громила теперь возненавидел его за то, что ему им предпочли, так и за то, что он оказался тем счастливымчиком, который своим появлением перечеркнул ему уже во всех деталях распланированные на будущее планы на жизнь (а теперь что, демонтировать все свои планы. Нет уж, не на того напал), то сидящие рядом с ним – человек-рыба и человек-немота-эконом (из него лишнего слова не вытянешь), как плоть от плоти люди-должность, возненавидели Детек-

тива за то, что он им облил кровью сердца, дав вспомнить, что у них были и другие, кроме ненависти чувства.

Но Детектива не волнуют все эти волнения, которые изрыли собой лица юриц и он, дабы по быстрее стать поближе к Миле, начинает ускорено знакомиться с текстом дополнительного соглашения. Ну а пока Детектив знакомится с прописанными положениями, присевший на соседний стул Реконструктор, предваряя вопросы Детектива, начинает разъяснять ему, что, возможно, вызовет у него непонимание. Но Детектив его не слушает и, быстро прочитав, отодвигает от себя соглашение и переводит свой взгляд на Реконструктора, который в свою очередь, кажется, ничего не видит кроме своих мыслей, которые он должен сформулировать и высказать.

– А теперь, главное. Работать у нас будешь, так сказать, вахтовым методом. Мы его ещё называем лечебным курсом. И это не наша прихоть, а необходимость, где в целях безопасности, и для предотвращения утечек и прямого шпионажа, занятые над проектом люди, на время разработки продукта (этот период у нас в среднем длится три месяца), поселяются в специальном вахтовом городке (который не просто городок, а целый город в городе). Где можешь не беспокоиться, есть всё для души и тела. Почему, именно на три месяца? Ну, мы рассчитали, что средний период, за который основные наработки воплощаются в жизнь, примерно соответствует этому сроку. Ну а если немного подзадержитесь, то

ничего, подождём. – Ухмыльнулся Реконструктор и, обнаружив внимательно обращённое к себе лицо Детектива, принялся соображать, что бы это значило. Но вроде бы ему ничего не припомнилось, и Реконструктор решил подытожить сказанное.

– Ну, а как только новый продукт будет готов и запатентован, то вы, перестав вызывать интерес у конкурентов, получите высокооплачиваемый отдых. Ну, вроде бы всё. – Сказал Реконструктор.

– Я всё понял. И что теперь? – спросил его Детектив.

– Пойти домой. Всё хорошенько обдумать и завтра с утра, на подписание. – Сказал Реконструктор.

– А тогда, зачем? – кивнув в сторону переливающихся в свете ламп представителей госслужб лиц, что указывало на их искусственное происхождение, спросил Детектив.

– Такие правила. На руки мы не можем выдать составляющие тайну документы и поэтому вынуждены ознакамливать с ними претендентов на вакансию под присмотром контролирующих служб. – Ответил Реконструктор. – Ну и время на обдумывание тоже регламентировано. Так что, давай, отдыхай, а то, если надумаешь завтра подписать, то его уже не будет столько, как сегодня. – После чего Реконструктор поднимается с места, где вслед за ним поднимаются и все присутствующие. И если основную часть волнует, как поскорее покинуть кабинет, то Детектива, до удивления интересуется, а куда так незаметно исчезла эта вечно убегающая от него

Мила.

– Ладно, завтра всё узнаю. – Выходя из здания компании, успокаивает себя Детектив. После чего, посмотрев по сторонам, обнаруживает стоящий у остановки служебного транспорта тот самый, голубого цвета микроавтобус, о чьём предназначении и обязанностях перед ним, ему на дорогу и водителю микроавтобуса по телефону сказал Реконструктор. Ну а раз всё так сошлось по времени, месту и его желанию ехать домой, то Детектив, подойдя к водителю и, сказав ему, что это он тот самый, получает доступ в салон автобуса. После чего водитель настраивает себя с помощью поиска нужной волны на радио и как только она, заскрежетав гитарными рифмами, сокрушительно для ушей Детектива (хорошо ещё что не шансон) найдена, то автобус трогается в путь.

– Интересно. А сегодня меня кто-нибудь будет сопровождать до дома? – прижавшись щекой к окну, поглядывая на впереди маячащее боковое зеркало автобуса, задался вопросом Детектив. И, конечно, стоит только спросить неизвестность, то она тут же даёт свой положительный ответ, в виде выглянувшей из-за второстепенной дороги, уже виденной им машины семейного типа с длинным задом.

– И что вам всё это даёт в практическом плане? – спросил зеркало Детектив и, не получив ответа даже от самого себя, а от того кто был за рулём той автомашины и подавно, решив ассиметрично ответить, взял, прикрыл глаза и задремал.

Глава 6.

Встреча встрече рознь и провокация.

– Вам придётся немного подождать. – Сообщил предъ-
явившему свой паспорт Детективу, человеческого вида, в ко-
стюмной амуниции охранник на входе в здание компании.

– А что случилось? – спросил, не выказывающий радость
от задержки Детектив.

– Так у людей бывает. Скорей всего, забыли выписать вам
пропуск. – Для того чтобы сгладить возникшую заминку,
улыбнулся этот не вызывающий отторжения охранник. Что,
в общем-то, понравилось Детективу, отдающему предпочте-
ние вежливому обхождению, а не прямому тыканью, со сво-
им грозным предупреждением: «А много будешь знать, пря-
мо здесь и состаришься». После чего охранник, уткнувшись
носом в твою щёку, для начала, в предупредительных целях,
прямо в нос обдаст тебя сногшибательным запахом чесно-
ка, а если тебе и этого будет не достаточно или тебе не по-
нравится, то можно и шокер под ребро.

Но это всё уже в прошлом, и сейчас охранники, не смотря
на свои угрожающие формы и виды (каждый труд, не толь-
ко облагораживает, но и привносит свои специфические от-
печатки в личность труженика. Правда, в данном случае на-
прашивается вопрос: А что было раньше, яйцо или курица?)
сама вежливость, ведь когда к ним хорошо относятся, то и
им нет смысла грубить вам, наступать на ноги и даже дышать
чесноком в лицо.

– Что там с пропусками? – повернувшись назад и, посмот-

рев в глубину пропускного пункта, где за мониторами помещались ведущие наблюдение охранники, спросил своего жующего жвачку мордатого напарника, с человеческим лицом охранник. На что тот, вначале удивлённо хмыкнул и лишь после этого ответил:

– А ты что, разве первый день работаешь, и не знаешь, что все сейчас на совещании. – Что, конечно, звучит несколько грубо, что, видимо, и заставляет задуматься над этим не такого грубого, а скорее вежливого охранника, который в своих словах не нашёл и намёка на грубость. А это, знаете ли, требует объяснений, и вежливый охранник даже на одно мгновение дёрнулся и угрожающе схватился за шокер, но затем, обратив своё внимание на первую неприкрытую часть (он вначале уловил общий посыл) заявленного мордатым напарником, отвлёкся от шокера и принялся считать, сколько дней он здесь работает. А эта такая работа, что если ты не первый день работаешь, то требует от считающего большой усидчивости, терпения и главное спичек. Спросите, почему? А потому, что всему своё время и ответ на него будет позже.

Так вот, если поначалу своего счёта ты можешь задействовать свои пальцы на руке, которых, что за закон подлости, вечно не хватает, то вслед идут пальцы ног, которые не в пример пальцам рук, сложно загигать, когда твои ноги находятся в узком пространстве туфель. Но, ничего, и с этим можно справиться, но дело в том, что и их всегда не хватает для того чтобы закрепить в цифре то количество уже отработанных

охранником дней.

– Что же делать дальше и что ещё привлечь, для того чтобы было можно продолжить свой счёт? – в своё время перед каждым считающим охранником встаёт этот жизненно важный вопрос. После чего он обводит своим взглядом окружающее, пытаясь отыскать то, что по своим параметрам могло бы подойти для продолжения счёта, но, как и ожидалось, ничего подходящего, так и не находится. Но охранник на этом не успокаивается и, заметив курящего в неподобающем месте курильщика, он на этот раз не делает свирепое лицо и не перепрыгивает через турникет, чтобы поймать того на месте преступления, ткнуть его носом и лбом в свою дымящуюся привычку, а вспомнив, что существуют спички, которые отлично подойдут для счёта, начинает рыться в карманах.

Но тут он к своему ужасу вспоминает, что давно отказался от спичек и жжёт сигареты с помощью зажигалки. Что, в общем-то, только на мгновение деморализует его, и охранник тут же вспоминает того курильщика, и само собой, хочет наверстать упущенное и поймать этого заядлого курильщика. Но того и след простыл, что ещё больше огорчает охранника, который теперь и не ответит на мучающий его вопрос, а чем прикуривал тот сигарету – зажигалкой или спичками.

«Ему будет лучше, если зажигалкой, а иначе я его найду и заставлю сожрать все его спички», – чуть ли темнеет в лице охранник, чей смысл жизни на ближайшее время определён – отыскать того курильщика и заставить его сожрать все

спички. Но что же ему делать сейчас, под этим изучающим взглядом своего напарника, чья мордатая рожа, хоть и мало-выразительна, но засветившийся огонёк в его глазах, очень даже читаем и говорит о том, что он догадывается о том, в каком тот оказался затруднении, и только ждёт момента, чтобы посмеяться над ним.

«Да ни за что на свете. – Возмущённо надувает щёки вежливый охранник. – Да я лучше оставлю свою форменную одежду и вольюсь в ряды этой безликой массы трудящихся, которая находится по ту сторону турникета. – У вежливого охранника даже голова пошла кругом от таких своих предположений, которые между тем наводят его на мысль. – И точно. Вон их сколько. – Вежливый охранник посмотрел на проходящих через турникет людей уже другими глазами, в которых, если посмотреть на них со стороны, то можно было увидеть отражение его мыслей – спички. – Буду их считать», – полный решимости, принялся за свой счёт проходящих через турникет людей вежливый охранник, который за этим делом с трудом и дотягивает до обеда.

Где он уже и, забыв, для чего ведётся весь этот счёт (наверное, сверху поступила инструкция, проверить работу пропускных карточек), чуть ли уже не взмокший, бросает это дело и, вытащив из сумки бутерброд, принимается за него. Но его мордатого напарника не проведёшь, и он видит, что у вежливого охранника аппетита совсем нет, и причиной всему этому, конечно же служит то, что он скорей всего

сбился со счёту и, со зла расплевавшись, теперь не имеет достаточного количества слюны, чтобы смазать бутерброд, который ему и приходится есть всухомятку. И мордатый напарник, в общем-то, не всегда безобидный тип, а сейчас он, пожалуй, такой, решает приободрить вежливого охранника и говорит ему:

– И я тоже сбивался. Да и кто не сбивался со счёту. – Мордатый напарник глубокомысленно посмотрел в глубину своего термоса. – Но что интересно, так это то, что все мы, независимо от стажа работы, приходили к одному и тому же результату. Из чего вытекал свой единственный вывод. – Сделал интригующую паузу мордатый охранник, для того чтобы подогреть интерес у вежливого охранника, который в свою очередь распалится нетерпением и немного поднимет температуру в помещении, где сегодня слегка прохладно; а он подзамёрз (мордатый охранник, как оказывается, не столь туп и, обладая знаниями физических законов, старается из всего извлекать пользу).

– Ну. Не тяни душу. – Взгляд нетерпимости вежливого охранника, обращённый на мордатого напарника, сам за себя говорил.

– Счёт лучше всего вести тогда, когда ты всё-таки первый день работаешь. – Ответ мордатого напарника, своей простотой и логичностью поражает вежливого охранника, удивившемуся тому, как это он сразу не догадался об этом.

Но всё это случилось, если не вчера, то в один из прошлых

дней, а не как можно было подумать – сейчас. И вежливый охранник, как уже опытный и прошедший этот тест на профпригодность охранник, не стал сбиваться на счёт и утвердительно поддакнул своему напарнику:

– Да, придётся подождать.

– И как долго, не скажите? – а вот сейчас Детектив, вопрошая, определённо нарывался. Ведь разве ему неизвестно, что о таких вещах у начальства, не то что не спрашивают, а даже и сметь думать об этом, увольнению подобно. И получается, что этот Детектив, их охранников провоцирует на поступок, который грозит им потерей работы. В одно мгновение поняв провокационность слов Детектива, вежливый охранник на автомате сжал челюсть и вновь схватился за шокер. Но на этот раз обстановку разрядил мордатый напарник, который с утра забыл почистить зубы и чувствовал большую потребность поговорить, и тем самым нормализовать внутри ротовой баланс.

– Сегодня, пожалуй, придётся. – Многозначительно сказал мордатый напарник, привлекая внимание вежливого охранника, который любя различные тайны и секреты, всегда интриговался, когда слышал намёк на что-то подобное.

– А почему именно сегодня? – спросил вежливый охранник.

– Потому, что вчера Генеральный приехал вечером злой, как чёрт. – Загадочный ответ мордатога охранника, в котором таилось столько скрытного и таинственного, не оставил

никого из слышавших его равнодушным, заставив Детектива и вежливого охранника погрузиться в размышления, в поиске логической, а возможно и совсем не такой связи между этим «сегодня» и упомянутым напарником «вчера».

И если вежливый охранник в своих размышлениях прибегнул к прямым сопоставлениям этих временностей – «вчера» и «сегодня», то Детектив, используя современные технологии, пошёл дальше и в своём воображении применив 3D модель, заглянул в кабинет Макрона, где рассадив и расставив всех созванных по своим местам, можно было проследить за всем тем, что там сейчас, как логическое продолжение вчера происходило.

А тем временем в кабинете Макрона, вышагивая от одной стены к другой, выходил из себя, злой как чёрт, сам Макрон. О чём говорила бросающаяся в глаза небрежность его костюма, где с вызовом всем канонам моды, на всех дерзко смотрела расстёгнутая застёжка (и где эти чёртовы стилисты?), с другой стороны от которой, на оттянутой вниз нитке висела пуговица, всего вероятней оказавшаяся в таком положении, когда задыхающийся от нехватки кислорода Макрон, в нервном возбуждении попытался её расстегнуть. Что ему и удалось достигнуть, но при этом не обошлось без жертв, которая сейчас повиснув на нитке и мозолила глаза прибывшим на совещание к Макрону, самым из самых влиятельных и занимающих ключевые посты в компании людям; больше конечно влияющих, нежели несущих ответственность за раз-

работку и принятие решений.

Да и само их влияние тоже разлилось и во многом зависело от занимаемого влиятельным человеком места в существующей иерархии компании, который уже и не был человеком в полном значении этого слова, а скорее выполнял роль функции или другими словами, был одной из тех пружин, которые и проворачивали механизм работы системы, которая была тем скелетом, на котором строилась работа и жизнь любой и этой компании. Ну а от жёсткости этой пружины – влиятельного человека, и зависело, как всё там провернётся. Где опять же, его жёсткость, определялась тем весом, какой имел в компании влиятельный человек, что опять же, имело обратную связь, где жёсткость определяла вес и степень его влияния; правда не всегда.

Ну и само собой, от жёсткости пружины зависел и взгляд на те или иные вещи влиятельного человека, который по-разному влиял и оказывал давление на принятие решений. И если одни, уже заржавевшие в своей старой оболочке, тупо давили своим немигающим взглядом, вынуждая Генерального сомневаться в себе и даже терять уверенность в руках, то другие, чьи пружины были хоть и более мягче, всё же были гораздо изобретательнее в своих подходах. И они, пытались сбить с толку этих закостеневших в ржавчине консерваторов, прикидывались спящими, и своим храпом вносили диссонанс и создавали неловкие паузы, когда эти консерваторы были вынуждены сами делать эти паузы между своими

вносимыми предложениями.

Ну а услышав во время словесной паузы такой храповой ответ, консерваторы терялись и, конечно же сразу принимались за новые слова в попытке заговорить весь этот храп. Ну а что из спешки выходит, когда не зная о чём говоришь, а говоришь, скорее всего лишь для того чтобы заглушить этот посторонний звук – храп – всем хорошо известно. Так что старые пружины постепенно теряли свой вес и этот ограниченный избранностью круг собирающихся в кабинете Генерального, всё больше обновлялся. И, пожалуй, и сам Макрон оказался среди первых избранных, лишь по той причине, что старый скрип ржавых пружин захрапела новая пружинная поросль.

Но всё это сейчас отошло на второй план, когда сейчас на первом плане, всю бесновался Макрон, который при последовательном наблюдении за ним, на которое подвиг присутствующих влиятельных людей сам Макрон, начал выкапывать многое из того, чего за ним не замечали все эти функции и пружины.

– Да он оказывается, прыток. – Сделал вывод один массивного вида директор, заметив, как быстро Макрон перемещается из одной части кабинета в другую. – Интересно, а зачем он делает такие круги, туда и обратно. Неужели, уже готовится... – Массивного вида директор, вдруг увидел мир в клеточку и даже вспотел от такого своего предположения.

– Какой-то он суетливый, мелкий и не симпатичный. –

Постукивая отточенными ногтями по гладкой поверхности ручки стула, посмотрела на Макрона, для вида отвечающая за связи с общественностью, а по сути служащая мостиком для связи с серыми кардиналами, леди Хлоя или по внутренней сарафанной терминологии – леди Сволочь. – Надо было свет включать, когда проводишь собеседование. – Покачала своей довольно красивой головкой леди Сволочь, чьим ушам стало красно за такую оплошность своей хозяйки.

– Что-то он слишком неустойчив и неуравновешен. – Не удержался и мистер Костин, и начал фрондировать, с сомнением поглядывая на Макрона. – С таким подходом к делам он долго не протянет в Генеральных. – Подумал мистер Костин и тут же осёкся, заметив на себе внимательный взгляд, сбоку от него сидящего Реконструктора. – Неужели, он услышал? – тут же запотел в глазах мистер Костин, испугавшись, что его крамольные мысли смог угадать или прочитать этот сующий везде свой нос Реконструктор.

– А он не будет молчать и постарается подставить. – Налившись гневом, мистер Костин зло посмотрел на Реконструктора, который в ответ даже не отводит испуганного взгляда, а наоборот, делает нравоучительный вид и начинает покачивать головой, как бы говоря: «Ай-яй-яй, нехорошо, так думать о высоком начальстве». Что заставляет мистера Костина принять вид ничего не понимающего дурачка и попытаться всем своим видом убедить Реконструктора в обратном.

– Да ничего я такого не думал и даже позволить посметь такого себе не мог. – Своей дурацкой улыбкой мистер Костин пытается доказать Реконструктору, что тот не правильно интерпретировал его взгляды на Макрона.

– Говори кому другому, а я всё видел и не смогу промолчать, и скажу. – Реконструктор, сдвинув свои брови, не даёт никакого шанса мистеру Костину увильнуть от ответственности за свои смелые мысли, в которых он посмел, без санкции серого начальства, принимать решения.

– Я никогда не доверял этим макаронникам. – Сурово кашлянув в сторону Макрона, выказал свою колумбийскую позицию, глава южноамериканского отделения компании, синьор Гонсалес, приехавший сюда, как и другие главы отделений, на презентацию нового продукта компании.

– Он не макаронник. – Покрутив пальцами у своего носа с горбинкой, попытался возразить синьору Гонсалесу, другой глава, уже Европейского отделения компании, сеньор Капти. Который, будучи любителем этих самых макарон и к тому же будучи родом с Сицилии, не мог не возмутиться такому обобщению и припискам со стороны сеньора Гонсалеса, который в каждом втором видел макаронника. И сеньору Капти до кончиков своих тоненьких усов и крепкого сжатия рукой, висевшего у него под костюмом, на плечевой кобуре, ствола пистолета, стало обидно и холодно оттого, что он дал себе зарок и обещание: «Мамой клянусь!», – и теперь вынужден держать в руках себя, а не пистолет, и быть более

терпимым к сеньорам и сеньоритам.

И если с последними, скорей всего, из-за симпатичности сеньор, Капти более-менее справлялся без помощи своей любимой «Беретты», то с сеньорами дело обстояло несколько иначе. Ведь все эти сеньоры, с которыми имел дела сеньор Капти, в большинстве своём тоже носили под пиджаком у себя пистолеты, и тут, как говорится, времени на раздумье не было и приходилось бездумно выбирать свою собственную жизнь. А что мог поделать сеньор Капти, если для него его жизнь была куда знакомей и значит ближе, нежели жизнь того же сеньора Гонсалеса, которого он, хоть и знал уже как двадцать минут, но разве этого достаточно для того, чтобы предпочесть его жизнь своей.

– А какая разница. Да и вообще, мне плевать, будь то макаронник или рисоед, все они одним миром мазаны. – Через свою ярко выраженную усмешку, сеньор Гонсалес всё больше провоцирует на действия сеньора Капти, которому уже невыносимо видеть все эти выпады сеньора Гонсалеса в его сторону. И, наверное, ещё одно лицевое движение этого Гонсалеса и сеньор Капти не выдержит, и никого не предупреждая, подскочит с места и прямо в фарфоровые зубы Гонсалеса, всю до последнего патрона разрядит обойму пистолета. После чего, под перекрёстным огнём удивлённых соседствующих лиц глав отделов и секторов, а также других влиятельных лиц, которые уже заинтригованы тем, кто же теперь займёт освободившуюся вакансию главы южноамери-

канского отделения компании, Капти демонстративно подует на раскалённый ствол пистолета и всем своим видом покажет, что не стоит его благодарить за так необходимую чистку их рядов.

Но всего этого на этот раз не случилось, а всё потому, что услышавший упоминание сеньором Гонсалесом рисо-едов, глава восточного отделения – самурай Так-чеши Кидало, тут же замечает волнение на лице Капти, после чего он в один момент, с помощью ослабления напряжения мышц своей груди, вкладывает меч в ножны у своего наколотого на груди, тоже самурая, Ямакаси (всё логично и самурай на своей груди накалывает только самураев, ну и в минуты помутнения сознания, прежде чем помочь сделать кому-нибудь харакири и гейш), присаживается рядом с Капти, и тем самым отвлекает того от своего необдуманного поступка.

– У каждого, и даже у него, свой Дао. И не стоит спешкой сбивать себя с истинного пути. – Тихо проговорил Так-чеши Кидало и, выдвинув вперёд сжатую в кулак левую руку, на поверхности фаланг каждого из пальцев которой, были выколоты неясные изображения маленьких человечков, завладел вниманием Капти.

– Куда бы ты ни шёл и как бы ты не бежал, твой путь определён и тебе лишь только нужно одно – принять его. – Проговорил Так-чеши, и на глазах Капти, завораживающе для него, начал по нарастающей двигать пальцами своей руки. Так-чеши начал с малого – с мизинца, который сейчас

приподнялся чуть вверх, и находящийся сбоку Капти теперь увидел, как наколотый на мизинце маленький человечек, приготовился к прыжку. Вслед за этим приподымается безмянный палец и Капти видит, что маленький человечек, каким-то неведомым способом уже перебрался на этот палец. Дальше настаёт очередь следующего пальца, где происходит та же метаморфоза, и так до тех пор пока не настаёт очередь большого пальца, с которого маленький человек уже скатывается вниз, в глубину руки. И пока Капти находится в размышлении насчёт судьбы маленького человека, он к полной неожиданности для Капти, вновь оказывается на мизинце, откуда он снова начинает свой новый путь.

Пока же сидящие, таким образом развлекали себя и слушали ничего не говорящего Макрона, что и двало возможность им так развлекаться, а иначе бы они, конечно, не посмели, так что всё устойчиво и логично, то Макрон, сделав очередной круг – от двери, ведущей на смотровую площадку, к противоположной стене, где висел оригинал картины Мунка «Крик» (у них в галерее ещё три есть), тут и остановился, уставившись на эту явно с определённой целью повешенную, что за страсть картину. И, конечно, Макрон, ещё не дошёл до крайней точки и даже до пивной, чтобы вешать у себя в кабинете такие ужасы (ну и что, что дорогие), и он лучше бы развешал постеры Шварценеггера, на которого куда приятней смотреть, чем на всё это малево.

– Не понимаю я всех этих эксгибиционистов. – В очеред-

ной раз посмотрев на эту кричащую картину и, в сердцах плюнув на ковёр, Макрон, переведя свой взгляд на своё отражение в экране телефона, где всегда под рукой находился самый лучший собеседник и слушатель – он сам, так откровенно высказался на счёт себя. И как оказывается, что и узнаёт его собеседник – он сам, то он тоже не всегда во всём разбирается и даже в некоторых вещах проявляет непонимание. – Не зря моего предшественника сняли с должности Генерального. Имея такие взгляды на мир, я совершенно не удивлён этому. – Покачав головой, Макрон принялся перелистывать справочник с номерами аукционных домов, куда можно было сбегать или обменять на постер Шварценеггера эту картину.

– И ведь не нашёл. – Глядя на картину, Макрон подытожил результаты своих поисков. – А ведь тут дело даже не в моём предшественнике, а всё они, эти ходячие мумии, специально поместили её здесь, чтобы я смотрел и всегда помнил, что меня ждёт, если я их растрою. – Макрон вновь закипел, вспомнив все эти непроницаемые и бесстрастные лица старших партнёров, с кем ему вчера вечером пришлось отужинать в одном самых дорогих ресторанов.

Ну, как отужинать, скорее они, развалившись и вывалив свои животы («И откуда они у них берутся при их тщедушном теле», – Макрон сразу же был поставлен в тупик природой отношений с природой, всех этих серых и тщедушных лиц), ужинали, а он, сидя в чётко регламентированной пози-

ции – на самом краешке стула, вынужден был наслаждаться видами работы вставных челюстей этих акул закулисного мира.

– Ты сынок, не обижайся, да ты и сам, наверное, понимаешь, что ты ещё не заработал, ни нашего доверия, ни на хлеб без масла. – Звучно пережёвывая лобстера, показывая всем вокруг сидящим, что он не зря не снял очки, чьи стёкла подверглись нападению брызг, которые всегда сопровождают всякое рвение, особенно при ужине, мистер Пфайзер, с расстановкой зубов и слов поучал вспотевшего от всех этих видов Макрона.

– Да пусть только попробует обидеться. А мы, посмотрим. Ха-ха. – Вставляет своё слово один из братьев Джадной, рыжий Эрик, который, имея тягу к веселящим напиткам, после их пригубления был не прочь развлечься.

– Ну, что молчишь. Давай, обижайся. – С силой воткнув вилку в кусок стейка, прохрипел второй из трёх братьев Джадной, уже лысый Херк. На что Макрон, хоть внутренне уже не только обижается, но и даже воспылил ненавистью ко всем здесь сидящим за столом людям, кроме только себя, он всё же не подаёт виду и лишь краснеет. Что замечается третьим, с моноклем в глазу, старшим братом Джадной Годном, и он, не веря своим глазам или вернее сказать, глазу в монокле, снимает его, протирает салфеткой за сто долларов и, вставив обратно, и точно, убеждается в том, что он не ошибся и видит эту дерзость, которую проявляет Макрон.

– Это, как понимать? – Вопросительно, с нотками истерики в голосе, заявляет завладевший общим вниманием Годном.

– Ты это о чём? – удивлённо спрашивает его Эрик, как выразитель общего вопросительного мнения.

– А мне интересно, что он хочет сказать или вообще, может быть, на что-то намекает, когда так демонстративно краснеет. – Ткнув в сторону Макрона указательным пальцем, на котором болтался перстень с красным камнем, заявляет Годном. Что тут же вызывает множество вопросов и предположений в головах сих великих людей, которые тут же столько всего надумали, что узнай об этом Макрон, то он бы ещё больше покраснел, только уже по причине гордыни.

А ведь сим мужам действительно было над чем задуматься, о чём непосвящённым никогда и не догадаться. А потому что они не посвящены во все эти закулисные тайны и интриги, где как раз большое значение имеет всякая недоговорённость, тайный символ или намёк, с помощью которых и ведут все свои дела посвящённые во все эти таинства – серые кардиналы политики. И вот когда мистер Годном Джадной задался этим, только на первый взгляд простым вопросом: «Макрон прямо говорит или намекает?», – то умеющие читать между строк посвящённые, а здесь других и не было, сразу же уловили суть его вопроса: а не посвящённый ли он. А уж от ответа на этот вопрос многое чего зависит. Ведь если Макрон посвящён, то это многое меняет и в том числе

отношение к нему, что опять же не отменяет вопроса: а кто тогда, без общего обсуждения, посмел его посвятить.

Что заставляет сидящих за столом, пока ещё людей, а не богов, отложить свои ножи в карманы дорогих, с заплатками на локтях пиджаков, а вилки на стол рядом с собой, и боковым зрением подозрительно посмотреть на своих вдруг затихших соседей, которым доверия и так никогда не было, да и не могло было быть, если хочешь невредимым сидеть за этим столом. И теперь каждый из сидящих за столом глав корпораций и владельцев контрольных пакетов акций и активов, хоть никогда и не сомневался в том, что все сидящие рядом с ним люди, все сплошь подлецы, сквалыги и негодяи, готовые ради прибыли продать и заложить чужую душу (своя давно уже находится в залоге у дьявола), то сейчас в очередной раз убеждается в этом. Ну а всякое убеждение добавляет уверенности в себе и каждый из членов этого кружка, и даже объединённые родственной связью, но разделённые самолюбием братья Джадной, теперь не сомневались в том, что кто-то начал свою закулисную игру, для того чтобы стать первым среди равных.

– Это однозначно Годном. – Бросив косо́й взгляд на монокль Годнома, уже не сомневается в двуличии Годнома его средний брат Херк, никогда не забывавший, как Годном, будучи старшим братом и любимчиком, используя своё семейное положение, всегда третировал их с Эриком, съедая самый большой кусок торта. – И ведь до чего же хитёр, паразит.

И чтобы про него никто не подумал, сам первый и задался этим вопросом. – Херк, даже немного наполнился гордостью за то, что его брат такая хитрая бестия.

– Чую, что здесь без руки гера Байерра не обошлось. – С ненавистью посмотрев на подтяжки гера Байерра, подумал мистер Пфайзер. – А для чего он тогда решил сегодня почтить наш кружок своим присутствием. Всё понятно, решил держать руку на пульсе. – Мистер Пфайзер, раз уж ему вспомнилось, тоже захотел проверить свой пульс, для чего и взялся правой рукой за запястье левой.

– Ах ты, гад, сигналы подаёшь. – Заметив эти странные движение рук мистера Пфайзера, вцепился нестриженными ногтями в свою, в отличие от всех жирную ногу, ещё один глава корпорации, Оливье Кредикур.

И кто знает, до чего бы дальше додумались члены этого кружка, если бы тишину не нарушил всё тот же возмутитель спокойствия – Годном.

– Да он своим покраснением хочет показать, что ему стыдно за нас. – Своим новым заявлением, Годном всплашивает лица членом этого избранного клуба, которые на время забыв насчёт друг друга свои кривотолки, наполнились праведным гневом на то, что этот Макрон использует запрещённые в этом кругу приёмы. Что, в свою очередь, заставляет членов этого клуба задуматься над тем, а кто его надоумил на эту подлость. А как это ещё назвать, когда ты специально демонстрируешь у себя то, что у них по душевным осно-

ваниям давно уже отсутствует. Правда на этот раз, все почему-то подумали, что тем человеком, кто надоумил Макрона на всё это, был Оливье Кредикур, чья лоснящаяся от жира и покрасневшая от красного вина физиономия, уже не косвенно указывала на его заинтересованность в том, чтобы ему ни одному здесь сидеть с красной рожей.

– На воре и шапка горит. – Сразу всё понял рыжий Эрик и, решив срочно выпить, потянулся за бокалом. Что вызывает внутренний переполох в душах сидящих членов клуба, решивших, что вот оно, начинается. Но к своему не удивлению, Эрик не швырнул бокал в голову Оливье, а со знанием дела влил в себя его содержимое. После чего он отставляет бокал и приступает к закуске, что вызывает у смотрящих на него членов этого клуба приступ аппетита и все, забыв про Макрона, приступают к новой стадии поглощений (В СМИ этот клуб по-разному кличут и, как правило, в основном фамильярничают. Когда как сами члены клуба, не смотря на крики отцов основателей, давно уже между собой более богатыми, называют его клубом одиноких сердец сержанта Джона Уокера (для тех кто придерживается традиционных ценностей – без льда, а для либерального истеблишмента – со льдом)). Где они, забыв обо всём и даже про ножи в карманах, перекидываясь шутками и ведя разговоры, начали заниматься тем, чем всю жизнь и занимались – набирать вес.

Ну а как только наступает их примирение с действитель-

ностью, чему способствует внутренняя наполненность организма, то, пожалуй, можно и разделить её с окружающим миром. За что и берётся вечно переполненный чем-нибудь, мистер Пфайзер, который вновь увидев теперь уже бледного Макрона, вначале возмущился наглостью местного обслуживающего персонала, который позволяет себе на работе сидеть, сложив ручки на коленях, но потом, не обнаружив на нём фартука, засомневался в своём предположении на его счёт. С чем мистер Пфайзер и обращается к Макрону:

– А ты, собственно, кто такой? – Что снова заставляет всех отстраниться от своих блюд и внимательно посмотреть на этого, непонятно, что за гуся, Макрона. Ну а Макрон в свою очередь, можно сказать, только пришёл в себя после первого наката всеобщего внимания, а тут новый, не менее заковыристый, чем первый вопрос. А ведь это такой вопрос, что от ответа на него, скорей всего и будет зависеть его будущее, а может и сама жизнь (Макрону до падения со стула захотелось прикусить свой кулак), и он не так-то прост, и однозначно содержит в себе скрытый подвох. И что спрашивается, он должен на него ответить?

«То, что я Генеральный. Нет, они увидят в этом моё самолюбование и человеческую слабость – жажду власти и тщеславие, – Макрон принялся судорожно размышлять, ища подходящие ответы на этот вопрос. – Хотя то, что у меня есть слабости, как раз их будет устраивать и скорей всего именно это, как раз и повлияло на их окончательный выбор ме-

ня». – Макрона озарила догадка, которая, что удивительно, наполнила его решимостью и даже чуть-чуть наглостью. И он, поняв, какая всё-таки сила эта слабость, дерзко – прямо в глаза, посмотрев на мистера Пфайзера, заявил ему и всем здесь присутствующим:

– Я, Генеральный. – Ну а это заявление Макрона, в свою очередь вызывает у членов клуба противоречивые чувства, где им с одной стороны завидно тому, что они уже не столь глупы и молоды, чтобы радоваться таким мелочам, а с другой стороны, злы за такие намёки на их под сто лет зрелость, которая только и несёт опытность. Но, как говорится, кто первый начинает, тот, как правило (только не в случае с возрастом), выигрывает, а в данном случае это была молодость. И члены клуба, так уж и быть, решили, что Макрону быть Генеральным.

– Вот, смотрю я на вас молодой человек, и знаете, о чём я думаю? – вновь берётся за своё – за вопросы, Пфайзер, чью вечно спрашивающую и просящую натуру все знали, и даже со временем привыкли, посылая его куда подальше. Но Макрон был не знаком с манерой поведения этого, вся рожа в оспинах, Пфайзера. И если поначалу Макрон под давлением всех этих взглядов и провокационных вопросов, находился в смятении, то сейчас он, найдя в себе точку опоры – свою слабость, был готов дерзить в ответ. Что он и продемонстрировал, нагло предположив:

– Наверное, завидуете моей молодости. – И хотя доля

немалой истины в этом была, с чем, не смотря на собственные адвокатские конторы, никто из членов клуба, даже используя подлог, не стал бы спорить и оспаривать, всё же мистер Пфайзер не собирался вот так просто признавать очевидность и поэтому уклончиво засмеялся.

– К-хе. А вы сынок, остры на язык. – Еле сдержался побагровевший мистер Пфайзер, специально сделав акцент на применение слова «сынок», где он, используя его, намекнул на то, что Макрон ещё соплив, чтобы поучать столь зрелых и здоровых мужчин. Но всё же мистер Пфайзер слегка или не слегка позавидовал Макрону, что все по его задрожавшим рукам и заметили.

При этом все знали, что Пфайзер до дрожи в руках (что уже и проявилось), не терпит завидовать (значит, от него нужно ждать проявления нетерпимости). Так что когда Пфайзер потянулся рукой за бутылкой вина, то все наблюдавшие за ним члены клуба, на мгновение испугались за голову Макрона, которой не сносить себя, после встречи с этой бутылкой. Но мистер Пфайзер не опускает бутылку на голову Макрона (Макрону сегодня явно везёт), а всего лишь наливает себе в бокал вина. Отчего всем в голову приходит одна и та же мысль, что Пфайзер уже не столь здоров, как он того желал и кичился, и что Пфайзер, как раз тот, кому нужен молодой Макрон, и кто, скорей всего, его и посвятил. А уж это открытие заставляет всех посмотреть на Пфайзера другими, ищущими скрытый подтекст в его словах глазами.

Правда у всех свои глаза и взгляды, и если братья Джадной, сразу же увидели в этом возможность для себя наложить свои длинные руки на самый лакомый кусок корпорации Пфайзера – «Виагру». «Она при его зрелой неспособности, ему уже не понадобится», – подмигнув друг другу, братья Джадной в кои веки пришли к общему мнению, решив сегодня же протестировать (раньше руки не доходили, из-за этого сквалыги Пфайзера, загнувшего за неё неподъёмную цену) эту, почти что теперь свою продукцию». Ну а если она работает не так, как ожидается, то мистеру Пфайзеру не поздоровится, и братья, уже насчёт него придут к общему, уже знаменателю.

– Но я не о том. – Продолжил говорить мистер Пфайзер, уже и забывший о чём он хотел вести речь, и поэтому таким ловким приёмом переменивший тему разговора. – А о том, что вам повезло и вы пришли на всё готовенькое. Когда как мы были вынуждены создавать всё с нуля. – С чем не могли не согласиться все до единого члены этого клуба, чьё состояние, измеряемое многочисленными нулями, было скорее данью их памяти, чем чему-то ещё, связанному с их жадностью и жаждой власти. Что поделать, раз они слегка рассеянны, немного забывчивы и при этом подвержены ностальгическим воспоминаниям о тех нулевых годах, когда в кармане была одна лишь пустота и воздух. Вот и приходилось облекать свою память в цифру (благодаря им цифровые технологии резко рванули в своём развитии), а уж она, осо-

бенно нулевые ячейки и не давали им забыть, кто они и с чем пришли в этот мир.

– Да-да. Всё именно так. А как же иначе. – Раздались согласные со сказанным голоса членов клуба.

«Так и знал, что обязательно начнут ворошить прошлое», – нервно дёрнувшись про себя, Макрон, дабы не заметили его недовольство, окунул свой нос в принесённый официантом стакан с водой, на который разорились члены клуба, видя жажду и томление в глазах Макрона. Ну а Макрону ничего другого не оставалось делать, как под прикрытием этого стакана с водой, позёвывая, ждать того момента, когда у них закончится память или, что вероятней, они передерутся и переругаются между собой.

Пока же Макрон занял такую свою, через стакан наблюдательную позицию, мистер Пфайзер, совершенно не обращая на него своего внимания, ну и что, что для него, в общем-то, заводился весь этот разговор (мистер Пфайзер мог и забыть, что при его годах позволительно делать, а не пользоваться этим глупо), продолжил свой нравоучительный и местами захватывающий рассказ, а не как думал Макрон, разговор.

– А ведь мы все начинали с одного – бутлегерства. – Мистер Пфайзер сделал паузу, для того чтобы своим взглядом обвести всех присутствующих за столом людей. Чьи лица, как и в те прежние времена, не выказывали и тени сомнения в том, что всё то, что он сказал, именно так, и что они, не

моргнув глазом, отправят сомневающегося в них и качестве их продукта, на тот свет.

– Да, были времена. – Вздохнул вместе с сидящими за столом головорезами мистер Пфайзер, который, как и многие из сидящих, уже давно убрал автомат Томсона в чулан, и теперь в своих делах использует цивилизационные методы распределения богатств, которые, как оказывается, куда прибыльнее и безопасней.

– Запомни, одну важную вещь. – Наклонившись в сторону Макрона, проговорил мистер Пфайзер, заставив тем самым Макрона оторваться от стакана и приблизиться к нему. – Если в стране намечаются глобальные изменения, а это всегда передел собственности, то жди появления сухого закона. А всё просто, ведь для того чтобы была достигнута заявленная цель, необходимо появление нового, иначе мыслящего класса. При этом, чтобы новые изменения смогли надолго удержаться, они должны обязательно опираться на что-то, как в данном случае на этот класс, выступивший, как авангард изменений. Ну а этот класс сможет выступить опорой лишь в том случае, если он будет обладать определённым капиталом. Ну а чтобы быстро накопить капитал, просто необходим сухой закон. Так что всё логично и как у нас в двадцатые года, так и в восьмидесятые годы в Союзе, сухой закон возник не на пустом месте, а был подготовкой к предстоящим глобальным изменениям. – Мистер Пфайзер на этом замолчал и, как показалось Макрону, даже завис. А ведь Макрон

между тем, был единственным, кто в оба уха слушал, когда все остальные уже увлеклись своими воспоминаниями о тех золотых и, конечно, кровавых временах накопления начального капитала.

Но мистер Пфайзер, а в былые сухие времена «Хитрый лис», только делал вид, что он в своём старческом маразме забыл себя и где он вообще находится. А всё для того, чтобы его противники, а в этом противном и осточертевшем мире для «Хитрого лиса» иных и не было, перестали бы принимать его в расчёт и в своём расслаблении раскрыли себя и свои коварные планы.

– Как думаешь, он всё слышит или уже умер? – кивнув в сторону «Хитрого лиса», прошептал своему брату «Бешеному псу» Годному, «Бешеный пёс» Эрик.

– Если не умер, а всё и всё ещё слышит, то можешь считать, что он уже умер. – Сквозь зубы проговорил «Бешеный пёс» Годном, сжав в кармане столовый нож.

– Это надо проверить. – В разговор вмешался ярый приверженец безоговорочных решений, третий «Бешеный пёс» – Херк Джадной, который берёт со стола тарелку и, размахнувшись, обрушивает её на пол, точно посередине между «Хитрым лисом» и Макроном. И если сидящий Макрон, явно не обладая терпением и выдержкой, в один момент, не просто отпрял назад, а скорее откинулся на спинку стула, которая, не выдержав этого резкого наскока, накренилась назад и, не дожидаясь пока Макрон уравновесит себя и стул,

понеслась назад вместе с ним, то «Хитрый лис», так внешне и не шелохнулся, сидя в одной нестигаемой (попробуй согнуть, уже итак согнувшееся) позе мыслителя (правда, без ручной опоры на коленку). И даже тогда, когда в буквальной близости от лица «Хитрого лиса» пронеслась нога, летящего в своё падение со стула Макрона, то и тогда, ни один мускул не дрогнул на его лице.

Но эта внешняя невозмутимость «Хитрого лиса» была всего лишь его защитной маской, ничего не имевшей общего с тем, что творилось внутри самого Пфайзера, который в этот момент увидел не просто разлетающуюся в куски тарелку, а он отчётливо вспомнил тот судьбоносный день, когда его жизнь чуть было не разлетелась на те же мелкие кусочки.

Глава 6,5.

Бутлегеры.

Все судьбоносные дни, дабы вы не слишком переживали или же не старались тратить время за зря, пытаясь затаившись, избежать этой судьбоносности, начинаются, как самые простые и ничем не примечательные дни. Где вы, как обычно очухиваетесь после самой обычно проведённой ночи, само собой в незнакомой квартире, типа притона и, продрав глаза, с удовольствием замечаете, что вы до сих пор в штанах, в рубашке и даже в шляпе на голове. А это значит одно, что вы с вечера заблаговременно позаботились о себе и не раздевались, для того чтобы утром не тратить драгоценное время на все эти одевания. Но и это ещё не всё, и вы,

дабы не расслаблять себя мягкими матрасами и всегда быть в тонусе, прилегли, а возможно (не зря бока болят), просто грохнулись с кровати на пол.

После чего вы или тот, кто всё это вспоминал – «Хитрый лис» Файзер (так его до известных только ему событий звали), вначале вытягивает в сторону левую руку (он был левша) и ожидаемо нащупывает в своей руке зажатый ею же револьвер. «Это уже радует», – радуется Файзер, понимая, что, пожалуй, пока он себя не помнил в пьяной отключке, никто не посмел бы покуситься на него, когда в его руках находился револьвер (да и его лежащее положение – с прикрытой задницей, головой к потолку, говорит о том, что он лежал, не как фуфло, а как хозяин положения). Далее наступает очередь правой руки, и она тоже не подводит Файзера, обнаружив в себе бутылку виски, которая в один локтевой сгиб руки тут же подводится к жаждущему рту Файзера, и он, даже не приподымаясь, начинает, обливаясь, вливать в себя виски.

Ну а такие красноречивые звуки не могут не быть услышанными теми, кто и сам не прочь с утра приложиться к бутылке. А их в таких местах, где раз за разом оказывался «Хитрый лис» Файзер, была полная кровать, которая не только стояла рядом с проходом, в котором поместил себя Файзер, но возвышалась над ним. И как только Файзер после первого глотательного вливания сделал небольшую передышку, как на кровати зашевелились и буквально через мгновение, с неё выглянуло пока ещё миленькое личико краше-

ной блондинки, с классической для тех лет причёской на голове.

– Лиска, а мне. – Надув губки, пролепетала блондинка, заставив Файзер с недоумением посмотреть на неё и, не обнаружив у себя в памяти этого лица, принятая соображать, а кто это такая и почему она зовёт его каким-то и не пойми, что за именем. Но Файзеру уже неплохо и он может полежать и подумать хоть о чём, когда, как милой блондинке не терпится сделать глоток и она вынуждена быть более сообразительной, нежели Файзер. Так что она не разлёживается, а поняв причину заминки Файзера, быстренько сползает с кровати к нему на пол, где забравшись на него, а затем, склонившись над его головой, глядя ему в глаза, говорит:

– А вчера клялся, что никогда меня не забудешь. – Блондинка прищурившись, пытается смутить Файзера. Но разве Файзера чем-то можно смутить и растревожить, и он вновь приближает к своему рту бутылку и делает внушительный глоток, заставляя блондинку вместе с собой проглатывать слюни. Правда Файзер не любит пить в одиночку, да и курить охота, и он, так уж и быть, протягивает бутылку блондинке, которая тут же проявила свою подлую женскую сущность и, добившись своего – бутылки, вместе с ней упархивает обратно на кровать.

Но Файзер не посылает ей вдогонку пулю, а посчитав, что ему пока хватит, и его ещё ждут дела, убирает револьвер в висящую на плече кобуру и, получив в своё распоряжение

вторую свободную руку, оперевшись на руки, поднимается с пола. Ну а стоять, это вам не лежать, и здесь требуется определённая сноровка и умение держать равновесие, чтобы опять не лежать, но уже с разбитым лбом. А всё потому, что в стоячем положении на вас действует множество направленных и пытающих сбить вас с толку сил, как например, сила ветра, который любит раздолье, а тут вы стоите и мешае-те ему беспрепятственно ветриться. Что ему естественно, не может понравиться, и он старается вас пригнуть к земле, ко-торая находясь в связке или сговоре с этим подлым ветром (а для чего он тогда юбки приподнимает у симпатичных и юных особ; подлец и любовала, одно двойное слово), стара-ется притянуть к себе.

Правда, в этой комнате сейчас ветров не ощущается, но Файзера всё равно этим не сбить с толку, когда он чувствует, что его пошатывает. Что, скорей всего, является следствием действий внутренних ветров, которые, каким-то неведомым образом (наверное, когда он спал), проникли в него и пыта-ются изнутри расшатать его основы стояния. Но Файзер не первый день и даже год прикладывает к бутылке и знает, как обуздать это волнение и дрожь в ногах. И он, приблизив-шись к блондинке, вырывает из её рук бутылку, после чего делает ещё один глоток и уже окончательно возвращает той бутылку. Затем он, передёрнувшись, выплёскивает из себя рык, с чем и отправляется в ванну помыться.

Там же намочив свою голову, он этим экспресс способом

приводит себя в порядок и уже в полном порядке предстаёт перед блондинкой, которая в свою очередь, наоборот, выглядит не очень в порядке и даже не только на лице, но и в одежде. Где всё так задралось до неприличия, что даже Файзер, до неприличия ответственный пуританец и то, чуть не соблазнился на то, чтобы оставив на время все свои приличия в покое, предаться всему этому неприличию. Да и тем более сама блондинка напрашивалась. Её, как он сейчас вспомнил (воспоминание в руку), зовут Салли и как вроде бы они, уже последние полгода живут вместе и даже строят планы на будущее – где они заведут детей и будут пить по утрам не виски, а чай по-русски или с лимоном. Ну а Файзер, как однозначно джентльмен, разве мог позволить такому случиться, чтобы просьба девушки осталась без ответа. Конечно не мог, и Файзер уже было начал расстегивать пуговицу на рубашке, как неожиданный им, неожиданный, что логично, стук в дверь, заставляет его руку одёрнуться от пуговицы и схватиться за револьвер.

После чего Файзер бросает резкий взгляд в сторону двери, в которую пока не вламываются и Файзер позволяет себе перевести свой напряжённый взгляд на развалившуюся в привлекательной для всякого олуха позе блондинку Салли.

«Ах ты, потаскуха. Хотела подловить меня на моё джентльменство и завлечь к себе в страстные объятия. И пока я, позабыв обо всём, увлечённо обнимаюсь с тобой, те за дверьми, а там скорей всего стоят гангстеры, подосланные

моим конкурентом видным бизнесменом Джозефом, выламывают дверь и врываются сюда в спальню. И что они видят, когда с автоматами наготове оказываются здесь. Одно неприличие и даже возможно, срам. Ах ты, потаскуха. – Повторился Фрайзер и даже покраснел от всех этих представившихся ему своих видов сзади без штанов, что заставляет его ещё крепче сжать револьвер и зубы.

– А ведь они, скорей всего, не сразу накормят меня пулями, а захотят поиздеваться, накормив меня по горло стыдом. Возьмут и бесштанного выгонят на улицу, а там моросит дождь и холодный ветер. Где я, конечно, замёрзну и весь сожмусь, но и этого им будет мало, и они специально подгонят меня к грязной луже и пролетят мимо на машине, чтобы окатить этой грязью с головы до ног. После чего я униженный, обязательно простужусь и умру. А что ещё можно ожидать от этих грязных типов, которые только и работают на этого вечно прокручивающего свои грязные делишки Джозефа. Не иначе, в политики готовится. У, гад», – Файзер, решив отстреливаться до предпоследнего патрона (последний, решил оставить для этой Салли), заняв позицию у стены, потихоньку выдвинулся в сторону дверей, в которые вновь, но уже сильнее и продолжительнее, постучали.

«Что, не терпится подловить меня», – усмехнулся про себя Файзер, не спеша двигаясь по направлению к двери и держа наготове в левой руке револьвер. Но вот Файзер оказывается у двери, которую он, впрочем, не торопится открывать

и, не прижимаясь ухом к ней, чуть отстранившись в сторону, прислушивается к тому, что там делается за ней. А там, как ему слышится, кто-то нетерпеливо елозит своими ногами по полу и вроде бы даже возмущается глухотой того, кто находится с той стороны двери, где сейчас стоит Файзер.

– Ну, это наглость, заявлять подобного рода вещи. – Покачивает головой Файзер, который хоть и предполагал, что пришедшие, те ещё наглецы и бандиты, но всё же, когда ты слышишь такие обидные вещи практически в лицо, то это, конечно, заставляет возмущаться и нервничать. И если бы голос стоящего за дверью человека, не показался Файзеру знакомым, то он, пожалуй, не спрашивая «Кто там?», прямо сейчас, не открывая дверь, разрядил свой револьвер. Ну а раз голос знакомый, то так и быть, можно спросить.

– Синий Фил, это ты? – боясь ошибиться, а ошибка может стоить дорого, выстрелами в ответ, тревожно спросил дверь Файзер.

– А кто же ещё. – Стоящий за дверью явно удивлён тому, что его спрашивают о том, кто он есть. А ведь он всегда таков и никогда вроде бы не менялся, что право странно.

– Ну смотри, не обманись. – Угрожающе проговорил Файзер, чем чуть не заставил Синего Фила перестать стоять у двери. После чего Файзер, для начала отводит спусковой крючок револьвера, а уж затем щеколду, на которой держалась вся эта закрытость двери. Вслед за этим дверь резко раскрывается и не успевает Синий Фил что либо сообразить,

как приставленный к его горлу ствол револьвера, уже приподнял его на пальцы носочков ног. В свою очередь Синий Фил пытается хотя бы вздохнуть и даже уравновесить себя взмахами рук, что ему, в общем-то, пока удаётся.

– Ну, посмотрим, тот ли ты Синий Фил или всего лишь самозванец, который за него себя выдаёт. – До ушей Синего, а теперь и трудно сказать какого, когда Фил уже больше красный от напряжения, чем синий от его образа жизни, доносится грозный голос Файзера, чьё лицо, в виду неудобного головного положения Филадельфии, ему пока трудно разглядеть. Так что нет ничего удивительного в том, что Фил, для того чтобы лучше разглядеть Файзера, пытается поворачивая свой нос, который своей массивностью загородил лицо Файзера, заглянуть за него, чтобы увидеть Файзера. Что интерпретируется Файзером, заметившим все эти носовые движения Филадельфии, с неожиданной для него стороны.

– Да ты ещё нос воротишь. – Охнул Файзер, отчего тут же захотелось охнуть и Филадельфии, на чью ногу, которая и так находилась на носочках, нестерпимо больно наступил своими ковбойскими сапогами Файзер. И, пожалуй, Филадельфии несдобровать и дальше, да вот только как раз знание им того, что у него есть и вторая нога, наступив на которую ей будет не меньше больно, чем первой, мобилизует Филадельфию, и он своим, прямо из души заявлением, определённо приводит Файзера в замешательство.

– А какой смысл самозванцу выдавать себя за Синего Фи-

ла? – истеричным голосом спрашивает Синий Фил Файзера, отчего тот на мгновение замирает на одном месте – ноге Фила и, не сводя своего взгляда с уже обливающегося потом Фила, принимается размышлять над этой заковыристой задачей. Но вот проходит мгновение (для Файзера) или может вечность (для Фила), и Файзер озаряется улыбкой, с которой он слезает с ноги Фила и убирает свой револьвер обратно в кобуру.

– А я с самого начала знал, что это ты. – По-дружески похлопав Синего Фила по пыльному плечу, Файзер от души радуется тому, что перед ним стоит именно Фил, а не какой-нибудь самозванец, которого, в общем-то, не сильно отличишь от всего в пыли, Синего Фила, который, если честно, тот ещё самозванец и сволочь.

Что же касается самого Синего Фила, то он хоть и рад тому, что всё так удачно для него разрешилось, тем не менее он не спешит конкретизировать незаконченность заявлений Файзера, который, как ему кажется, ещё в нём сомневается и поэтому вместо имени использует местоимение «ты». Да и к тому же Файзер не даёт Филу времени на раздумья и вновь став резким и злым, спрашивает его:

– Ладно, нечего зря тратить время. Я, как понимаю, ты не просто так пришёл. Говори, чего хотел. – Что, судя по напряжённому виду Синего Фила, вызывает у него новый приступ недоумения, которое бы и прорвалось вскоре, да вот болтающийся под мышкой у Файзера револьвер, заставляет

его включить благоразумие и выбирать выражения. И Синий Фил, вместо того, чтобы возмущённо, зычным и даже грубым голосом заявить: «Да ты что, вообще оборзел, тупая, беспамятливая скотина. Ты же сам, мудака, ещё вчера велел собрать во всеоружии ребят и заехать за тобой. А сейчас, стоишь и тупишь. Так что, не обижайся, а для конструктивности диалога, придётся тебе заехать кулаком в нос», – используя дискант, говорит:

– Ты же сам велел. – На что Файзер, которому, конечно, польстило, что его веления имеют такую силу, не сразу нашёлся, что ответить, перебирая в голове, что он такого вчера хитроумного задумал, раз сегодня с утра даже и не вспомнит. И Файзеру, наверное, пришлось бы ещё долго поломать свою голову, если бы не внезапное появление полураздетой Салли, не внесло свою интригу в этот разговор.

И ладно бы если Салли была всего лишь полунага и неряшливо раздета, но нет, она не может появиться и продемонстрировать себя молча, и ей обязательно нужно озвучить себя. Да ладно только себя, но нет, ей обязательно хочется указать на свою близость к Файзеру, что, конечно, логично и девушка мистера «Хитрого лиса» Файзера, всегда должна знать своё место рядом с ним – у него в ногах, но не такими же словами, какие использовала Салли, об этом говорить.

– Лиска, я уже вся замёрзла от твоего отсутствия. – Уткнувшись носом в косяк двери, пролепетала, неустойчиво стоящая на ногах Салли, пуская сигаретный дым в щель

между дверью и дверной коробкой. Что всё вместе взятое – её появление и слова – вызывает неоднозначную реакцию Синего Фила и Файзера. Где Филу всё это видеть и слышать любопытно и интересно (и он в плане согреть, даже готов заменить этого Файзера, если тот, конечно, его попросит), тогда как Файзер, так и не понимая, кто этот Лиска и почему она называет этим именем его, всё же чувствует неловкость, когда всё это видит и слышит Синий Фил.

А ведь она, судя по её неменяемому виду, ещё не того может сказать и сделать, что заставляет Файзера быстро действовать, и он, схватив Салли за её белокурые локоны, резко разворачивает её спиной к себе и пинком под зад, отправляет её куда-то туда, далеко вовнутрь квартиры. Откуда, спустя её полётное падение доносится тот самый грохот, говорящий, что Салли удачно приземлилась мимо кровати на пол. После чего довольный собой Файзер, со зверским выражением лица смотрит на внушённого своей крепостью ноги Синего Фила, который теперь точно знает, что он не какой-нибудь там подкаблучник и тряпка, а самый настоящий мужик.

– Ну что, ещё вопросы и сомнения во мне есть? – в обращённых на Фила глазах Файзера, так читается немой вопрос.

– Да после этого, с тобой хоть против Аль Капоне. – В восторженных глазах Синего Фила читается его готовность пойти за Файзером хоть до самого Алькатраса, где давно уже сидит и кукует этот Аль Капоне.

– Едем. – Кратко говорит Файзер, и Синий Фил, которому

не нужно два раза повторять, поворачивается в сторону лестницы и начинает свой ход. Ну а спуск по лестнице приводит их на переходную площадку, затем следует ещё несколько переходов, с переходных площадок на этажи, и так до тех пор, пока они не оказываются на улице, которая, что удивительно, не поглощена морозящим дождём (серые мысли всегда моросят, а радостные – солнечны), а освещена со всех сторон солнцем. И хотя постоять, прищурив глаза, греясь на солнышке, то ещё с детства удовольствие, всё же оно теперь недоступно занимающемуся специфическим бизнесом Файзеру, и он, с сожалением вздохнув, быстро юркает в подъехавший к подъезду «Паккард». После чего «Паккард» и ещё такой же, следующий за ним попятам автомобиль, срываются с места и уносятся в серую даль промышленных зон города, куда, не смотря на это солнце, так и не может пробиться, не то что солнечный свет, а даже лучик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.